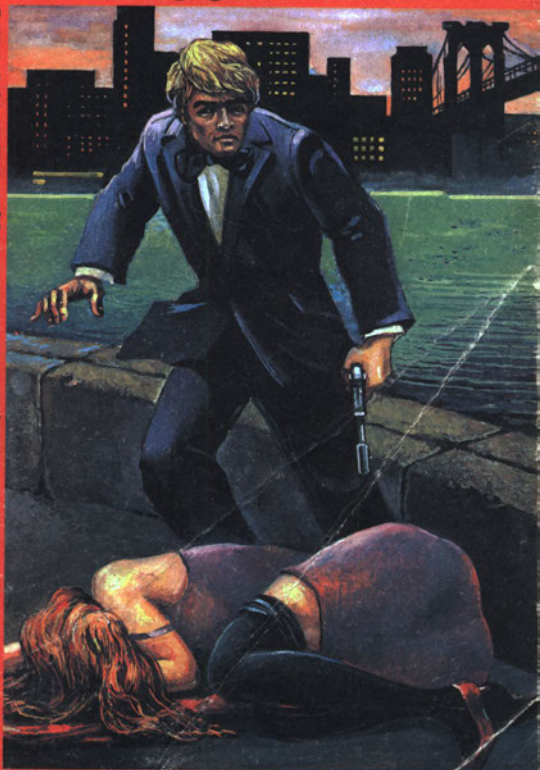

ЯН ФЛЕМИНГ ДОКТОР „НО“

АГЕНТ ОО7 С ЛИЦЕНЗИЕЙ НА УБИЙСТВО

Зр.

... Когда было необходимо, то я применял более крупное оружие, например, длинноствольный "Кольт 45". "Беретта" мне нравится: легко вести огонь с близкого расстояния и удобно носить с собой.

... Эта странная высокая фигура имела сходство с огромной ядовитой гусеницей, одетой в металлический панцирь. Бонд совсем не удивился, если бы увидел, как нижняя липкая часть ее ползет по полу. Доктор "НО" подошел и остановился в трех метрах от них.

... в руках у Бонда был гарпун длиной чуть больше метра. Это уже оружие. Бонд вновь встал на стул и осторожно протянул руку в вентиляционную трубу. Удара не последовало. Он подтянулся на руках, протиснулся в отверстие и лег ничком.

ЯН ФЛЕМИНГ ДОКТОР „НО“

Москва
издательство «Прометей»
МГПИ им. В. И. Ленина
1990

ББК 84.4 Англ.
Ф 71

*Издание подготовлено
кооперативом «Россия-88»*

Флеминг Я.

Ф 71 Доктор «NO». Пер. с англ. С. С. Попова. М.:
Прометей. 1990. 176 с.

Ф 4703010100-219 без объявл.
183(2)-90

© Издательство «Прометей»
МГПИ им. В. И. Ленина, 1990

1. «ПРИЕМ, ВАС СЛЫШУ...»

Ровно в шесть часов вечера, когда солнце в последней золотой вспышке спускалось за Голубую гору, а фиолетовые сумерки раскинулись над улицей Ричмонд Роуд, на изысканных лужайках около домов застрекотали кузнечики и заквакали лягушки.

Никаких иных звуков не было слышно на этой широкой и пустынной улице. Богатые владельцы больших вилл — директора банков, управляющие предприятиями и крупные чиновники с пяти часов находились дома и обсуждали последние новости со своими домочадцами, принимали душ, переодевались: самая аристократическая улица Кингстона как бы замерла и только через полчаса она оживет от притока приглашенных на коктейль.

Ричмонд Роуд — самая шикарная улица на всей Ямайке. В больших выстроенных в старинном стиле домах, окруженных чудесными, быть может, даже чересчур картинными садиками, обитает самая изысканная публика города. Эта длинная, чистая и спокойная улица находится в стороне от интенсивного автомобильного движения.

Самое роскошное здание на Ричмонд Роуд — большой трехэтажный дом с просторными белыми верандами, опоясывающими два верхних этажа. Он стоит на углу, с восточной стороны улицы, у перекрестка. Ко входу с классическими колоннами ведет посыпанная песком аллея. Она пересекает зеленые лужайки и теннисные корты. Это — Королевский клуб — Мекка общественной жизни Кингстона. Посторонним здесь делать нечего. Администрация и персонал — высшего класса, а кухня и ресторан — самые лучшие во всем регионе.

Почти каждый вечер в этот час к клубу подъезжают четыре машины, принадлежащие четверем бриджистам, которые собираются здесь ровно в пять часов и играют до полуночи. По машинам можно сверять часы.

Машины принадлежат (следуя по порядку, в котором они обычно выстраиваются вдоль тротуара): командиру силами Обороны Карибского бассейна; ведущему адвокату города по уголовным делам; профессору математики Кингстонского университета. Последняя в этом ряду машина Джона Стрэнгуэйза, офицера Службы регионального карибского контроля, а проще говоря, местного резидента Секретной службы Великобритании.

Еще не было четверти седьмого, когда тишина Ричмонд Роуд была нарушена. Трое нищих слепцов, обогнув угол, медленно двигались по тротуару в сторону клуба. Это были чигроэс, китайские негры. Крепкие на вид, хотя и несколько сутуловатые, они шли гуськом, шаркая ногами и постукивая по асфальту белыми палками. Первый, в синих очках, ориентирующийся, вероятно, лучше других, держал в левой руке еще и жестяную банку. Правая рука второго лежала на плече первого, правая рука третьего — на плече второго. У двух последних глаза были закрыты. Все трое были одеты в лохмотья, на головах грязные фуражки с очень длинными козырьками. Они шли молча по теневой стороне улицы, было слышно лишь постукивание посохов по асфальту.

В салоне для игры в карты игрок протянул смуглую руку и открыл четыре карты.

— Сто, — сказал Стрэнгуэйз. — И девяносто.

Он взглянул на часы и поднялся.

— Твой ход, Билл, я вернусь через двадцать минут. Закажите что-нибудь выпить. Для меня как обычно.

Билл Тэмплер, командующий силами Обороны, слегка улыбнулся, позвонил в колокольчик и собрал карты.

— Давайте скорее, черт возьми. Ты всегда смываешься, когда кому-то начинает везти.

Каждый вечер к неудовольствию своих партнеров в четверть седьмого Стрэнгуэйз прерывал игру. Даже в самый разгар партии он был вынужден отправляться в офис на сеанс связи. Это раздражало партнеров, но Стрэнгуэйз был неотъемлемой частью квартета. Никто из них не знал, что это была за связь, и никто не спрашивал его об этом. Работа Стрэнгуэйза была деликат-

ной, и в его дела не вмешивались. Он редко отсутствовал дольше двадцати минут и, с молчаливого согласия триицы, получал прощение за свое короткое дезертирство, заказав для всех выпить.

В действительности для Стрэнгуэйза эти минуты значили многое. Каждый день, в половине седьмого он передавал отчеты и получал указания. Разумеется, кроме тех дней, когда по делам службы путешествовал по стране. Впрочем, об этом знали. Если бы ему не удалось выйти на связь, существовал второй сеанс, «голубой», в семь часов, и последний, «красный», в половине восьмого. Если его передатчик молчал бы и дальше, то в Лондоне это бы восприняли как сигнал тревоги, и Третий отдел, которому Стрэнгуэйз подчинялся, немедленно бы вмешался в ситуацию.

«Голубой» сеанс являлся для агента непростительным упущением, даже если его «письменные объяснения» оказывались безупречными. Лондон поставил дело так, что сеансы связи с агентами во всех странах должны проходить по строжайшему расписанию, и малейшее нарушение этого распорядка, вызванное дополнительным сеансом, влечет за собой серьезные неприятности для исполнителя. У Стрэнгуэйза не было случая пережить унижение, связанное с «голубым» сеансом, не говоря уже о «красном» и, конечно, он никогда не подвергался проверке.

Каждый вечер, точно в четверть седьмого, Стрэнгуэйз проходил по отделанному красным деревом холлу Королевского клуба, садился в машину и через десять минут оказывался у подножья Голубой горы в уютном доме с видом на порт. В шесть двадцать пять он входил в дом и запирали за собой дверь на ключ. Мисс Трублад, в прошлом офицер женского корпуса, являющаяся официально его заместителем, с обычной пунктуальностью настраивала радиопередатчик, установленный в маленькой комнате. Она была уже в наушниках и выходила на связь, передавая сигнал вызова WXN на волне 14 мегагерц. На ее точеных коленях уже лежал блокнот для стенографических записей. Стрэнгуэйз устраивался на стуле с ней рядом, надевал другие наушники и, точно в шесть двадцать восемь, менял ее у радиопередатчика в ожидании долгожданной «паузы», говорящей о том, что WWW, сигнал из Лондона, сейчас будет подан.

Это было железное правило, а Стрэнгуэйз был человеком железных правил. К несчастью, действия, выпол-

няемые с методичным постоянством, становятся опасными, если окажутся известными противнику.

Стрэнгуэйз стремительно пересек вестибюль из красного дерева, миновал завешанные сеткой от комаров двери Королевского клуба и, спустившись по трем ступенькам, вышел на улицу.

Он шел к автостоянке и не думал ни о чем конкретном, ощущая лишь удовольствие от вечернего воздуха и от мысли, что ему выпали эти три пиковые карты. Конечно, было еще и дело, которое две недели назад с некоторым безразличием поручил ему М. Но все вроде шло хорошо. Некоторые детали прояснились. «Конечно, многое еще не ясно, но если удастся уточнить кое-что в китайской общине, — думал Стрэнгуэйз, — то можно, действительно, оказаться в центре любопытного дела».

Невольно Стрэнгуэйз обратил внимание на трех слепых. Они медленно шли ему навстречу и были уже метрах в двадцати. Стрэнгуэйз подумал, что когда он подойдет к машине, они поравняются. С чувством некоторой брезгливости он стал нащупывать в кармане мелочь. Там оказалось два шиллинга. Очутившись рядом с нищими, Стрэнгуэйз понял, что все трое — чигроэс. Это было странно. В жестяной банке звякнула брошенная им монета.

— Спасибо, сэр, — сказал первый слепой.

— Спасибо, — повторили остальные.

Стрэнгуэйз уже держал ключ от машины в руке, когда понял, что посохи слепцов перестали стучать по тротуару. Но было слишком поздно.

Три пистолета, утяжеленные глушителями, появились из лохмотьев. С педантичной точностью нищие наставили их в спину Стрэнгуэйза. Почти одновременно раздались три приглушенных выстрела. Тело Стрэнгуэйза резко поддалось вперед, как если бы кто-то ударил его сзади, затем оно беспомощно осело на пыльную мостовую.

Было двадцать две минуты седьмого, когда из-за угла Ричмонд Роуд, скрипя колесами, появился мрачный катафалк, украшенный черными лентами. Катафалк двигался к трем нищим; поравнявшись с ними, он резко затормозил, а люди в лохмотьях едва успели поднять Стрэнгуэйза. Распахнулись задние дверцы. Тело убитого было уложено в грубо сколоченный гроб. Все трое вошли в фургон и закрыли гроб крышкой. Дверцы фургона захлопнулись. Негры уселись на небольшие сиденья по углам фургона, неторопливо оставили белые посохи. На

спинках сидений висели траурные черные балахоны. Они натянули их поверх лохмотьев, потом сняли бейсбольные фуражки и вместо них надели черные цилиндры.

Водитель, также темнокожий китаец, нервно оглянулся.

— Вперед, поехали! — приказал самый рослый из троих, взглянув на светящийся циферблат своих часов. Шесть двадцать пять. Хватило трех минут. Отличный график.

Катафалк развернулся и быстро двинулся к перекрестку. Потом повернул направо и, со скоростью пятьдесят километров в час, торжественно выехал на дорогу, ведущую к холмам. Три благочестивые фигуры сидели, словно окаменев, важно сложив руки на груди.

«WXN вызывает WWW... WXN вызывает WWW... WXN... WXN... WXN...».

Средним пальцем правой руки Мэри Трубланд легко и изящно нажимала на ключ передатчика. Она взглянула на часы. Шесть двадцать восемь. Стрэнгуэйз опаздывал на одну минуту. Она улыбнулась, представив себе маленькую открытую машину, которая должна была в этот момент нестись на всей скорости к дому. Сейчас, через мгновение, послышатся быстрые шаги, затем она услышит, как в дверях поворачивается ключ, затем он, с виноватой улыбкой, надев наушники, сядет рядом с ней: «Извини, Мэри, эта чертова машина никак не заводилась». Или «Проклятая полиция должна была бы уже запомнить мой номер. Меня остановили на Халфуэй Три». Мэри Трубланд сняла с крючка вторые наушники и положила их рядом на стул, чтобы выгадать полсекунды для Стрэнгуэйза.

«WXN вызывает WWW... WXN вызывает WWW...» На ее часах было шесть двадцать девять Мэри почувствовала беспокойство. Через несколько секунд Лондон выйдет на связь. Вдруг она подумала, что ей делать, если, не дай бог, Стрэнгуэйз не явится вовремя. Связываться вместо него с Лондоном бесполезно, бесполезно и опасно. Радио Секретной службы контролировало каждую передачу своих агентов, а приборы, регистрирующие малейшую характеристику «почерка», сразу же отметили бы, что передачу ведет не Стрэнгуэйз. Когда-то Мэри показали массу приборов, расположенных в тихой комнате на последнем этаже штаб-квартиры. Она видела, как колебались стрелки, указывающие силу каждого нажима, скорость каждой группы цифр; замин-

ку перед какой-нибудь буквой. Когда пять лет назад она прибыла на базу на Карибских островах, ей все объяснили: лишь только дается сигнал, посланный не агентом, то связь автоматически прерывается. Это основная мера предосторожности, чтобы шифровка Секретной службы не попала в руки противника. А в случае, если агент раскрыт и под пытками согласился связаться с Лондоном, ему надо лишь изменить «почерк», информируя таким образом о своем провале.

Но вот наступило время связи. Мэри установила «паузу» в эфире, означающую предстоящую связь с Лондоном. Она еще раз посмотрела на часы. Половина седьмого. Ее охватила паника. Но в этот самый момент в коридоре послышались шаги. Слава богу! Через секунду он войдет. Она *должна* помочь ему. В отчаянии она решила оставить канал связи с Лондоном открытым.

«WWW вызывает WXN... WWW вызывает WXN... «Вы нас слышите? Вы нас слышите?». Лондон вышел на связь со станцией на Ямайке.

Шаги приблизился к двери.

Мэри, спокойная и уверенная, ответила: «Вас слышу... выхожу на связь... Вас слышу...»

За ее спиной раздался взрыв. Что-то ударило по ноге. Она посмотрела вниз, это был дверной замок. Мэри Трублад быстро оглянулась. На пороге стоял мужчина. Это был не Стрэнгуэйз. Высокого роста негр с желтоватым цветом лица и миндалевидным разрезом глаз сжимал в руке пистолет, ствол которого заканчивался толстым черным цилиндром. Мэри открыла рот, чтобы закричать. По лицу вошедшего расползлась злобная усмешка. Медленно, почти с удовольствием, он прицелился и выстрелил три раза.

Девушка упала набок. С золотистых волос соскользнули наушники. Еще секунду в комнате звучали тихие позывные из Лондона. Потом все прекратилось. Сигнал на контрольном пункте в Лондоне говорил, что с WXN что-то случилось.

Убийца отошел от двери, но тотчас вернулся с ящиком, на котором было написано «быстровоспламеняющееся топливо», и с большим холщовым мешком с надписью «Тэйт энд Лил». Негр поставил ящик на пол, подошел к девушке и стал заталкивать ее в мешок. Оттащив мешок в коридор, он вернулся в комнату и подошел к раскрытому сейфу, из которого уже были выну-

ты шифровальные коды и разложены на письменном столе для расшифровки информации из Лондона. Убийца свалил их посреди комнаты вместе с другими документами из сейфа, сорвал занавески, швырнул их на ворох бумаг. Затем, бросив поверх пару стульев, он открыл принесенную коробку, взял оттуда горсть какого-то порошка, посыпал им кучу и поджег. Продвигаясь к выходу, он разжигал другие костры. Сухая деревянная мебель вспыхнула мгновенно. Негр открыл входную дверь. Сквозь живую изгородь были видны зажженные факелы катафалка. Ничего не было слышно, кроме стрекотания сверчков и приглушенного рокота мотора машины. Никаких других признаков жизни. Негр вновь вошел в прихожую, уже полную дыма, легко взвалил на плечи мешок и, оставив открытой дверь дома, быстро направился по тропинке в сторону дороги. Передние двери фургона были приоткрыты.

В то время, когда первые языки пламени прорывались в окна маленькой виллы, катафалк бесшумно свернул с дороги в сторону реки Мона Резервуар, в чьи глубокие воды через несколько минут и соскользнул гроб со своим мрачным грузом. Персонал и документы отделения Секретной службы на Карибских островах были уничтожены.

2. ВЫБОР ОРУЖИЯ

Три недели спустя, в Лондоне, март заявил о себе градом, снегом и порывистым ветром, шквалом обрушившимся на город.

Отвратительный день! Это ощущали все, не исключая М., который вообще редко замечал, хороша или плоха погода. Когда М. вышел из автомобиля, остановившегося перед входом в высокое здание на Риджентс Парк, буря разыгралась до такой степени, что он, вопреки обычному, обошел машину и наклонился к окошку водителя:

— Машина сегодня больше не потребуется, Смит. Поезжай домой.

Смит, бывший кочегар, благодарно улыбнулся:

— Спасибо, сэр.

Шофер проводил глазами высокую фигуру М., входящего в здание: «Он всегда прежде всего думает о своих людях. — Смит включил первую скорость и, силясь увидеть что-либо сквозь залитое дождем

стекло, тронулся. — Да, таких людей, как он почти не осталось».

М. поднялся на лифте на восьмой этаж и по коридору, покрытому ковром, прошел к своему кабинету. Закрыв за собой дверь, снял плащ и шарф, повесил их на вешалку у двери. Большим шелковыми синим платком быстро вытер лицо. Он никогда не делал этого в присутствии посторонних. Подойдя к письменному столу, М. наклонился к селектору и, нажав на рычажок, произнес:

— Мисс Манипенни, я на месте. Пожалуйста, донесения и все остальное. Позвоните сэру Джеймсу Молони. Сообщите начальнику отдела кадров, что агента 007 я приму через полчаса. И, пожалуйста, после пришлите мне дело Стренгуэйза. — Услышав в ответ металлическое: «Да, сэр», возвратил рычажок в верхнее положение.

Откинувшись на спинку кресла, он стал задумчиво набивать трубку. И даже не поднял глаз, когда вошла секретарша с целой кипой бумаг. Не обратил внимания М. и на красную пометку «Сверхсрочно», стоящую по меньшей мере на дюжине документов: если бы они были действительно важны, то ему доложили бы о них еще ночью.

На внутреннем селекторе зажглась желтая лампочка. М. поднял трубку одного из четырех телефонов, стоящих на столе.

— Это вы, сэр Джеймс? У вас есть минут пять времени?

— Для вас шесть, — пошутил на другом конце провода знаменитый врач-невролог. — Хотите, чтобы я провел психиатрическую экспертизу кого-нибудь из министров Ее Величества?

— Не сегодня. — М. сердито нахмурился (старая гвардия, он с почтением относился к правительству). — Речь идет об одном агенте, которым вы занимались. Не будем называть имена — мы говорим по городской линии. Он вышел от вас вчера...

Некоторое время сэр Джеймс молчал. Затем уже голосом профессионала осторожно ответил:

— Физически он в прекрасной форме. Нога в порядке. Осложнений быть не должно. Да, он здоров. — Снова молчание. — Только вот что, М., эти ваши люди подвергаются очень большому напряжению. У них слишком большая нагрузка. Вы не могли бы поручить ему для начала что-нибудь полегче? Судя по тому, что вы

мне о нем говорили, он работает у вас уже довольно давно.

— За это мы платим; — отрезал М. — Он не первый сорвался, да и пострадал меньше, чем некоторые другие пациенты, которых я к вам направлял. К тому же, по вашим словам, он в отличной форме.

— Да... Но боль — штука странная. Ее нельзя измерить, нам неизвестно, какова разница между болью при родах и болью при почечных коликах. И, к счастью, тело забывает о боли довольно быстро. Но этот человек действительно много перенес, М. Если даже ничего и не сломано...

— Ну хорошо, хорошо!..

М. не нравилось выслушивать наставления, даже если они исходили от одного из самых известных в мире врачей. Внезапно он спросил:

— Вы не знакомы с неким Стейнкроном? Доктором Питером Стейнкроном?

— Нет, кто это?

— Один американский врач. Он написал книгу, она есть в нашей библиотеке. В ней речь идет о страданиях, которые может вынести человек. Там приводится список частей организма, без которых люди могут обойтись. Мне его даже перепечатали.

М. порывлся в ящике стола, вытащил оттуда стопку бумаг, выбрал нужный листок и несколько не обеспокоенный долгим молчанием на другом конце провода, прочел:

— Вот: желчный пузырь, селезенка, миндалины, аппендикс, одна почка, одно легкое, пара литров крови, две пятых печени, большая часть желудка и половина мозга. — М. помолчал. Сэр Джеймс также молчал.

— Никаких комментариев, сэр Джеймс?

В трубке послышалось неодобрительное хмыканье.

— Я спрашиваю себя, как еще к этому списку не добавили одну руку и одну ногу или все четыре конечности. Я не очень понимаю, что вы этим хотите доказать.

М. ухмыльнулся.

— Я ничего не хочу доказывать, сэр Джеймс. Я только думаю, что мой агент выкарабкался из этой истории довольно успешно по сравнению с другими. Но, — продолжил М. уже более мягким тоном, — не будем спорить. Говоря по правде, я думал дать ему небольшую передышку. Однако случай на Ямайке... — М. взглянул на залитые дождем окна. — Это всего лишь

отдых. Два моих агента, мужчина и девушка, бежали, по крайней мере, похоже, что это так. Наш друг мог бы немного развлечься, греясь на солнышке, и заодно провести расследование... Что вы скажете на это?

— Это именно то, что нужно. Я сам не прочь там поработать, особенно в такой день, как сегодня.. Мне не хотелось бы вмешиваться, М., но человеческие возможности не беспредельны. Я знаю, что эти люди могут быть принесены в жертву, но, вероятно, вам не хотелось бы, чтобы срыв произошел в самый неподходящий момент. Тот, о котором идет речь, парень крепкий. Скажу, что вы даже можете заставить его здорово поработать. Но не забывайте, что сказал Моран в своей книге об отваге.

— Я не помню.

— Он утверждает, что храбрость — это капитал, который тает по мере того, как его растрачивают. Я согласен с этим. Хочу лишь добавить, что ваш агент уже израсходовал большую часть своего капитала. Не скажу, что у него не осталось резервов, но ведь существуют какие-то пределы.

Решив резко прервать тему, М. ответил:

— Я совершенно с вами согласен, поэтому и посылаю его отдохнуть на Ямайку. Не беспокойтесь, сэр Джеймс, я позабочусь о нем. Кстати, вы не выяснили, что за штуку впустила ему эта русская?

— Ответ пришел только вчера, — сэр Джеймс тоже был рад переменить тему разговора. — На то, чтобы это установить, ушло три месяца. В Институте тропической медицины нашелся один толковый парень. Речь идет о так называемом *фугу* — яде, который японцы используют для самоубийства. Его выделяют из половых желез рыбы-ежа, обитающей в Японском море. Русские применяют всегда такие штуки, о которых никто и не слышал. Мог быть использован также и яд кураре. Действие его почти аналогично: паралич центральной нервной системы. Научное название яда *фугу* — *тетродотоксин*. Это сильнейший и быстродействующий яд. После инъекции, которую получил ваш агент, в течение нескольких мгновений наступает паралич двигательных и дыхательных мышц. Сначала начинает двоиться в глазах, потом их невозможно открыть. Затем человек не может глотать и держать голову...

— Ему повезло, что он сумел выжить.

— Да, это чудо! Надо благодарить того француза.

Он уложил его на землю и стал делать искусственное дыхание. Ему удалось поддержать работу легких до прибытия врача, который, к счастью работал когда-то в Южной Америке. Он и установил, что это мог быть яд кураре, и оказал квалифицированную помощь. Однако такая случайность одна на миллион. А что, кстати, стало с этой русской?

— Мертва, — кратко ответил М. — Хорошо, сэр Джеймс, большое спасибо и не беспокойтесь о своем пациенте. Я позабочусь о том, чтобы жизнь у него была спокойная. До свидания:

М. пододвинул к себе папку с донесениями и быстро просмотрел их. На некоторых сделал какие-то пометки. Время от времени он звонил в тот или другой отдел. Закончив дела, М. выбросил ненужные бумаги в корзину, достал трубку и табакерку, сделанную из основания огромной шестикилограммовой раковины. Перед ним лежала папка коричневого цвета, с красной звездочкой, означавшей «Сверхсекретно». Посередине от руки печатными буквами выведено «Карибский центр», а ниже прописью — Стрэнгуэйз и Трублад.

На селекторе зажглась лампочка, М. нажал на рычажок.

— Да?

— 007 прибыл, сэр.

— Проведите его и передайте эксперту по оружию, чтобы через десять минут был у меня.

М. вновь откинулся на спинку кресла, взял трубку и раскурил ее. Сквозь дым он увидел, как бесшумно открылась дверь и вошел Джеймс Бонд.

— Привет, 007.

— Добрый день, сэр.

Бонд закрыл за собой дверь, подошел к креслу, стоящему напротив стола, и сел. Было слышно, как потрескивал табак в трубке М. С улицы в большие окна кабинета билась снежная буря.

Здесь все было так, как и много месяцев назад. Сидеть здесь, в этом кабинете, напротив М., означало для Бонда возвращение к жизни, нормальный ход вещей, к которому он так привык. Он взглянул сквозь дым в изучающие его серые проницательные глаза шефа. Что же ждет его? Разбор кровавой бойни, его последнее дело? Утомительная ссылка в одно из лондонских бюро для работы за столом? Или же новое, захватывающее

задание, которое М. попридержал для него в ожидании, когда он вновь сможет вернуться к делу.

М. откинулся на спинку кресла, заложив руки за голову.

— Как вы себя чувствуете? Довольны, что снова здесь?

— Очень рад, сэр. Да и чувствую себя отлично.

— Вы проанализировали последнее дело? Я не хотел беспокоить вас, пока вы не поправитесь. Как вам известно, я приказал провести расследование. Мне доложили, что начальник отдела кадров уже потребовал от вас некоторые объяснения. Вы могли бы добавить еще что-нибудь?

Бонду не понравилось, что голос М. звучал бесстрастно. Это было не к добру.

— Нет, сэр, — ответил Бонд. — Вышла неприятная история. Моя вина, что эта женщина смогла провести меня. Этого не должно было случиться.

— Верно. — Глаза М. были по-прежнему холодны, голосом, в котором слышалась угроза, он продолжал: — Ваш пистолет дал осечку. Пистолет марки «Беретта», если не ошибаюсь. Я не могу позволить агенту, номер которого начинается с двух нолей, совершать подобные ошибки. Может, вам лучше отказаться, заняться делами попроще?

Бонд оцепенел, потом с негодованием взглянул на М. Лицензия на убийство, помеченная двумя нолями, являлась для агентов Секретной службы большой честью. Добиться этого Бонду стоило огромного труда, но теперь он мог выбирать именно те задания, которые ему нравились, то есть задания, связанные с риском.

— Нет, сэр, я бы не хотел этого.

— Ну что же, тогда вам придется сменить оружие. Того же требует следственный комитет, и я с ним согласен. Ясно?

— Сэр, я привык к этому оружию, — упрямо сказал Бонд. — И предпочитаю работать с ним. То, что произошло, могло случиться со всяким и с любым оружием.

— Я не согласен с вами. Как, впрочем, и следственный комитет. Это решенный вопрос. — М. склонился к селектору. — Эксперт по оружию здесь? Впустите его.

М. выпрямился в кресле.

— Может, вы не знаете, 007, но майор Бутройд — один из лучших специалистов по индивидуальному огнестрельному оружию. Послушаем, что он скажет.

Дверь открылась. Худой человечек с волосами песочного цвета подошел к столу и остановился рядом с креслом, в котором сидел Бонд. Бонд взглянул на него. Он встречал его редко, но запомнил эти широко расставленные светло-серые холодные глаза, которые, казалось, никогда ничего не выражали. Вошедший безучастно посмотрел на Бонда и затем обратился к М.

— Добрый день, сэр.

— Здравствуйте. Я хотел бы вас кое о чем спросить. Прежде всего, что вы думаете о пистолете «Беретта 25»?

— Дамское оружие, сэр.

М. иронически взглянул на Бонда, который натянуто улыбнулся в ответ.

— Ну да? А почему?

— Это слабое оружие, сэр. Однако им легко пользоваться. В нем есть что-то такое, чего я не могу объяснить. Он нравится дамам.

— А если надеть глушитель?

— Он становится еще слабее. Да и глушители мне не нравятся. Они тяжелы и, когда спешешь, то цепляются за одежду. Я бы никому не посоветовал использовать подобное сочетание, тем более, что нередко от оружия многое зависит.

— У вас есть, что возразить, 007?

Бонд пожал плечами.

— Я не согласен. Вот уже пятнадцать лет я пользуюсь «Береттой 25» и ни разу не промахнулся, и осечек не было. Это неплохо для рекорда. Я привык к этому пистолету и хорошо им владею. Когда было необходимо, то я применял более крупное оружие, например, длинноствольный «Кольт 45». «Беретта» мне нравится: легко вести огонь с близкого расстояния и удобно носить с собой. — Бонд немного помолчал, чувствуя, что в чем-то должен был согласиться с экспертом. — Что касается глушителя, то я разделяю ваше мнение, сэр, это неудобно, но иногда необходимо.

— Мы уже видели, что может произойти в подобных ситуациях, — прервал его М. — Что же касается вопроса перемены оружия, то это лишь дело практики. К новому типу вы привыкнете очень скоро. — Выражение лица М. несколько смягчилось. — Сожалею, 007, но все уже решено. Встаньте на минутку, я хотел бы, чтобы наш эксперт взглянул на вас.

Бонд поднялся и встал напротив майора. Глаза обоих мужчин не выражали особой сердечности.

— Прошу прощения, — пробурчал майор, ощупывая бицепсы Бонда. — Не могли бы вы показать мне ваш пистолет?

Бонд медленно извлек из пиджака свою «Беретту» с коротким стволом. Бутройд рассмотрел ее, взвесив в руке, потом положил на стол.

— А кобура?

Бонд снял пиджак и отстегнул замшевую кобуру. Затем снова надел пиджак.

Разгладив кромку кобуры, думая, вероятно, обнаружить там какие-нибудь неровности, Бутройд положил ее на стол рядом с пистолетом.

— Думаю, что можно выбрать что-нибудь и лучше, сэр, — сказал эксперт тоном перворазрядного портного.

Бонд снова сел. Прекратив демонстративно рассматривать потолок, он перевел взгляд на М.

— Итак, майор, что вы нам посоветуете?

Бутройд заговорил как профессионал:

— По правде говоря, сэр, — скромно начал он, — в эти дни я испробовал большую часть всех автоматических пистолетов. Пять тысяч выстрелов из каждого с расстояния двадцати пяти метров. Из всего я выбрал бы «Вальтер ПП 7,65 мм». Он стоит на четвертом месте после М-14 японского производства, русского Токарева и «Зауэр М-38». У «Вальтера» мне нравится его легкий спуск и магазин в рукоятке. Это как раз то, что нужно 007. Это очень мощное оружие. И калибр у него, естественно, больше, чем у «Беретты» — 32, а не 25. Я бы не советовал выбирать оружие полегче. А патроны к «Вальтеру» можно достать в любой части света. В этом его преимущество перед русскими и японскими пистолетами.

— Вы можете добавить что-либо? — обратился М. к Бонду.

— Это хороший пистолет, сэр, — согласился Бонд. — А как я должен носить его?

— Кобура фирмы «Бернс Мартин», — коротко ответил майор Бутройд. — Лучше всего за поясом, с левой стороны. Но и под мышкой неплохо. Кобура из жесткой кожи. Там есть пружина, которая фиксирует пистолет. Из такой кобуры он извлекается намного быстрее, чем из той, — он указал на кобуру, лежащую на столе. —

Потребуется примерно три пятых секунды, чтобы с шести метров попасть в человека.

— Итак, решено, — заключил М. — А если выбирать оружие покрупнее?

— Могу предложить лишь одно, — невозмутимо ответил майор Бутройд. — Это «Смит энд Вессон Сэнтенел Эйрвейт». Револьвер. Калибр 38. Не цепляется за одежду. Общая длина шестнадцать с половиной сантиметров, а вес не более трехсот пятидесяти граммов. Для того чтобы так уменьшить вес револьвера, барабан рассчитан всего на пять патронов, но если их все выпустить, то кому-то не сдобровать, — эксперт позволил себе улыбнуться, — патроны калибра 38 «Смит энд Вессон Спэшл». Стволы различной длины...

— Ладно, ладно, — сухо прервал его М. — Я верю вам на слово. Если вы говорите, что этот револьвер наилучший, значит так оно и есть. Итак, остановимся на «Вальтере» и «Смит энд Вессоне». Передайте их вместе с кобурой агенту 007, и пусть с сегодняшнего дня он начнет тренироваться. Он должен за неделю научиться владеть им в совершенстве. Договорились? Ну что же, тогда благодарю вас и не смею больше задерживать.

— Спасибо, сэр, — ответил майор Бутройд. Затем он встал и вышел из кабинета.

На какое-то мгновение в комнате воцарилась тишина. Мелкий снег стучал в окна. М. развернул вращающееся кресло и стал рассматривать мокрые стекла. Бонд взглянул на часы. Было десять. Потом его взгляд упал на оружие и кобуру, лежащие на письменном столе. Бонд вдруг подумал о тех пятнадцати годах, которые связывали его с этим странным куском металла. Он вспомнил те ситуации, когда только выстрел из пистолета мог спасти ему жизнь, и те случаи, когда достаточно было лишь угрозы его применения. Он не забыл те дни, когда готовился применить его: он разбирал пистолет, смазывал, тщательно заряжал магазин и два-три раза проверял его действие, выбрасывая из него патроны на застеленную покрывалом кровать в номере гостиницы. Затем в последний раз он протирал пистолет сухой тряпкой, убирал в кобуру, оглядывал себя в зеркало, чтобы убедиться, что все в порядке и ничего не заметно. А потом, вперед, на встречу, означавшую жизнь или смерть. Сколько раз он спасал Бонду жизнь! Сколько смертных приговоров подписал! Глупо, но Бонд ощутил грусть. Неужели возможно так привязаться к неодуше-

ленному предмету, тем более к такому ужасному, как пистолет. Однако какие-то связи все же существовали, а М. порвал их.

М. повернулся лицом к Бонду:

— Мне жаль, я знаю, как вы привязаны к этому оружию, но пришло время расстаться с ним. Я не могу позволить себе шутить с Отделом, выдающим лицензию на убийство. Наши люди должны быть хорошо вооружены. Понимаете? В подобной работе револьвер важнее руки или ноги.

Бонд улыбнулся, не разжимая губ.

— Я знаю это, сэр, и не хочу спорить. Мне только жаль расставаться с ним.

— Отлично, оставим это. А теперь у меня для вас есть новости. Всплыло одно дело, на Ямайке. Вы ведь там уже работали? История, касающаяся наших людей. По крайней мере, так кажется. Обычное расследование. Солнце пойдет вам на пользу, и вы сможете испытать ваше новое оружие на природе. Немного отдохнете. Ну, что, займетесь этим?

— Это похоже на сладкую жизнь, сэр. — ответил Бонд. — Последнее время я только тем и занимаюсь, что отдыхаю. Но если это так необходимо... если это приказ, сэр...

— Да, — произнес М. — Это приказ.

3. КОРОТКИЙ ОТПУСК

За окном становилось все темнее. Погода на улице все больше портилась. М. протянул руку и зажег настольную лампу. Теплый, золотистый свет окрасил стоявший в центре кабинета стол, обтянутый кожей, в кроваво-красный цвет. М. пододвинул к себе толстую папку, нажал кнопку на столе и приказал:

— Пригласите начальника отдела кадров. Я знаю все лишь в общих чертах. — Он повернулся к Бонду. — Боюсь, что это грязная история.

Начальник отдела кадров — полковник инженерных войск был примерно одного возраста с Бондом, но его волосы уже заметно тронула седина — следствие постоянного напряжения и большой ответственности. Избежать нервного истощения полковнику помогала прекрасная физическая форма и тонкое чувство юмора. Он был лучшим другом Бонда в Центре. Оба обменялись улыбками.

— Пододвиньте стул и садитесь, — пригласил М. — Я ознакомил агента 007 с делом Стрэнгуэйза. Мне хотелось бы во всем этом разобраться, прежде чем вновь создавать там наш Центр. Через неделю 007 выезжает туда. Не могли бы вы связаться с Министерством колоний и с губернатором? Теперь, 007, вы, кажется, были знакомы со Стрэнгуэйзом. Лет пять назад вы занимались с ним делом о сокровищах. Что вы думаете о нем?

— Он смелый человек. Впрочем тогда у него что-то было с нервами. Надеюсь, сейчас все в порядке.

М. проигнорировал это замечание.

— А знали ли вы его помощницу, некую Трублад, Мэри Трублад?

— Нет, сэр.

— У нее отличный послужной список. Прежде чем поступить на службу, к нам, была офицером женского корпуса. Красива... Как вы думаете, Стрэнгуэйз бабник?

— Трудно сказать, — осторожно ответил Бонд, не желая ничем повредить Стрэнгуэйзу, вспоминая его вызывающее обаяние. — Но что же с ними произошло, сэр?

— Вот это мы и хотим выяснить, — ответил М. — Они исчезли, растворились в воздухе. Оба в один и тот же вечер, три недели назад. Дом Стрэнгуэйза полностью сгорел. Пожар уничтожил все: радиопередатчики, шифры, картотеку. Остался только пепел. Возможно они сбежали. А как вы считаете, полковник?

Полковник, казалось, сомневался.

— Но мне еще не удалось разобраться с этим их последним сеансом радиосвязи. — Обратившись к Бонду, он продолжил. — Видите ли, они, как обычно, начали свой радиосеанс в восемнадцать тридцать по местному времени. В службе контроля утверждают, что девушка начала отвечать на наши позывные, однако затем связь прервалась. Мы старались возобновить контакт, но там происходило что-то непонятное, и мы прекратили связь. Не последовало никаких ответов ни на «голубые», ни на «красные» позывные. Ничего. На следующий день Третий отдел выслал туда из Вашингтона агента 258. Одновременно делом занялась полиция. Губернатору история показалась совершенно ясной: Стрэнгуэйз запутался с женщинами. Трудно осуждать его за это — местечко там спокойное, и работы у него было немного. Выводы губернатора вроде убедительны, да и полиция их под-

держивает. Хотя для них, кроме женщин и пьяных драк, других объяснений не существует. Агент 258^й провел на месте неделю, но ничего нового выяснить ему не удалось. Полиция продолжает вести дело, но пока безрезультатно. — Полковник немного помолчал, потом с несколько извиняющимся выражением лица обратился к М. — Я знаю, что вы склонны придерживаться мнения губернатора, однако последний радиосеанс не выходит у меня из головы. Я не вижу, как можно связать его с историей о двух бежавших влюбленных. Да и друзья Стрэнгуэйза по клубу утверждают, что он совершенно нормальный человек. Он прервал игру в бридж и ушел, как всегда, когда приближалось время связи. Сказал, что вернется через двадцать минут. И исчез. Даже машину оставил напротив клуба. Зачем же ему надо было тревожить своих приятелей по бриджу, которые стали бы его искать, если он хотел удрать с девушкой. Почему бы им не уехать утром или, еще лучше, поздно вечером, проведя, как обычно, радиосеанс?

М. пробурчал:

— Влюбленные иногда поступают глупо. — Потом ворчливо спросил. — Ну, а какое другое объяснение можно найти? Ведь никаких иных мотивов не обнаружено. Место там спокойное. Дела незначительные: то какой-нибудь кубинский коммунист решит пробраться на острова, то находящийся в розыске англичанин, полагающий укрыться на Ямайке в надежде, что она далеко от Лондона. Не думаю, что у Стрэнгуэйза были какие-либо серьезные дела с тех пор, как там побывал 007. — Затем он повернулся к Бонду. — А каково ваше мнение?

— Я совершенно не могут представить себе Стрэнгуэйза, — начал Бонд твердым голосом, — решившимся выйти из игры. Возможно, что у него и было что-то с девушкой, хотя мне казалось, что он никогда не смешивал личные дела со служебными. Но Секретная служба была его жизнью. Он бы никогда не ушел. Бросить все так, ни с того ни с сего, — в это я не верю...

— Благодарю вас, — М. откинулся на спинку кресла. — Никто и не делает скоропалительных выводов, не взвесив все возможные варианты.

Ему не нравилось заниматься вопросами, связанными с личным составом, и особенно такими запутанными, как этот. У него и так полно было дел во всех частях света. Он взял трубку и спички.

— Ну, так что же? Что вы еще скажете?

Бонд размышлял. Стрэнгуэйз производил на него приятное впечатление, да и слова полковника заставляли задуматься.

— Хорошо, сэр, — начал Бонд. — Какое задание было у Стрэнгуэйза? Он составлял какие-то отчеты? Что-нибудь расследовал? Не произошло ли чего-нибудь в последние месяцы?

— Абсолютно ничего, — ответил М. решительно, потом вынул трубку из рта и, направив ее в сторону полковника, спросил. — Верно?

— Да, сэр, — подтвердил тот, — вот только эта чертова история с птицами.

— Ах, да, — М. пренебрежительно усмехнулся. — Речь идет о каком-то идиоте, сотруднике зоопарка или что-то в этом духе. Он явился к нам из Министерства колоний, примерно полтора месяца назад, так?

— Да, сэр. Только это не зоопарк, а какое-то американское общество «Одюбон». Оно хочет предотвратить исчезновение некоторых видов редких птиц. Это общество обратилось к нашему послу в Вашингтоне. МИД передал дело в Министерство колоний, то свалило его на нас. Похоже, что это общество пользуется большим влиянием в Америке. Оно даже добилось того, что некоторые атомные испытания были перенесены на западное побережье, чтобы не помешать гнездованию этих, не знаю каких, птиц.

— А, это та история с горластыми журавлями, — фыркнул М.

— Не расскажите ли вы мне подробнее, сэр, — попросил Бонд. — Что хотело от нас общество «Одюбон»?

М. нетерпеливо взмахнул трубкой, затем взял папку с делом Стрэнгуэйза и протянул ее полковнику.

— Расскажите 007 об этом сами, — сказал он устало. — Там есть полный отчет.

Полковник взял досье, пролистал его, вынул нужные бумаги и вновь закрыл папку. В кабинете воцарилась тишина. На трех страницах машинописного текста, который он пробежал глазами, Бонд заметил бело-синий знак Министерства колоний. Бонд сидел спокойно, стараясь не замечать скрытого нетерпения, которое исходило от сидящего в своем кресле М.

Убрав документы в папку, полковник сказал:

— Об этой истории мы поставили в известность Стрэнгуэйза 20 января, который сразу же дал подтверж-

дение о получении информации. — Затем, оперевшись о спинку стула, он обратился к Бонду. — Существует такая птица, которая называется розовый аист. Там есть ее цветная фотография. Некоторое время тому назад этот вид начал исчезать. Перед войной насчитывалось только несколько сотен этих птиц, по большей части во Флориде и поблизости от нее. Потом кто-то сообщил, что на одном из островков (он называется Крэб Кэй), находящемся между Ямайкой и Кубой, есть колония этих птиц. Это — британская территория, подчиняется Ямайке. На острове обнаружены органические удобрения из птичьего помета, но они такого низкого качества, что добывать их не было смысла. К тому моменту, когда там обнаружили этих птиц, людей на острове не было уже лет пятьдесят. Представители общества «Одюбон», в конце концов, арендовали часть острова, чтобы сохранить птиц. Они наняли двух сторожей, убедили авиакомпанию переместить свои воздушные трассы, чтобы не пугать аистов. Численность птиц стала расти, и последние подсчеты показали, что она превышает пять тысяч. Потом цены на органические удобрения подскочили, и нашелся некто, кому пришла в голову блестящая идея приобрести остров и начать его эксплуатацию. Он заключил договор с правительством Ямайки и купил остров за десять тысяч фунтов стерлингов с условием, что не будет вторгаться в зону гнездования птиц. Это было в 1943 году. Этот некто завез на остров относительно дешевую рабочую силу, и остров начал давать доход. Доход шел до последнего времени, пока цены на удобрения опять не упали. Сейчас полагают, что владелец острова оказался в весьма затруднительном положении.

— Кто он?

— Китаец, точнее, наполовину китаец, наполовину немец. Его зовут доктор «NO», доктор Юлиус «NO».

— «Нет»? Противоположное «Да»?

— Вот именно.

— У нас имеются какие-либо сведения о нем?

— Никаких, если не считать, что он живет очень уединенно. После того, как он заключил договор с правительством Ямайки, его больше никто не видел. Остров никто не посещает. Это его остров, и он содержит его для себя. Вероятно, он не хочет, чтобы его тревожили. Все было тихо, пока незадолго до прошлого Рождества на северное побережье Ямайки ни приплыл на

каное один из сторожей, нанятых обществом «Одубон», уроженец Барбадосских островов. Он был сильно обожжен и очень плох и через несколько дней умер, но перед смертью рассказал какую-то безумную историю о том, что на их лагерь напал огнедышащий дракон. Этот дракон убил его товарища, сжег лагерь и направился в зону, предназначенную для птиц, постоянно изрыгая огонь и распугивая птиц, которые разлетались бог знает куда. Хотя этот сторож и был сильно обожжен, но ему удалось добраться до берега и украсть лодку. Он плыл до Ямайки целую ночь. Бедняга, вероятно, был не в себе. На этом все и кончилось, правда, отчет, направленный в общество «Одубон», не устроил его представителей. На остров из Майами для расследования дела на самолете были направлены две важные персоны — там была взлетно-посадочная полоса. Кстати, у владельца острова для доставки грузов есть самолет-амфибия.

— Похоже, что у этого общества денег куры не клюют, раз они бросают их на ветер ради каких-то птиц, — ехидно заметил М.

— При посадке самолет, принадлежащий обществу, взорвался, — подолжал полковник, — пилот и пассажиры погибли. Руководители общества были в ярости. Им удалось направить к доктору «NO» американский корвет, который проводил учения в Карибском бассейне. Связи в Вашингтоне у них серьезные. Капитан корвета сообщил, что был принят доктором «NO» весьма любезно. Тот показал капитану взлетную полосу, остатки самолета. Капитан не обнаружил ничего подозрительного. Похоже, что скорость при посадке была слишком велика. Тела пассажиров и пилота были бальзамированы и положены в красивые и дорогие гробы, которые доктор «NO» передал капитану. Тот был поражен утонченной любезностью хозяина, попросил показать ему лагерь, в котором жили сторожа. Его проводили посмотреть на то, что осталось от лагеря. По предположению доктора «NO» оба сторожа, вероятно, перепились или сошли с ума из-за жары и одиночества, или, по крайней мере, с ума сошел один из них. Он мог поджечь лагерь, пока другой спал. Это показалось капитану вполне вероятным. — Полковник развел руками. — Вот и все, кроме одной детали: капитан заметил на острове всего около дюжины розовых аистов. Когда общество получило его отчет, то больше всего их вывело из себя исчезновение

птиц, и с тех пор они терзают нас требованиями провести расследование. Естественно, ни в Министерстве колоний, ни на Ямайке — никто не хочет заниматься этой историей. Вот она в конце концов и досталась нам, — полковник пожал плечами и произнес в заключение, указав на папку с документами, — и вот эта куча бумаг или, может быть, ее часть, оказалась у Стрэнгуэйза.

— Обычная история, в какие попадают подобные общества, организованные старыми девами, — сказал сердито М. — Все начинается с того, что они берут что-нибудь под защиту — церкви, старинные здания, одинокий пенсионеров, птиц — а кончается тем, что впутываются в какую-нибудь темную историю. Хуже всего, что подобные люди вводят в заблуждение политиков. Откуда у них столько денег берется? Одному богу известно! Думаю, какие-нибудь другие старые девы жертвуют. Ну, а потом приходится порядок наводить, как в нашем случае. Мне перекинули это дело, потому что остров является британской территорией и, в то же время — это частная собственность. Официально никто не имеет права соваться туда. Ну, а мне что делать? Отправить к острову подводную лодку? А с какой целью? Для того чтобы обнаружить, что там осталось всего две пары розовых аистов, — М. выпустил клуб дыма. — Так или иначе вы хотели знать, каково последнее задание Стрэнгуэйза, ну вот, теперь вы это знаете. Есть еще вопросы? — он наклонился вперед с агрессивным видом.

Бонд не сдержался и улыбнулся. Редкие вспышки гнева М. были великолепны. Вывести его из себя могла лишь пустая трата времени, сил и скудных фондов Секретной службы. Агент 007 встал.

— Я могу взять эти бумаги, сэр? — спросил он примирительным голосом. — Меня удивляет, что четыре человека прямо или косвенно погибли из-за этих птиц. Возможно и еще двое, Стрэнгуэйз и Трублад. Это может показаться смешным, но расследовать необходимо именно это.

— Берите, берите, — пробормотал М. с нетерпением, — и поторопитесь с отпуском. Хочу напомнить вам, что в мире полно и других неприятностей.

Бонд взял папку. Его рука невольно потянулась к пистолету и кобуре.

— Нет, — отрезал М., — и помните, что вам необходимо в совершенстве овладеть новым для вас оружием к нашей будущей встрече.

Бонд посмотрел М. прямо в глаза. Впервые он ощутил ненависть к этому человеку. Он отлично понимал, почему сегодня шеф был так упрям и груб — это было запоздалое наказание за то, что он чуть было не дал убить себя при выполнении последнего задания. И еще потому, что Бонд мог сменить эту отвратительную погоду на жаркое солнце.

4. ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, 007!

Шестидесятивосьмитонный самолет «Супер Констеллейшен» пролетел над зелеными и коричневыми полями острова Куба. Миль через сто он медленно пошел на снижение к Ямайке.

Бонд наблюдал, как из-за горизонта появляется зеленый остров, похожий на большую черепаху. По мере приближения к Ямайке вода из темно-синей становилась голубой. Бонд смог различить на ней множество мелких островов. Наконец самолет пролетел Северный берег, пышные сады, окружающие виллы миллионеров, высокие горы, на склонах которых Бонд различил крыши причудливо разбросанных ферм. Реки сверкали золотом заходящего солнца. «Ксаймака» — так называли индейцы племени аравак эту землю — земля островов и рек. Бонд был очарован красотой острова.

Фиолетовая тень затянула противоположный склон горы. Улицы Кингстона озарились яркими огнями, но порт и аэропорт были еще залиты солнечными лучами, в которых пропадал свет маяка в Порт Ройяле. Сделав плавный вираж, тяжелый самолет зашел на посадку. Золотые отблески заходящего солнца в последний раз сверкнули в иллюминаторах самолета, который, облетев Голубую гору, вышел на единственную посадочную полосу, вытянувшуюся с севера на юг. Вот, наконец, и бетонная полоса. Легкий толчок, усилился рокот двигателей, самолет стал выруливать в сторону низкого здания аэровокзала.

Вступив на трап, Бонд с удовольствием ощутил на своем лице ласковый и влажный тропический ветерок. Он уже знал, что днем здесь настоящая парная, но это его не беспокоило. После колючих лондонских холодов он спокойно мог перенести эту жару.

— Вы от какой фирмы, сэр?

В паспорте Бонда стояло «Импорт и экспорт».

— «Юниверсал Экспорт».

— Вы к нам по делам или на отдых?

— На отдых.

— Надеюсь, вам удастся хорошо провести время, сэр. — Темнокожий офицер иммиграционной службы с безразличным видом вернул Бонду паспорт.

— Спасибо.

Бонд прошел к таможене. Он сразу же заметил высокого смуглого человека, который стоял, опершись на турникет. На нем была голубая выцветшая рубашка и, вероятно, те же брюки цвета хаки, которые он носил пять лет назад, когда Бонд впервые увиделся с ним.

— Куоррел!

Знакомый Бонда, уроженец Кайманских островов, широко улыбнувшись в ответ, поднял руку на уровень глаз в традиционном приветствии жителей Вест-Индии.

— Как дела, капитан? — весело крикнул он.

— Отлично, — ответил Бонд. — Уже все готово, я жду лишь багаж. Ты на машине?

— Конечно, капитан.

Таможенник, как и почти все, кто работал в портовой зоне, знал Куоррела. Не проверяя чемодан Бонда, он поставил на нем мелом крестик, Бонд поднял чемодан и вышел из помещения таможен. Куоррел взял у него багаж и протянул правую руку. Бонд ощутил пожатие горячей сухой ладони. Он посмотрел в серые глаза, говорившие о том, что Куоррел мог быть потомком одного из солдат Кромвеля или же какого-нибудь пирата времен Моргана.

— Ты не изменился, Куоррел, — сказал он с теплотой. — Как идет охота на черепах?

— Ничего, капитан, более или менее нормально, — он окинул Бонда критическим взглядом. — Вы были больны?

Бонд удивился.

— Говоря по правде, да. Но вот уже несколько недель, как я в полном порядке. Почему ты спросил меня об этом?

Куоррел несколько замялся.

— Извините, капитан, — тихо сказал он, опасаясь, что обидел Бонда. — У вас прибавилось морщин со времени нашей последней встречи.

— Ничего серьезного не произошло. Мне не повредит немного отдохнуть под твоим руководством.

Они были уже у выхода, когда послышался щелчок

и их ослепил свет фотовспышки. Молодая изящная китаянка в национальном ямайском костюме опустила фотоаппарат. Она подошла к ним.

— Спасибо, господа, — сказала она с профессиональной любезностью. — Я из «Дейли Глинер». — Она взглянула на список, который держала в руке, — Мистер Бонд, не так ли? Сколько времени вы пробудете у нас, мистер Бонд?

Бонд растерялся. Дурное начало.

— Я проездом, — ответил он кратко. — Полагаю, что среди пассажиров нашего самолета вы найдете кого-нибудь и поинтересней.

— О, не думаю, мистер Бонд. Вы выглядите весьма представительно. Где вы остановитесь?

«Проклятье», — подумал Бонд и пробурчал в ответ:

— В «Мертл Банк».

— Спасибо, мистер Бонд, — сказала она высоким голосом. — Желаю вам хорошо отдохнуть.

Бонд и Куоррел вышли из здания аэропорта. Когда они подходили к автостоянке, Бонд спросил:

— Ты видел ее когда-нибудь здесь?

— Мне кажется, что нет, капитан, но у «Глинер» много женщин-фотографов, — ответил Куоррел.

Бонд почувствовал легкую тревогу. Не было ни малейшей причины для того, чтобы его фотография могла вызвать интерес у прессы. Прошло почти пять лет с того времени, когда он в последний раз был здесь. И никогда его имя не попадало на страницы газет.

Они подошли к машине. Бонд внимательно осмотрел ее, потом взглянул на номер. Машина Стрэнгуэйза. Что за дела?

— Откуда она у тебя, Куоррел?

— Мне дали ее в Управлении губернаторства, сказали, что это единственная свободная машина. А что случилось, капитан? Что-нибудь не так?

— Да нет, Куоррел, все в порядке, — ответил Бонд. — Давай, поехали. Бонд устроился на заднем сиденье. Кто мог бы предположить, что ему предложат именно эту машину?

Они выехали на длинное шоссе, вдоль которого росли кактусы, и направились в сторону освещенного вечерними огнями Кингстона. В другое время Бонд стал бы наслаждаться звездным небом, теплым и ароматным воздухом, россыпью мерцающих золотом огней в порту, но сейчас он анализировал ситуацию.

Перед вылетом на Ямайку он ограничился лишь тем, что предупредил через Министерство колоний губернатора, попросил отозвать Куоррела с Кайманских островов на неопределенное время, предложив ему десять фунтов стерлингов в неделю. Куоррел работал вместе с Бондом во время его последнего дела на Ямайке. Это был незаменимый помощник, и с ним можно было проникнуть на самое дно преступного мира цветного населения острова, куда в одиночку Бонду невозможно было бы пробраться. Все любили Куоррела. Он был отличный товарищ. Бонд понимал, что в деле Стрэнгуэйза без него ему не обойтись, окажись это самой настоящей работой или примитивным скандальчиком.

Ошибкой было то, что Бонд заказал заранее скромный номер с душем в гостинице «Блю Хилз», машину и, наконец, попросил, чтобы Куоррел встретил его в аэропорту. Почти все было сделано неверно. Ему следовало бы самому взять в аэропорту такси, доехать до гостиницы и только потом связаться с Куоррелом. Тогда он смог бы разобраться и с машиной. «А эта китаянка и газеты, — думал Бонд, — все это неспроста». Он вздохнул. Самые страшные ошибки — это ошибки, которые совершаешь в самом начале работы. Они непоправимы, выводят на ложный след и дают противнику возможность сделать первый ход. Но есть ли противник? Не слишком ли он сгущает краски? Бонд оглянулся. Метрах в ста он заметил автомобильные огни.

— Куоррел, — попросил Бонд, — в конце улицы Полисадоес, там где поворот на Кингстон и Моран, резко сверни направо, останови машину и погаси фары. Понял? А сейчас давай, полный газ.

— Есть, капитан, — Куоррел был счастлив, он до предела выжал педаль акселератора. Небольшой автомобиль взревел и помчался по белому шоссе. Некоторое время они неслись прямо, потом свернули в туннель. Еще метров пятьсот, и они окажутся у перекрестка. Бонд снова оглянулся. Позади никого не было. В переулке Куоррел резко затормозил. Остановив машину у тротуара, он погасил фары. Бонд повернулся и стал ждать. Спустя некоторое время послышался рев мотора, и он увидел несущуюся на большой скорости машину. Она проскочила прямо в сторону Кингстона. Бонд успел заметить, что это было такси американской марки, в котором был лишь водитель.

Облако пыли медленно рассеивалось. Еще минут де-

сять они сидели молча. Потом Бонд приказал выезжать на трассу, ведущую к городу.

— Мне кажется, Куоррел, что этот автомобиль преследовал нас. Такси пустым из аэропорта не возвращается, этот маршрут дорого стоит. Будь осторожен, даже если мы и проскочили сейчас, нас могут подкараулить еще где-нибудь.

— Есть, капитан, — радостно ответил Куоррел. Именно о такой жизни он и мечтал, когда получил известие от Бонда.

Они въехали на улицы Кингстона, переполненные автобусами, легковыми автомобилями, повозками, запряженными лошадьми, осликами, везущими из горных сел корзины с грузом, ярко раскрашенными ручными тележками торговцев прохладительными напитками.

В такой сумятице было трудно понять, следят за ними или нет. Они свернули направо к холмам. За ними ехали несколько автомобилей, и один из них мог оказаться американским такси. Через четверть часа выехали на Халфуэй стрит, а затем на Джанстон Роуд, основную магистраль, пересекающую остров. Немного погодя они заметили на одном из зданий пальму из неоновых огней, а под ней слова: «Блю Хилз Отель». Куоррел проехал еще немного по аллее, обсаженной аккуратно подстриженным кустарником.

Метрах в ста позади черное такси, подав сигнал, идущим вслед за ним машинам, круто развернулось, мешая движению, и направилось в сторону Кингстона.

«Блю Хилз» была старой, но комфортабельной гостиницей со всеми современными удобствами. Хотя номер Бонда и был забронирован Управлением губернаторства, встречен он был там довольно прохладно. Ему дали хорошую угловую комнату с небольшой верандой и видом на залив. Бонд с наслаждением стянул с себя мокрую от пота одежду, вошел в ванную комнату, включил холодную воду и минут десять простоял под душем. Надев хлопчатобумажные шорты, он всем телом ощутил удовольствие от соприкосновения с теплым воздухом. Разобрав чемодан, Бонд вызвал официанта.

Заказав двойной джин с тоником и лимоном, он вышел на веранду и стал любоваться великолепной панорамой. Как чудесно оказаться подальше от штаб-квартиры, от Лондона, от больниц, быть сейчас здесь и не рить, как подсказывала ему интуиция, что его снова ждет интереснейшая работа. Принесли джин. Было чет

верть восьмого. Он договорился с Куоррелом встретиться внизу в семь тридцать, чтобы поужинать вместе. Бонд попросил Куоррела посоветовать ему какой-нибудь ресторан, и тот, после некоторого молчания, ответил, что каждый раз, когда ему хочется развлечься, он идет в ресторанчик «Джой Боут», расположенный недалеко от порта.

— Там нет ничего особенного, — сказал Куоррел извиняющимся голосом, — но там хорошо кормят, есть что выпить, да и музыка ненавязчивая. Хозяин — мой друг. Его прозвище Полип, потому что однажды он схватился с чудовищным осьминогом.

Бонд вернулся в комнату, надел темно-синий костюм, который обычно носил в тропиках, белую хлопчатобумажную рубашку с короткими рукавами и черный трикотажный галстук. Внимательно оглядев себя в зеркало и проверив, не замечен ли под мышкой «Вальтер», он спустился вниз.

Они ехали к центру города, затем свернули налево в сторону порта и вскоре остановились около ресторана с яркой новой вывеской: «Джой Боут». Припарковав машину, Бонд и Куоррел прошли через невысокую ограду в уютный садик с пальмами. Дальше были пляж и море. Под пальмами были расставлены столики, в центре размещалась цементная площадка для танцев. В стороне три музыканта в ярких пунцовых рубашках, расшитых блестками, тихо ограли какие-то нежные мелодии.

Половина столиков пустовала, а за остальными сидела в основном местная публика, хотя было и несколько американских моряков со своими подружками. Огромный негр в элегантном белом смокинге поднялся из-за столика и пошел навстречу Куоррелу и Бонду.

— Привет, Куоррел, давно не виделись. Столик на двоих?

— Точно, Полип. Поближе к кухне и подальше от оркестра.

Гигант усмехнулся. Он устроил их в тихом месте за стоящим под пальмой столиком около моря.

— Выпьете что-нибудь?

Бонд, как всегда, показал джин с тоником и лимоном, Куоррел — пиво. Полистав меню, оба выбрали лангуста, бифштекс и салат.

Подали матовые от выступившей на них влаги бокалы. Это напомнило Бонду иные эпизоды его жизни в жарких странах. В нескольких метрах от них плеска-

лось море, тихо играл оркестр, шелестели пальмы. Бонд вспомнил Лондон, который он оставил день назад.

— Мне нравится здесь, Куоррел, — сказал он. Куоррел был счастлив.

— Полип — мой друг, и если вы захотите узнать у него что-нибудь, то он более или менее в курсе всего, что происходит в Кингстоне. Он тоже с Кайманских островов. Одно время мы были совладельцами лодки, но однажды он отправился на Крэб Кэй за птичьими яйцами, вплавь добрался до скал, а там столкнулся с осьминогом. В наших местах они небольшие, а у Крэб Кэй водятся очень крупные, там близко Кубинская впадина и море глубже. Около четверти часа Полип сражался с этим жутким созданием, пока ему не удалось вырваться. Полип долго не мог прийти в себя от страха и поэтому, продав мне лодку, вернулся в Кингстон. Это было еще до войны. Теперь он богат, а я продолжаю рыбачить.

— Крэб Кэй, что это за место? — спросил Бонд.

Куоррел испытующе посмотрел на него.

— Сейчас это дрянное место, капитан, — коротко ответил он. — Во время войны этот остров приобрел один китаец, завез туда батраков добывать птичий помет. Он никому не позволяет там бывать и никого оттуда не выпускает. Мы держимся подальше от тех мест.

— Почему?

— Там многочисленная охрана, пулеметы, локатор, есть и самолет. Некоторые из моих друзей рискнули отправиться туда, но никто из них не вернулся. Этот китаец не желает никого пускать на свой остров, честно говоря, капитан, и я побаиваюсь его, — добавил он виноватым тоном.

— Так, так, — задумчиво пробормотал Бонд.

Подали ужин, Бонд заказал еще спиртного и, пока они ели, рассказал Куоррелу историю Стрэнгуэйза. Куоррел внимательно слушал, задавая иногда вопросы. Его особенно заинтересовали птицы с Крэб Кэй, рассказ сторожа и авиационная катастрофа. Потом он отодвинул тарелку и закурил. Наклонившись к Бонду, он тихо сказал:

— Капитан, будь то птицы, бабочки или пчелы, неважно, но если они с острова Крэб и если ваш человек хотел сунуть туда нос, то вы спокойно можете поспорить на последний доллар, что его прикончили. Его и девушку. Китаец их и прикончил.

— Почему ты так уверен в этом? — спросил Бонд, встревоженно глядя в серые глаза Куоррела.

Тот пожал плечами. Его ответ был прост:

— Этот тип желает, чтобы его не трогали. Он не хочет, чтобы к нему туда шлялись. Я уверен, что он убил ваших друзей для того, чтобы все держались подальше от Крэб Кэй. Он очень могуществен и убирает всех, кто ему мешает.

— Почему?

— Я не знаю точно, капитан, — безразличным голосом ответил Куоррел, — в этом мире один хочет одно, другой — другое и каждый старается добиться своего.

Краем глаза Бонд заметил вспышку света и резко повернулся. Недалеко от них, в полутьме, сидела молодая китаянка из аэропорта. На ней в этот раз было черное облегающее атласное платье с разрезом чуть ли не до бедра. В руках у нее была «Лейка» со вспышкой.

— Задержи-ка эту красотку, — приказал Бонд.

В одно мгновение Куоррел оказался рядом с ней.

— Добрый вечер, крошка, — прошептал он, протянув ей руку.

Девушка улыбнулась и пожала ему руку. Куоррел обхватил ее за талию, как в танце, и сильно сжал, не давая возможности двигаться.

— Вы делаете мне больно, — сказала она гневно.

Куоррел улыбнулся, глядя в ее горящие черные миндалевидные глаза.

— Капитан хотел бы, чтобы вы с нами что-нибудь выпили, — сказал он ласково, подводя к своему столу девушку. Ногой он пододвинул стул и посадил рядом с собой, продолжая сжимать ей руку. Они сидели прямо и напряженно, как влюбленные во время ссоры.

Бонд посмотрел в ее красивые разгневанные глаза.

— Добрый вечер, что вы здесь делаете? Зачем вам понадобилась еще одна моя фотография?

— Я собираю материал и в ночных заведениях, — она попробовала уверенно улыбнуться. — Ваша первая фотография получилась плохо. Скажите этому типу, чтобы он отпустил меня.

— Итак, вы работаете для «Глинер»? Как ваше имя?

— Не скажу.

Приподняв одну бровь, Бонд посмотрел на Куоррела. Глаза Куоррела сузились. Он стал медленно выворачивать ей руку. Китаянка, закусив нижнюю губу, начала

выворачиваться как угорь, подцепленный на крючок. Куоррел выкручивал ей руку, пока она не застонала.

— Ну ладно, Аннабел Чанг, — выдохнула она, зло глядя на Бонда. Куоррел слегка отпустил ее руку.

— Позови Полипа, — обратился Бонд к нему.

Свободной рукой Куоррел постучал вилкой по бокалу. Хозяин тотчас же подошел.

— Вы видели когда-нибудь здесь эту девушку? — спросил у него Бонд.

— Да, сэр. Она иногда заходила сюда. Она цепляется к вам? Хотите, чтобы я ее выставил?

— Нет. Она нам нравится, — весело ответил Бонд, — хотя постоянно фотографирует меня, а я не знаю, стоит ли это делать. Позвоните, пожалуйста, в «Глинер» и спросите, не работает ли у них фотографом некая Аннабел Чанг?

— Хорошо, сэр, — сказал Полип и быстро отошел.

— Почему вы не попросили его о помощи? — спросил Бонд, улыбаясь.

Девушка бросила на него горящий взгляд.

— Мне жаль, что пришлось с вами так круто обойтись, — продолжал Бонд, — но мой директор в Лондоне предупреждал меня, что в Кингстоне есть много подозрительных личностей. Я уверен, что вы не из их числа, однако я никак не могу понять, зачем вам понадобилась моя фотография. Объясните мне, пожалуйста.

— Я уже вам сказала, — перебила девушка, — это моя работа.

Бонд пробовал задавать другие вопросы, но ничего не получалось, она не отвечала.

Появился Полип.

— Все верно, сэр. Это Аннабел Чанг, она работает внештатно. Говорят, что у нее отличные фотографии. Вы останетесь довольны ею. — Он многозначительно улыбнулся. — Студийный портрет! Но лучше студийная постель.

— Спасибо, — ответил Бонд. Негр отошел, а Бонд снова обратился к китаянке. — Внештатный фотограф, — сказал он тихим голосом. — Но все-таки еще не ясно, зачем вам понадобилась моя фотография. — Его интонация стала жестче. — Ну, а теперь, говорите!

— Нет, — упрямо повторила девушка.

— Ладно, Куоррел, продолжай. — Бонд оперся о спинку стула. Инстинктивно он понимал, что ответ на этот вопрос стоит многого. Если бы он сумел вытянуть

из нее ответ, то это могло стоить целой недели работы.

Китаянка пыталась вывернуться, чтобы как-то ослабить боль, но у нее ничего не получалось. Тогда она неожиданно плюнула Куоррелу прямо в лицо. Куоррел лишь ухмыльнулся, продолжая сжимать ее руку. Девушка отчаянно била под столом ногами, шипела какие-то китайские слова, на лбу у нее выступили капли пота.

— Говори, — посоветовал Бонд, — говори, тогда мы оставим тебя, помиримся и вместе выпьем что-нибудь.

Бонд начал уже беспокоиться. Еще немного, и они совсем сломают ей руку.

— К черту!

Внезапно левой рукой она ударила Куоррела по лицу. Бонд не успел поставить блок. Что-то сверкнуло и раздался хлопок. Бонд схватил ее за руку. По щеке Куоррела текла кровь. Кусочки стекла и металла рассыпались по столу. Китаянка ударила Куоррела фотовспышкой. Попади она в глаз, он остался бы слепым.

Куоррел провел рукой по щеке и внимательно посмотрел на ладонь. Кровь!

— Твердый орешек! Может, сломать ей руку, капитан?

— Отпусти ее.

Бонд был зол, что так ничего и не добился от девушки. Хотя кое-что он все же понял: кто-то стоит за всем этим и умело управляет своими людьми.

Куоррел перестал выворачивать китаянке руку, но запястье не выпускал. Он раскрыл ладонь китаянки.

— Ты оставила мне отметину. Теперь моя очередь, красавица. Большим и указательным пальцами он защипнул кожу на бугре Венеры ее ладони и, выкручивая, стал оттягивать. Китаянка приглушенно вскрикнула, начала отбиваться. Куоррел резко отпустил. Девушка вскочила на ноги и отскочила от столика.

— Вы ему за это ответите, подонки! — прошипела она перед тем, как исчезнуть.

Куоррел только хмыкнул. Бумажной салфеткой он оттер щеку, бросил испачканную салфетку в пепельницу и взял еще одну.

— Моя рана затянется, а ее ладонь еще долго будет болеть, — сказал он Бонду. — У этой женщины замечательный бугор Венеры. Когда у женщины он так развит, можно быть совершенно уверенным, что она великопна в постели. Вам это известно, капитан?

— Нет, для меня это новость, — ответил Бонд.

— Это точно. Это показательный признак. А о ней не волнуйтесь, — добавил он, заметив выражение недоверия на лице Бонда. — У нее только синяк останется. Но, черт возьми, какой бугор Венеры! Рано или поздно я отыщу ее и проверю, верна ли моя теория.

— Куоррел, тебе давно пора жениться и взяться за ум, — сказал Бонд. — И советую тебе оставить в покое эту девицу, иначе ты получишь нож в спину. А сейчас попроси счет и пойдем отсюда. Я только что из Лондона, а там сейчас три часа ночи. Мне необходимо хорошо выспаться. Как раз самое время сделать это, а тебе хорошо бы наклеить пластырь на щеку.

— Малышка просто молодчина, — пробормотал Куоррел в ответ.

5. ЦИФРЫ И ФАКТЫ

Бонд сидел на веранде и завтракал, любуясь сверху тропическими садами Кингстона. Вчерашняя фраза китаянки все время звучала в его голове.

Теперь он был уверен, что Стрэнгуэйз и девушка были убиты. Кому-то не понравилось, что они заинтересовались чужими делами, и этот некто убрал их, уничтожив заодно и все документы. Он знал или предполагал, что Секретная служба не оставит без внимания эту историю и каким-то образом выяснит, с каким заданием прибыл Бонд. Ему хотелось получить фотографию агента и выяснить, где тот остановился. Теперь он следил, чтобы Бонд не пошел по той же дороге, которая привела Стрэнгуэйза к гибели. В случае, если и Бонд пойдет тем же самым путем, то его тоже уберут. Это может быть автомобильная катастрофа, драка или другой способ, не вызывающий подозрений.

Бонд закурил первую в это утро сигарету и с наслаждением шумно выдохнул дым. Итак, первый контакт с противником. Но кто он? Скорее всего доктор «НО», доктор Юлиус «НО», китаец немецкого происхождения, владелец острова Крэб Кэй. В архивах материалов на него нет, контрольный запрос, посланный в ФБР, оказался безрезультатен. История с розовыми анстами и обществом «Одюбон» означала лишь, как и говорил М., что несколько старых дев подняли переполох по поводу птиц, но самым показательным было то, что доктора «НО» и его острова боялся Куоррел. Это очень странно: мужчину с Кайманских островов, тем более Куоррела,

испугать трудно. И почему доктор «NO» так стремится, чтобы его оставили в покое? Почему тратит столько сил и средств, чтобы не допустить посторонних на свой остров? Кого могли заинтересовать его удобрения? Может, это действительно такая большая ценность?

В десять часов Бонд должен был быть у губернатора, а затем ему надо было связаться с Секретарем по делам колоний, чтобы попытаться выяснить как можно больше об этом проклятом деле и об острове Крэб Кэй, а возможно, и о докторе «NO».

В дверь два раза постучали. Бонд поднялся и открыл дверь. Это был Куоррел. На его левой щеке красовался пластырь.

— Добрый день, капитан. Вы велели мне прибыть в половине девятого.

— Верно, Куоррел. У нас будет напряженный день. Ты завтракал?

— Да, спасибо, капитан. Рыба и ром.

— Господи, — воскликнул Бонд, — не слишком ли круто для начала дня?

— В самый раз, — спокойно парировал Куоррел.

Они расположились на веранде. Бонд предложил Куоррелу сигарету.

— Итак, — начал он, — я должен провести большую часть дня в делах, возможно, побывать в Институте Ямайки. Ты не понадобишься мне до завтрашнего утра, но для тебя есть два-три поручения в городе, согласен?

— Отлично, капитан, слушаю вас.

— Прежде всего нашу машину засекли. Лучше будет отделаться от нее. Возьми на прокат закрытую машину, самую новую, с небольшим пробегом, водителя не нанимай. Возьми на месяц. Ясно? Потом сходи в порт и подбери двух рыбаков, которые хоть как-то походили на нас. Один из них должен уметь водить машину. Купи для них одежду, похожую на нашу. По крайней мере пиджаки и шляпы. Скажи, что им надо завтра утром отогнать машину в Монтего. Пусть поставят ее в гараже у Леви. Предупреди его, чтобы машину никому не сдавал.

Куоррел хмыкнул.

— Мы, что, должны пустить кого-то по ложному пути?

— Скажи им, что они заработают на этом по десять фунтов стерлингов. Соври, что я богатый американец и я желаю, чтобы мою машину пригнали в Монтего при-

личные люди. Дай понять им, что я слегка тронутый. Они должны быть на месте в половине седьмого утра, а ты приедешь на другой машине.

— Ясно, капитан.

— Тебе известно что-нибудь о той вилле, что мы снимали в прошлый раз в Бо Дезер, в Порт Моргане? Она свободна? Не знаешь?

— Не знаю, капитан. Она довольно далеко от туристической зоны, да и просят за нее много.

— Поезжай в бюро по найму и спроси, можно ли снять эту виллу на месяц, если нет, подбери что-нибудь поблизости. Цена меня не волнует. Скажи, что это для богатого американца, мистера Джеймса. Возьми ключи, заплати за аренду. Я вышлю подтверждение. Если они захотят уточнить что-либо, я позвоню. — Бонд вытащил из кармана толстую пачку денег и протянул Куорреллу. — Здесь двести фунтов стерлингов. Должно хватить. Если понадобится еще, сообщи. Ты знаешь, где меня найти.

— Спасибо, капитан, — пробормотал Куоррел, потрясенный такой суммой, засунул деньги за пазуху и застегнул рубашку до самого верха. — Это все, капитан?

— Все, но смотри, чтобы тебя не выследили. Оставь где-нибудь машину и ходи повсюду пешком. Особенно опасайся китайцев, которые могут оказаться поблизости. — Бонд подошел к двери. — Мы встретимся завтра утром, в четверть седьмого, и отправимся в Порт Морган. Если все сложится как надо, то некоторое время там будет наша база.

— Хорошо, капитан, — невозмутимо ответил Куоррел и вышел.

Через полчаса Бонд оставил гостиницу, взял такси и отправился к губернатору, где его заставили около четверти часа ждать в холле, продемонстрировав тем самым, что персона он не очень важная. Затем появился секретарь и провел его в кабинет губернатора на втором этаже.

Это была большая светлая комната, сильно пропахшая табачным дымом. Губернатор в шелковистом костюме кремового цвета, с бабочкой на жестком воротничке, сидел за большим столом красного дерева, на котором были газеты «Дейли Глинер», «Таймс Уикли» и ваза с букетом цветов. Губернатору было около шестидесяти, его лицо красноватого оттенка с живыми голубыми глазами выражало некоторую надменность.

— Здравствуйте, мистер... м-м... Бонд, — сказал он без улыбки, не вставая. — Садитесь, пожалуйста.

Бонд сел в кресло напротив губернатора.

— Добрый день, сэр.

Друг Бонда, служивший в Министерстве колоний, предупредил, что встретят его скорее всего прохладно, что губернатор в предпенсионном возрасте и для него это место временное. Когда сэр Хью Фут получил повышение, то пришлось срочно подыскивать ему замену. Фут был чудесный человек. Этот же в никакое сравнение с ним не идет. Он знает, что эта должность для него временная, пока на это место не подберут кого-нибудь более подходящего, и мечтает заполучить какой-нибудь пост в Сити. Меньше всего ему нужны какие-то неприятности здесь, на Ямайке, поэтому он изо всех сил старается закрыть дело Стрэнгуэйза, и то, что Бонд занялся этим делом, не может его радовать.

Губернатор откашлялся. Он отдавал себе отчет в том, что Бонд не из тех, кто все время говорит «Да, сэр».

— Вы хотели поговорить со мной?

— Я хотел только представиться, — спокойно ответил Бонд. — Я здесь по делу Стрэнгуэйза. Надеюсь, вы получили письмо от Государственного секретаря. — Этим он хотел лишь напомнить, что за ним стоят влиятельные люди. Бонду не нравилось, когда кто-то пытался принизить его роль и роль Секретной службы.

— Да... И что же я могу сделать для вас? Насколько я понимаю, дело закрыто...

— В каком смысле, сэр?

— Совершенно ясно, что Стрэнгуэйз удрал с этой девушкой, — жестко ответил губернатор. — Создается впечатление, что некоторые из ваших коллег только и делают, что бегают за юбками. (Было ясно, что губернатор не исключал из их числа и Бонда.) Мне и раньше приходилось вытаскивать этого типа из разных неприятностей. Естественно, здесь, в колонии, это производит дурное впечатление, мистер... гм... Бонд. Надеюсь, что ваше начальство назначит на его место кого-нибудь получше. Но, — холодно добавил он, — если здесь действительно необходим человек из Службы регионального контроля. Лично я полностью доверяю нашей полиции.

Бонд любезно улыбнулся.

— Я сообщу о вашем мнении, сэр. Я уверен, что мой шеф будет счастлив обсудить его с Министром обороны

и с Государственным секретарем. Естественно, что если вы сами хотите заниматься этими делами, то для Секретной службы это будет большой экономией. Я уверен, что полиция Ямайки справится с этой задачей.

Губернатор с подозрением взглянул на Бонда и подумал, что с этим типом надо вести себя осторожно.

— Это дело официальное, мистер Бонд, когда я уточню свою точку зрения, я сообщу о ней Государственному секретарю. А сейчас, с кем из моих людей вы хотели бы встретиться?

— Я бы хотел поговорить с Секретарем по делам колоний.

— Да? По какому поводу?

— На острове Крэб Кэй произошли неприятности. Это касается розовых аистов. Нам передали это дело из Министерства колоний.

Губернатор, похоже, обрадовался.

— Конечно, конечно. Я сейчас же представлю вас мистеру Плейдел-Смиту. А мы, что же, по-вашему, должны ждать, когда дело Стрэигуэйза само проявится? Так или иначе, эти двое когда-нибудь объявятся сами.

Он нажал кнопку и через мгновение появился секретарь.

— Этот господин желает встретиться с Секретарем по делам колоний. Проводите его, пожалуйста. Я сам предупрежу мистера Плейдел-Смита. — Он вышел из-за стола и протянул Бонду руку. — До свидания, мистер Бонд. Был рад с вами познакомиться. Крэб Кэй? Лично я там никогда не был, но уверен, что он заслуживает, чтобы его посетили.

— Я того же мнения. До свидания, сэр, — сказал Бонд и пожал ему руку.

— Еще раз до свидания, — с довольным видом губернатор вернулся за свой стол. «Паршивый нахал», — подумал он про себя. Позвонив по телефону, губернатор строгим голосом переговорил с Секретарем по делам колоний, затем взял «Таймс Уикли» и погрузился в биржевой бюллетень.

Мистер Плейдел-Смит был молодым человеком с всклопоченной шевелюрой и живыми мальчишескими глазами. Он представлял собой тот нервный тип курильщиков трубок, которые постоянно шарят в карманах в поисках спичек, то и дело открывают табакерку, проверяя, есть ли еще там табак, или же все время очищают трубку. После десяти минут, которые Плейдел-

Смит потратил на всю эту возню, Бонд спросил себя, да курил ли тот вообще когда-нибудь.

Тепло пожав Бонду руку и усадив его в кресло, Плейдел-Смит стал ходить взад и вперед, почесывая затылок мундштуком трубки.

— Бонд. Бонд. Бонд. Я припоминаю кое-что. А, черт возьми! Вы занимались делом о сокровищах. Да, точно! Четыре или пять лет назад. Как раз вчера я наткнулся на папку с вашими документами. Отличная работа! Просто здорово! Как бы мне хотелось, чтобы и здесь разразилась такая же буря, чтобы расшевелить немного это болото. Здесь ни о чем другом, как о федерации, не думают. Самоопределение! А сами даже не в состоянии организовать движение автобусов. А вопрос цветного населения! Друг мой, расовый вопрос: споры между жителями Ямайки с прямыми и вьющимися волосами поострей, чем между мной и моим чернокожим поваром. Однако, — Плейдел-Смит остановился у стола, сел напротив Бонда и закинул ногу на подлокотник кресла. Затем взял пачку табака с этикеткой «Кингз Колледж», залез туда пальцами и стал набивать трубку, — не хочу надоедать вам всем этим. Вы сами меня лучше спрашивайте. Что у вас за проблема? Буду рад вам помочь, если смогу. Все лучше, чем эта писанина, — и указал на ворох документов на столе.

Бонд приветливо улыбнулся. Он нашел союзника и, притом, неглупого.

— Итак, я здесь по делу Стрэнгуэйза. Но прежде всего должен задать вам вопрос, который может показаться странным. Каким образом вам в руки попала папка с моим прошлым делом? У вас ее кто-нибудь попросил? Я не хочу выглядеть нескромным, и если не хотите, можете не отвечать...

Плейдел-Смит слегка подмигнул Бонду:

— Вам это нужно для работы? — Потом немного подумал, глядя в потолок. — Насколько я сейчас припоминаю, ту папку я увидел на столе моей секретарши. На службу принял ее недавно. Она сказала, что приводит в порядок архивы. На столе было много других папок. Ваша попалась мне случайно.

— О, я понимаю, — Бонд улыбнулся, как бы извиняясь, — простите, но у меня сложилось впечатление, что кто-то проявляет определенный интерес к моему визиту. Мне хотелось бы поговорить с вами об острове Крэб Кэй и услышать все, что вы о нем знаете, а также о ки-

тайце, который приобрел его, о докторе «НО», и о его бизнесе. Я хочу узнать как можно больше, но и самая ничтожная информация может оказаться полезной.

Плейдел-Смит хмыкнул и, продолжая держать трубку в зубах, прижимая табак спичечным коробком, сказал:

— О разработках удобрений я знаю больше, чем может вас заинтересовать. Этим вопросом я начал заниматься еще до того, как меня перевели в Министерство колоний. Впервые в Перу. Много общался с теми, кто управляет таким производством. Например, фирма «Компанья Администратора». Люди там знающие. — Наконец трубка разгорелась, и Плейдел-Смит швырнул коробок на стол. — А что касается всего остального, то давайте посмотрим дело. — Он нажал кнопку звонка. Через минуту дверь за спиной Бонда открылась. — Мисс Таро, пожалуйста, документы на Крэб Кэй, все, что касается его продажи и той истории со сторожем, который перед Рождеством приплыл оттуда на лодке. Мисс Лонгфиллоу подскажет вам, где их найти.

— Хорошо, сэр, — раздался мягкий голос, и Бонд услышал, как закрылась дверь.

Затем Плейдел-Смит пустился в пространный рассказ об островах и добыче удобрений.

— А что же дальше? — спросил Бонд, желая скорее добраться до самого главного.

— Ну, в начале войны тот хитрющий китаец решил выжать что-нибудь из этого острова. Он купил его и начал проводить разработки. Должно быть, от сколотил неплохое состояние. Нам так и неизвестно, сколько он платит своим рабочим, поскольку остров превратился в настоящую крепость и оттуда никто не возвращался. Я слышал, что там происходят странные вещи, но жалоб оттуда к нам не поступало. Естественно, это его остров, и он волен делать там все, что ему заблагорассудится.

— А действительно эти залежи и сегодня так ценны? — спросил Бонд. — Как вы думаете, сколько все это может стоить?

— По последним данным, на Крэб Кэй сто тысяч птиц, и каждый год одна птица приносит два доллара, и это без затрат со стороны владельца. Предположим, что пара птиц стоит пятнадцать долларов, вот уже полтора миллиона. Добавим стоимость сооружений, еще миллион, и становится ясно, что капитал у него нема-

лый. Кстати, — Плейдел-Смит снова нажал на кнопку, — почему до сих пор нет документов? Там вы сможете найти все, что вас интересует.

Дверь за спиной Бонда вновь открылась.

— Итак, мисс Таро, — спросил Плейдел-Смит, — что с документами?

— Сожалею, сэр, — посышался, как в первый раз, мягкий голос, — но нам не удалось их найти.

— Что значит «не удалось найти»? Кто брал их последним?

— Господин Стрэнгуэйз, сэр.

— Я хорошо помню, что он возвратил их, принес именно сюда, в эту комнату. Куда же они делись?

— Не знаю, сэр, — голос звучал безразлично. — Папки остались, но они пустые.

Бонд оглянулся. Посмотрел на девушку и отвернулся. Он понял, что произошло с документами. Ему также стало понятно, каким образом папка с его делом оказалась на столе секретарши. Он смог представить себе, каким образом просочились из Кинг Хауз, единственного места, где его знали, сведения о цели его визита на Ямайку.

Как и доктор «НО», как и Аннабел Чанг, маленькая невозмутимая секретарша в очках в черепаховой оправе была китайкой.

6. КУРОК ВЗВЕДЕН

Секретарь по делам колоний предложил Бонду пообедать в Королевском клубе. Они расположились за угловым столиком в обеденном зале, отделанном красным деревом. Когда подали кофе, Плейдел-Смит весь ушел в рассуждения о жизни на этом процветающем и безмятежном острове.

— Ну так вот, — говорил он, взясь, как обычно, со своей трубкой. — Жители Ямайки, люди по натуре спокойные, со всеми недостатками и достоинствами ребенка. Они живут на таком богатом острове, а разбогатеть сами не могут. Обрабатывать землю не умеют, к тому же они и ленивы. Англичане приходят, уходят, растаскивают все, что под руку подвернется, да вот только никто из них здесь не разбогател. Они здесь долго не задерживаются. А вот португальские евреи здесь процветают. Они прибыли сюда вместе с англичанами, да так и остались. Но они снобы и тратят слишком много де-

нег на строительство роскошных домов и на приемы. Когда нет туристов, их имена можно найти в разделе светской хроники в «Глинер». Они торгуют ромом и табаком, представляют крупные английские фирмы по производству автомобилей, страховые агентства и так далее.

Далее идут сирийцы, они тоже богаты, но меньше преуспевают в делах. Они владеют большей частью магазинов и несколькими гостиницами. Затем — индусы, те торгуют тканями и другими товарами. И, наконец, китайцы, люди солидные, порядочные, держатся всегда друг за друга. Это самая сильная группировка на Ямайке. Китайцам принадлежат булочные, прачечные и лучшие продуктовые магазины. Живут они от всех очень изолированно и в смешанные браки не вступают, случается, правда, что они женятся на негритянках. Результат этих браков можно видеть повсюду: чигроес — гибриды, к которым и китайцы и негры относятся с презрением. Порой они становятся опасными. У них ум китайца и почти все пороки негра. Полиции они доставляют много хлопот.

— А ваша секретарша, она тоже из их числа? — поинтересовался Бонд.

— Да. Она очень способная и трудолюбивая девушка. Работает у меня уже полгода. Без сомнения, она лучшая из всех, кто откликнулся на объявление в газете.

— Она кажется сообразительной, — заключил Бонд, не выдавая себя. — А эти люди как-нибудь объединены? Стоит ли кто-нибудь во главе негритяно-китайской общины?

— Пока нет, но рано или поздно найдется кто-нибудь, кто сумеет их организовать. — Плейдел-Смит взглянул на часы. — Ну, мне пора. Даже представить себе не могу, куда подевались эти документы. Я хорошо помню, что... — он замолчал. — Но самое главное — я так и не сумел рассказать вам ничего существенного об острове и о докторе «NO». Хотя, должен вам заметить, что и в пропавших бумагах вы не нашли бы ничего интересного. Этот китайский немец отличный делец. Ну еще эта история с обществом «Одубон». Вы, конечно, в курсе. Что касается самого острова, то в деле было всего два довоенных отчета и копия последней картографической съемки. Похоже, это забытое богом место. Бесконечные болота и кустарники с горой птичьего дерьма посередине. Вы говорили, что собираетесь в Ин-

ститут. Если хотите, я провожу вас и представлю начальнику географического отдела?

Час спустя Бонд сидел уже за столом в углу темной комнаты. Перед ним лежала карта Крэб Кэй 1910 года. На листок бумаги со штампом Института он нанес план острова, пометив на ней основные пункты.

Площадь острова была около пятидесяти квадратных миль, из которых три четверти к востоку составляли болота; было также небольшое озеро, из которого вытекала речушка. Она впадала в маленькую песчаную бухту на южном берегу, разделяя его почти пополам. Бонд подумал, что сторожа общества «Одюбон» скорее всего разбили свой лагерь недалеко от воды. На западном берегу острова Бонд отметил крутой холм высотой около ста пятидесяти метров, который, наверно, резко обрывался со стороны моря.

Не было ни дорог, ни тропинок, ни построек. Очертания Крэб Кэй напоминали водяную крысу с головой, вытянутой на запад. Остров лежал в тридцати милях от Гэлин Пойнта, расположенного на северном побережье Ямайки, и примерно в шестидесяти милях южнее Кубы.

Больше ничего интересного на карте не было. Крэб Кэй окружали мели, и только в одном месте, на западе, около рифов, глубина моря доходила почти до километра. Дальше начиналась Кубинская впадина. Бонд сложил карту и вернул ее библиотекарю.

Неожиданно он ощутил сильную усталость. Было еще четыре часа, но жара стояла страшная, рубашка прилипла к спине. Он вышел из Института, сел в такси и, минуя зеленые холмы, вернулся в гостиницу. Бонд вполне был доволен проведенным днем и рассчитывал спокойно отдохнуть вечером в номере, чтобы на следующее утро пораньше проснуться и отправиться в путь.

Бонд подошел к конторке портье, чтобы выяснить, нет ли каких-либо известий от Куоррела.

— Ничего нет, сэр, — ответил тот. — Но из Кинг Хауз прислали корзину с фруктами. Сразу после завтрака. Посыльный отнес ее в ваш номер.

— Каков он из себя?

— Цветной, сэр. Сказал, что его послал адъютант.

— Спасибо, — ответил Бонд, взял ключ и поднялся на второй этаж. Сжимая под пиджаком рукоятку револьвера, он бесшумно подошел к двери своего номера, повернул ключ и ногой открыл дверь. Комната была пу-

ста. Бонд заперся на ключ. На столе стояла большая корзина с фруктами: мандарины, грейпфруты, бананы, и среди прочих экзотических плодов он увидел два персика, выращенных в оранжерее. К большому банту на ручке корзины был прикреплен белый конверт. Бонд взял его и поднес к свету, чтобы лучше рассмотреть. Открыв конверт, он прочитал напечатанное на белом тонком листе бумаги послание «В знак уважения от Его Превосходительства Губернатора», обращение отсутствовало.

Бонд вздохнул. Некоторое время он смотрел на фрукты, затем наклонился к корзине и прислушался. Подняв ее за ручку, высыпал содержимое на пол. Кроме фруктов там ничего не было. Бонд улыбнулся своей подозрительности. Оставалась последняя попытка. Он взял самый аппетитный персик и положил его в раковину в ванной комнате. Затем, проверив замок, отпер шкаф. Осторожно вытащил оттуда чемодан и положил его посреди комнаты. Потом, стоя на коленях, стал внимательно рассматривать присыпанные тальком замки. Было очевидно, что их пытались открыть. Бонд принялся исследовать оставленные следы.

Эти люди были не так осторожны, как те, с кем ему приходилось сталкиваться раньше. Он повернул ключ и поставил чемодан на бок. С краю, на правом углу крышки виднелись четыре безобидные шляпки от медных заклепок. Бонд ногтем осторожно подцепил одну из них, приподнял и, потянув, извлек прочный стальной трос длиной около метра. Трос проходил через несколько металлических колец, расположенных внутри крышки чемодана. Бонд приподнял крышку и проверил: все ли в порядке. Затем достал из «ящичка с инструментами» увеличительную линзу и вернулся в ванную комнату. Взял персик и, принялся медленно крутить его между пальцами, рассматривая в лупу. Вдруг он замер, обнаружив мельчайшую дырочку со слегка потемневшими краями, невидимую невооруженным глазом. Бонд осторожно положил персик обратно в раковину. Мгновение он стоял неподвижно, уставившись в зеркало.

Итак, война объявлена! Ладно! Очень, очень интересно. Он ощутил, как у него потянуло под ложечкой. Потом, не разжимая губ, улыбнулся собственному отражению в зеркале. Итак, не подвела его интуиция, а выводы оправдались. Стрэнгуэйз с девушкой были убиты, а вся документация уничтожена, потому что они на-

щупали верную дорогу. Затем появился он, Бонд, и благодаря мисс Торо встреча ему была подготовлена. Мисс Чанг и, возможно, также водитель такси наблюдали за ним, вплоть до гостиницы. Но кто же все-таки держит палец на спусковом крючке? Кто целится в него с такой настойчивостью? Доказательств у Бонда не было. Но он чувствовал, что пуля выпущена с острова Крэб Кэй.

Бонд вошел в спальню, собрал остальные фрукты, отнес их в ванную и исследовал их один за другим. На всех он обнаружил маленькое отверстие. По телефону он попросил, чтобы ему принесли в номер картонную коробку, оберточную бумагу и веревку. Аккуратно упаковав в коробку фрукты, он позвонил в Кинг Хауз и позвал Секретаря по делам колоний.

— Это вы, Плейдел-Смит? Говорит Джеймс Бонд. Простите, что я беспокою вас, но у меня возникли некоторые затруднения. Скажите, есть ли в Кингстоне какая-нибудь химическая лаборатория? Понятно? Хорошо. Мне необходимо сделать кое-какие химические анализы. Если перешлю вам один сверток, не будете ли вы так любезны передать его специалисту? Мне хотелось бы, чтобы мое имя не фигурировало. Ладно? А когда придет ответ, не могли бы вы сообщить мне об этом телеграммой? Я буду в Бо Дезер, в Порт Моргане, эту неделю я проведу там. И прошу вас, никому ни слова. Мне неловко, что я доставляю вам столько хлопот, но при встрече я все вам объясню. Возможно, вам кое-что станет ясно, когда вы прочтете результат анализа. Кстати, предупредите, чтобы были осторожны с моей посылкой. Внешний вид обманчив. Благодарю вас. Мне очень повезло, что сегодня утром я познакомился с вами. До свидания.

Бонд написал на коробке адрес, вышел на улицу и поймал такси. Он попросил таксиста срочно передать сверток в Кинг Хауз. Потом вернулся в номер, принял душ, переоделся и заказал что-нибудь выпить. Держа стакан в руке, он уже собирался выйти на веранду, когда зазвонил телефон. Это был Куоррел.

— Все в порядке, капитан.

— Все? Даже дом? Отлично.

— Все в порядке, — осторожно повторил Куоррел. — Встретимся, как договорились, капитан.

Бонд повесил трубку и вышел на веранду. Солнце садилось. Над городом и портом расстилались фиолетовые сумерки.

Надо ли ставить в известность М. о том, что выяснились новые детали? Надо ли составлять отчет губернатору? Бонд размышлял: «Конечно, можно отправить шифровку по каналам Министерства колоний. Но что он мог сообщить? Что доктор «НО» переслал ему отравленные фрукты?» Точных сведений о том, что они были отравлены и что их прислал именно доктор «НО», у Бонда не было. Он без труда представил себе лицо М., прочитавшего подобное донесение и даже, казалось, услышал его голос: «Агент 007 передает, что ему подсунули отравленные бананы. Видимо, у него не все в порядке с головой. Он слишком рано вышел из больницы».

Бонд улыбнулся про себя. Конечно, он преувеличивает, однако... Нет, надо подождать еще немного, чтобы было о чем доложить. Естественно, если он ошибается, да к тому же и не сообщает о своих действиях, то неприятностей ему не избежать. Впрочем, только от него зависит, чтобы ошибок не было. Обдумывая детали своего плана, Бонд осушил второй бокал.

Потом он спустился в полупустой ресторан и поужинал. Пролистал «Путеводитель по Латинской Америке». Часов в девять ему захотелось спать. Он поднялся в свой номер и собрал вещи, чтобы не делать этого утром. Затем попросил дежурного разбудить его в половине шестого. Бонд накинул на дверь цепочку и спустил жалюзи. Конечно, ночь будет жаркая, но делать нечего. Сняв с себя всю одежду, он лег, укрывшись простыней, повернулся на левый бок, правой рукой нащупал под подушкой рукоятку «Вальтера» и через пять минут заснул.

Проснулся он внезапно. Взглянул на светящийся рядом циферблат часов — три часа утра. Он не двигался. В комнате было тихо. Бонд прислушался. На улице тоже стояла мертвая тишина. Вдалеке залаяла собака, ей ответили другие, и через мгновение послышался истерический хор, который прекратился также внезапно, как и начался. Лунный свет, проникающий в комнату сквозь жалюзи, оставлял на полу около постели белые и черные полосы. Почему он проснулся? Бонд тихонько пошевелился, намериваясь встать с кровати.

Неожиданно он замер, окаменев, что-то ползло по его правой лодыжке, перебираясь все выше и выше. Вероятно, это было какое-то очень большое насекомое. Пожалуй, величиной с ладонь. Он чувствовал, как

множество маленьких лапок щекочут его. Что это за дрянь?

Потом Бонд услышал то, чего он никогда в своей жизни не слышал — этот звук исходил от встающих на его голове волос. Он прислушался. Невероятно! Невероятно! Это были его волосы, и они шевелились сами. Бонд почувствовал, как кожа на голове похолодела. Немыслимо! Невозможно!

Существо на его ноге продолжало двигаться. Бонд со всей ясностью вдруг понял, что испугался. Его тело раньше, чем разум, осознало опасность. Это была тропическая сороконожка.

Бонд, похолодев, не двигался. Однажды в музее он видел ее заспиртованную. Она была светло-коричневого цвета, плоская, длиной в десять-двенадцать сантиметров. По обеим сторонам плоской головы торчали ядовитые клешни. При попадании яда в артерию человека, гласила табличка, наступает смерть.

Насекомое поползло уже до колена. Потом перебралось еще выше. Что бы не случилось, ему нельзя двигаться, нельзя даже дрожать. Все чувства Бонда были прикованы к этим двум рядам медленно шевелящихся лапок. Вот оно достигло бедра и поползло по животу. Бонду стало щекочно, но надо было терпеть. Насекомое добралось до солнечного сплетения. Бонд почувствовал, что лапки стали ступать плотнее, эта тварь старалась удержаться на его животе. Она уже около сердца. Если здесь укусит, то это точно конец. Сороконожка продолжала двигаться по волосам на груди, к ключице. Остановилась. Что дальше? Бонд чувствовал, как шевелится ее голова. Вверх, вниз. Что ей надо? Может ей мешает простыня? Не приподнять ли ее немного? Нет! Сороконожка переползла к сонной артерии. Не испугает ли ее биение крови? Проклятье, если бы он умел управлять циркуляцией крови! Бонд попытался мысленно заговорить с насекомым: «Все в порядке, ничего опасного нет. Это биение крови не причинит тебе вреда. Вылезай!».

Как бы понял его, оно выползло по шее к подбородку. Задев рот, поползло вдоль носа. Омерзительная щекочка! Теперь Бонд смог почувствовать всю тяжесть и величину этой твари. Он медленно закрыл глаза. Оба сразу, иначе лапками она задела бы и правый глаз. Может быть, попытаться скинуть ее, когда она будет на лбу? Нет! Господи, только не это! Эти лапки так вцепились, что их не отодрать.

С невероятной решимостью огромное насекомое поползло по лбу Бонда и замерло около волос. Черт, что оно там делает? Оно пьет! Пьет капли его пота. Бонд был уверен в этом. Несколько минут оно почти не двигалось. Бонд еле выдерживал это напряжение. Он чувствовал, как с него ручьями льется пот, еще немного и его забьет дрожь. Мгновение, и ужас захлестнет его. Способен ли он сдержаться? Возможно ли это? Он лежал неподвижно в ожидании и медленно дышал.

Насекомое вновь зашевелилось и стало пробираться по волосам. Не собирается ли оно там остановиться? Как спят эти твари? Свернувшись или наоборот, распластавшись? Маленькие сороконожки, которых он видел в детстве и которые водились в сливной трубе ванны, когда их трогали, всегда складывались пополам. Наконец голова сороконожки оказалась около подушки: «Ну, что? Двинется она дальше или останется в волосах? Проваливай! Проваливай!» — с трудом сдерживаясь, молча зывал Бонд.

Насекомое зашевелилось и медленно сползло по волосам на подушку.

Бонд выждал еще секунду. Прислушался к легкому шуршанию лапок по наволочке.

Одним прыжком, от которого в комнате все заходило, он выскочил из постели. Подбежал к двери и включил свет. Он чувствовал, что дрожит с ног до головы, но не мог справиться с собой.

Нетвердым шагом он подошел к постели. Насекомое скрылось под подушкой. В первом порыве Бонд хотел швырнуть подушку на пол. Но сумел сдержать себя и выждать немного, пока успокоятся нервы. Затем осторожно приподнял подушку за угол, отнес ее на середину комнаты и бросил. Сороконожка выползла из-под нее и стала быстро перебирать ножками по циновке. Теперь Бонд был спокоен. Он огляделся, отыскивая что-нибудь, чем мог бы ее убить. Не спеша, он пошел за ботинок. Опасность миновала. Сейчас он задавал себе лишь один вопрос, каким образом эта тварь оказалась в его постели. Он поднял ботинок и неторопливо, почти небрежно, опустил его на сороконожку. Послышался жесткий хруст. Бонд приподнял ботинок. Насекомое дергалось в агонии. Он стукнул еще раз. От сороконожки осталось только грязное пятно.

Отшвырнув ботинок, в жутком приступе тошноты, Бонд бросился в ванную.

7. НОЧНОЙ ПЕРЕХОД

— Кстати, Куоррел, — спросил Бонд, сидя за рулем небольшой машины, — знаешь ли ты что-нибудь о сороконожках?

— О сороконожках, капитан? — переспросил Куоррел, взглянув на него и пытаясь понять, чем вызван подобный вопрос, но лицо Бонда было непроницаемо. — Здесь, на Ямайке, они страшные: от семи до десяти сантиметров длиной. Они даже убить могут. Чаще всего их можно встретить в старых домах. Они любят прогнившее дерево и сырость. Выползают ночью. Почему вы спросили, капитан? Вам они встречались?

Бонд не ответил. Он не стал рассказывать Куоррелу и о фруктах.

— А могло бы это насекомое, например, оказаться в современном доме? Где-нибудь в ботинке, ящике или в постели?

— Нет, — ответил Куоррел решительно, — если только его туда нарочно не принесут. Эти твари живут в каких-нибудь дырах и трещинах, чистоты они не любят, им грязь нравится. Они водятся в кустарниках, на деревьях, между камнями. На открытом месте их не встретишь.

— Понятно, — Бонд решил сменить тему разговора. — Скажи мне, а те двое, они отправились на нашей машине?

— Конечно, капитан. Они согласились с удовольствием, да и на нас они здорово похожи. — Куоррел усмехнулся. Быстро взглянув на Бонда, он добавил с некоторой нерешительностью. — Боюсь только, что это не очень приличная публика. Особенно выбирать не приходится. Мне, бедняге, удалось откопать этого белого только у Бэтси.

— Кто эта Бэтси?

— Одна особа, которая содержит самое паршивое заведение в городе. — И чтобы подчеркнуть смысл своих слов, Куоррел сплюнул в открытое окошко. — Ну, а этот белый ведет у нее счета.

Бонд едва удержался от смеха.

— Нам достаточно, чтобы он умел водить машину. Надеюсь, что им удастся добраться живыми и невредимыми до Монтего.

— Не беспокойтесь, — Куоррел не уловил причину беспокойства Бонда. — Я сказал им, что если они не

приедут, то я заявлю в полицию, что они украли нашу машину.

Они выехали на вершину Стони Хил, откуда трасса Джанстон Роуд, петляя, начинала спускаться к северному берегу. Бонд переключил скорость и повел машину вниз. Из-за вершины Голубой горы поднималось солнце, заливая своими золотистыми лучами долину.

Мирная сельская картина, не изменившаяся за века, если не считать ровной поверхности шоссе. Бонд почти ощутил запах навоза на горной тропе, которая с 1750 года протянулась из Порт Рояла в гарнизон в Порт Моргане.

— Капитан, — вновь заговорил Куоррел извиняющимся голосом, — простите, что я вас об этом спрашиваю, но не могли бы вы поделиться со мной своими планами. Я все время думаю об этом, но никак не могу понять ваших намерений.

— Мне самому еще не все ясно, Куоррел. Я тебе уже говорил, что я нахожусь здесь, потому что пропали Стрэнгуэйз и его секретарша. Все думают, что они сбежали вместе, я же уверен, что их убили.

— Вот как? — спокойно произнес Куоррел. — А кто это сделал, как вы думаете?

— Исходя из того, что ты мне рассказал, я полагаю, что это доктор «НО», тот китаец с острова Крэб Кэй. Расследуя историю с птицами, Стрэнгуэйз сунул нос в дела этого типа. Однако доктор «НО» не желает, чтобы к нему лезли. Ты сам говорил мне об этом. Кажется, он на все готов, чтобы никого не допустить в свои владения. Хорошо, если это только мое предположение. Но за последние сутки произошли весьма странные вещи. Вот поэтому я и отправил в Монтего нашу машину. Нам необходимо запутать следы. Вот почему сейчас несколько дней мы должны отсидеться на вилле.

— А что потом, капитан?

— Прежде всего я хочу, чтобы ты помог мне, как и в прошлый раз, когда я был здесь, помнишь, вернуться к прекрасной форме.

— Конечно, капитан. Я это обязательно сделаю.

— Затем, думаю, было бы неплохо взглянуть на Крэб Кэй.

Куоррел присвистнул, правда, свист его закончился низкой нотой.

— Мы только взглянем вокруг. Мы не станем приближаться к зоне доктора. Я хочу только посмотреть на

место, отведенное для птиц и своими глазами увидеть, что стало со сторожевым лагерем. Если мы обнаружим там что-либо подозрительное, то тогда уже сможем явиться на остров открыто и в сопровождении эскорта. Вот тогда начнется расследование в широком масштабе. Но я смогу потребовать его проведения, лишь когда соберу какие-то конкретные факты. Что ты думаешь об этом?

Куоррел порылся в карманах, отыскивая сигарету, долго ее закуривал. Потом носом выпустил дым и принялся наблюдать, как, извиваясь, он исчезает за окошком машины.

— Капитан, — сказал он затем, — я думаю, что если мы отправимся на этот остров, то совершим самую большую глупость. — Он замолчал. Бонд также хранил молчание. Более тихим голосом, в котором слышалось некоторое смущение, Куоррел продолжал. — Хочу сказать только одно, капитан, там на Кэймане у меня остались родители. Нельзя ли мне до начала нашего дела застраховать жизнь?

Бонд с волнением взглянул ему в глаза. Складка между бровями Куоррела выдавала, насколько тот был встревожен.

— Ну, конечно, Куоррел. Завтра, в Порт Моргане, мы все уладим. Ты сможешь застраховаться на крупную сумму, скажем, на пять тысяч фунтов стерлингов. А теперь скажи, как мы сможем добраться до острова? На пироге?

— Думаю, что да. — Куоррел не мог справиться со своим голосом. — Нам необходимо выбрать момент, когда море будет спокойное, но чтобы был небольшой ветер, а ночь темная. Это будет то, что надо. В конце этой недели наступит второе новолуние. В каком месте вы хотите причалить?

— У южного берега, около устья реки. Затем мы поднимемся по ней до озера. Я уверен, что лагерь охраны располагался именно там, около пресной воды, а по реке они могли спускаться к морю, чтобы ловить рыбу.

— А сколько времени мы там пробудем, капитан? — Без особого энтузиазма спросил Куоррел. — Мы ведь не сможем взять с собой много провизии: хлеб, сыр, солонину. Никакого курева, дым может выдать нас. Это проклятое место, капитан. Кругом одни болота, мангровые заросли.

— Лучше рассчитывать дня на три, — ответил Бонд. — Погода может испортиться, и нам придется задержаться там на пару дней. Да, возьми ножи. У меня будет пистолет.

— Это точно, — выразительно заключил Куоррел и впал в глубокомысленное молчание, которое продлилось до самого городка Порт Марья.

Они въехали в поселок, пересекли мыс и направились к Порт Моргану. Бонд помнил эти места: остров Сорпреса, видневшийся за плавным изгибом берега моря, пироги, лежащие на берегу рядом с кучами ракушек, далекий рев волн, бьющихся о рифы, чуть не ставшие его могилой.

Наконец они подъехали к вилле. Куоррел вышел, чтобы отпереть ворота, Бонд проехал во двор и остановил машину позади дома. Вокруг все было спокойно. Бонд обошел двухэтажную виллу, пересек луг и оказался на берегу моря. Вон там из моря он выбрался на берег. Иногда эти кошмарные видения вставали в его памяти. Бонд долго смотрел на остров, вспоминая Солитэр, раненую и истекающую кровью девушку, которую он тогда спас. Что с ней стало? Где она сейчас? Бонд резко повернулся и направился к дому, отгоняя от себя эти воспоминания.

Было половина девятого. Бонд разобрал чемодан, надел легкие шорты и сандалии. Вскоре до него донесся вкусный запах кофе и жареной ветчины. За завтраком Бонд наметил распорядок дня: подъем в шесть часов, заплыв на полкилометра, завтрак, один час солнечных ванн, бег километра два, еще один заплыв, обед, послеобеденный сон, заплыв на два километра, горячая ванна, массаж, ужин и в девять сон.

После завтрака Бонд принялся за выполнение своей программы. Ничто не нарушало спокойного течения этой недели, если не считать короткой заметки в «Дэйли Глинер» и телеграммы, посланной Плейдел-Смитом. В «Глинер» сообщалось, что на шоссе Кингстон — Монтего разбился автомобиль марки «Санбим Тэлбот», номер Н.2473. Он столкнулся с выезжавшим из-за поворота грузовиком. Водитель грузовика разыскивается. Обе машины сошли с полотна дороги и упали в пропасть. Находящиеся в автомобиле люди, Бен Гиббонс, проживавший на Харбурт Стрит, и Хосиа Смит, адрес неизвестен, погибли. Просьба к мистеру Бонду, взявшему напрокат эту машину, явиться в полицию.

Чтобы не волновать Куоррела, Бонд сжег этот номер «Глинер».

За день до окончания программы подготовки пришла телеграмма от Плейдел-Смита. В ней говорилось:

КАЖДОМ ЭКЗЕМПЛЯРЕ ЦИАНИСТЫЙ КАЛИЙ
СПОСОБНЫЙ УБИТЬ ЛОШАДЬ ТЧК СОВЕТУЮ
СМЕНИТЬ ПРОДАВЦА ФРУКТОВ ТЧК ЖЕЛАЮ
УСПЕХА

СМИТ

Телеграмму Бонд также сжег.

Куоррел нанял каноэ, и они испытывали его три дня. Оно было грубо вырублено из целого ствола дерева. Там было два сиденья, два весла и небольшой грязный парус.

— Часов через семь-восемь пути, капитан, — объяснил Куоррел, — мы спустим парус и возьмемся за весла. Так больше шансов, что радар нас не засечет.

Стояла хорошая погода. Метеорологические сводки, передававшиеся по радио, обнадеживали. Ночи стояли темные, хоть глаз выколи. Вдвоем, Бонд и Куоррел, съездили за продуктами, оформили страховку. Бонд купил себе также черные полотняные брюки, темно-синюю рубашку и веревочные туфли.

Бонд был счастлив, что можно уже начать действовать.

Солнце село. Стемнело.

Бонд вошел в свою комнату, достал пистолет и револьвер и принялся их разглядывать. Ни один из них не нравился ему так, как «Беретта», ставшая как бы продолжением его руки, но он знал, что это оружие лучше, и выбрал «Смит энд Вессон». Он потяжелее. Но на Крэб Кэй не придется, вероятно, стрелять с близкого расстояния, если вообще придется стрелять.

Бонд достал из холодильника бутылку виски, лед и содовую воду и вышел в сад, чтобы спокойно провести остаток уже ушедшего дня.

Выползшая из-за дома тень надвинулась на лужайку и поглотила ее. Ночной ветер дул со стороны острова и раскачивал пальмы.

— Пора, капитан, — сказал подошедший с берега Куоррел.

Бонд допил виски и последовал за своим спутником к качающемуся на тихих волнах каноэ, нос которого упи-

рался в песок. Куоррел перешел на корму, а Бонд занял место впереди, между носом каноэ и сиденьем. За его спиной был привязанный к невысокой мачте парус. Бонд взял весло и оттолкнул каноэ от берега. Лодка медленно поплыла в сторону коралловых рифов. Они гребли дружно и размеренно. Слышался лишь плеск воды, бьющейся о борта лодки. Все было тихо. Стояла кромешная тьма. Никто не видел, как они отплыли.

Бонд должен был только грести, а Куоррел управлял еще и рулем. У скалы образовался глубокий водоворот. Несколько раз весло Бонда наткнулось на риф, и он вынужден был схватиться за сиденье в тот момент, когда каноэ напоролось на подводный риф. Наконец они прошли этот участок пути. Вода была совершенно неподвижна.

— О'кей, капитан, — прошептал Куоррел. Бонд втянул весло в лодку и прислонился спиной к мачте. Он услышал, как Куоррел распустил парус и как тот с шумом наполнился ветром. Лодка дрогнула и поплыла. Волны тихо плескались о борта. Брызги воды упали на лицо Бонда. Ветер был свеж, вскоре могло совсем похолодать. Бонд сидел, обхватив руками колени. Он с трудом различал горизонт, над которым поднимался легкий туман. Потом появились звезды. Сначала их было немного, но затем — столько, что они слились со светящейся лентой Млечного Пути. Бонд оглянулся. Позади сгорбленной фигуры Куоррела, вдали различались огни Порт Марии. Пожалуй, лодка уже в двух милях от берега. Скоро они пройдут десятую часть пути, четверть, половину. В полночь Бонд сменит Куоррела. Он вздохнул, положил голову на колени и закрыл глаза.

Удар весла о борт лодки разбудил Бонда. Он поднял руку в знак того, что проснулся, и посмотрел на светящийся циферблат часов. Четверть первого. Он выпрямил затекшие ноги и перелез через сиденье.

— Извини меня, Куоррел, — пробормотал он. — Мне надо было бы раньше проснуться.

— Ничего страшного, капитан, — ответил Куоррел. — Вам нужно было выспаться.

Осторожно они поменялись местами. Бонд сел к рулю и взялся за весло. Веревка от паруса была закреплена рядом. Он направил лодку по ветру. Вот и у него появилось какое-то занятие.

Ночь была спокойна. Только стала еще темней и безжизненней. Море, казалось, дремало, дыша медлен-

но и глубоко. Лодка прокладывала яркую дорожку, с весел стекали светящиеся капли воды.

Бонд пытался представить себе, что происходит в глубине под лодкой: большие рыбы, акулы, медлительные барракуды, стайки скумбрии, а там, совсем глубоко, в сером мраке желеобразные светящиеся существа, которых никто никогда не видел. Что произойдет, если волна вдруг накроет лодку и перевернет ее? Сколько времени они сумеют продержаться? Бонд напрягся, отгоняя от себя эти мысли.

Час ночи, два, три, четыре. Куоррел проснулся и, потянувшись, тихим голосом сказал:

— Я чувствую запах земли, капитан.

Немного погодя, когда темнота слегка рассеялась, на горизонте стали медленно вырисовываться низкие контуры острова. Показалась бледная луна. Остров теперь был виден совершенно отчетливо. Еще две мили, и послышится шум прибоя.

Они вновь поменялись местами. Куоррел убрал парус, и они взялись за весла. Бонд подумал, что целую милю они могут еще плыть незамеченными. Среди волн даже радар не сможет их обнаружить. Но на последнем этапе им надо будет поработать, да и рассвет уже скоро.

Теперь и он почувствовал запах земли. Обычный запах. Только непривычный после долгих часов, проведенных в открытом море. Бонд различал уже белую пену прибоя.

— Вперед, капитан, — прибодрил его Куоррел, и Бонд, обливаясь потом, принялся грести сильнее и энергичнее. Господи, ну и работа!

Лодка, которая так быстро шла под парусом, теперь, казалось, еле двигалась. Бонд почувствовал, как заныли и стали гореть его плечи. Руки впились в весло, ставшее вдруг невероятно тяжелым.

Хотя в это и не верилось, но они все-таки приближались к острову. Шум прибоя теперь перерос в грохот. Они двигались вдоль берега, подыскивая место, где можно было бы причалить. Вскоре они различили мерцание впадающего в море потока. Река! Значит, они нашли то самое место, которое им было нужно. Волны стихли. Лодка вышла на ровную, спокойную воду, туда, где волны омывали едва заметные коралловые рифы. Бонд с Куоррелом преодолели и это препятствие и добрались до берега.

Куоррел провел лодку под скалистым мысом, который замыкал пляж. Бонд спрашивал себя, почему пляж все время оставался темным и не отражал бледный свет луны. Когда он сошел на берег, то ему стало все ясно. Пляж был черного цвета. Песок на ощупь оказался мелким и мягким. Скорее всего он был вулканического происхождения.

Они спешили. Куоррел вытащил из лодки три крупных бамбуковых ствола и положил их на песок, чтобы по ним волоком перетащить ее. Через каждый метр Бонд переносил палку, оказывавшуюся позади лодки, вперед. Постепенно им удалось оттащить каноэ к густым зарослям кустарника. Затем они замаскировали его, завалив сухими водорослями и деревяшками, выброшенными на берег морским прибоем. В завершение всего, Куоррел замел все следы сорванными ветками.

Было еще темно. Но пройдет немного времени, и серый туман на востоке окрасится в перламутровые цвета. Пять часов. Оба выбились из сил. Они обменялись несколькими словами. Куоррел исчез в скалах на мысу, а Бонд выбрал себе небольшое углубление на сухом сыпучем песке. Ему попало несколько раков-отшельников, которых он отбросил как можно дальше за кусты. Потом, не обращая внимания на других мелких насекомых, привлеченных запахом и теплом его тела, он мгновенно заснул.

8. ПРЕКРАСНАЯ ВЕНЕРА

Бонд проснулся не сразу. Увидев песок, он вспомнил, где находится. Часы показывали десять. Солнце, проникшее сквозь густую листву кустарника, окружавшего его, уже припекало. Вдруг чья-то тень скользнула перед ним. Куоррел? Бонд привстал из травы, заслоняющей от него пляж, и оцепенел. Сердце его на секунду остановилось и вновь забилось с такой силой, что ему пришлось сделать глубокий вдох, чтобы успокоиться. Он прищурился.

Перед ним, повернувшись спиной, стояла нагая девушка. Точнее, не совсем нагая. Ее бедра закрывал широкий кожаный пояс, на котором висел большой нож. Этот пояс делал ее наготу еще соблазнительней.

У нее была прекрасная фигура, загорелая кожа с легким шелковистым блеском. Мягкий изгиб красиво очерченного позвоночника выдавал мышцы, несколько

более сильные, чем должны быть у женщины. У нее были упругие и крепкие, как у мальчика, мышцы. Восхитительные прямые ноги и ступня слегка приподнятой левой ноги были ровного, без розоватого оттенка, цвета. Девушка не была цветной.

Светло-пепельные волосы, длиной до плеч, падали по щекам мокрыми завитками. На голове у девушки была маска для подводного плавания, ремешок от которой собирал на затылке волосы.

Эта сцена — пустынный пляж, изумрудно-голубое море, обнаженная девушка со светлыми волосами — напомнили что-то Бонду. Он попытался вспомнить. Ну, конечно, Венеру Боттичелли, со спины.

Как она сюда попала? Что делает здесь? Бонд оглядел пляж. Он был уже не черного, а темно-коричневого цвета. Справа, в пятистах метрах от себя, он заметил устье реки. Пляж был пуст и безлюден, только то здесь, то там на темном песке валялось что-то розовое. Их было очень много. «Это раковины», — подумал Бонд. Он посмотрел налево: метрах в двадцати от него, на невысоком мысу поднимались скалы. Возле них проходила борозда, оставленная спрятанной между скал лодкой. Лодка была наверняка легкой, иначе девушка не смогла бы справиться с ней одна.

Девушка напевала. Это была любимая песня Бонда «Марион», сейчас уже забытая, но в свое время весьма популярная. Бонд улыбнулся про себя, облизнул губы и начал насвистывать припев.

Девушка резко опустила руки, скрестив их на груди. Мышцы ее напряглись. Она прислушалась, повернув голову. Ее лицо было скрыто вьющимися волосами.

Затем вновь она осторожно начала насвистывать. Звуки вибрировали и затихали. Как только Бонд опять начал вторить ей, она резко повернулась, даже не пытаясь скрыть свою наготу классическим жестом стыдливости. Одну руку она опустила, а другой, вместо того, чтобы прикрыть грудь, заслонила лицо, оставив открытыми лишь увеличившиеся от страха глаза.

— Кто там? — прошептала она с ужасом.

Бонд поднялся и вышел из-за кустов. Остановившись, он вытянул руки, чтобы показать, что в них ничего нет.

— Это всего лишь я, еще один нарушитель границы. Не бойтесь, — улыбнувшись весело, сказал он.

Девушка положила руку на висящий у пояса нож. Бонд посмотрел на пальцы, сжимающие рукоятку, за-

тем перевел взгляд на ее лицо. Ему стало ясно, почему она его закрывала. Это было очень красивое лицо — огромные голубые глаза под слегка выгоревшими ресницами, благородно очерченный рот, если бы губы ее не были так напряженно сжаты, то они выглядели бы полными и нежными. Бонд вздрогнул, когда представил себе, что могло произойти с этой красивой девушкой: ее нос был перебит и приплюснут, как у боксера. Не удивительно, что она стыдилась этого больше, чем оставшейся открытой его взгляду своей прекрасной, полной и крепкой груди.

— Кто вы такой? Что вы делаете здесь? — спросила, глядя на него гордо. У нее был легкий ямайский акцент. Голос звучал решительно и властно.

— Я англичанин, на этом острове я изучаю птиц.

— Да? — в ее голосе слышалось сомнение. Рука все еще сжимала рукоятку ножа. — Сколько времени вы наблюдаете за мной? Как вы добрались сюда?

— Минут десять, но я не буду больше отвечать на ваши вопросы, пока вы сами не скажете мне, кто вы.

— Просто человек. Живу на Ямайке. Собираю здесь раковины.

— Я добрался сюда на лодке, а вы?

— Я тоже. А где ваша?

— Я приплыл вместе с другом, и мы спрятали ее в кустах.

— А следов на песке не осталось?

— Мы люди осторожные, следов не оставляем. А вот вы нет, — и Бонд указал на скалы. — Вам следует быть повнимательней. Вы шли под парусом до самых скал?

— Конечно. Почему бы нет? Я всегда так делаю.

— Тогда они должны знать, что вы здесь. У них есть радар.

— Пока еще им не удалось поймать меня! — Девушка убрала руку с ножа, сняла маску и, держа ее за ремешок, стала слегка раскачивать. — Как вас зовут? — спросила она уже менее агрессивным тоном.

— Бонд. Джеймс Бонд. А вас?

Девушка на секунду задумалась.

— Райдер.

— Райдер, а дальше?

— Ханичайл.

Бонд улыбнулся.

— Что здесь смешного?

— Ничего. Ханичайл Райдер. Красивое имя.

Она успокоилась.

— Обычно меня зовут Хани.

— Отлично. Рад был познакомиться с вами.

Эта официальная фраза, возможно, напомнила ей, в каком она была виде. Она покраснела.

— Я пойду оденусь, — прошептала она неуверенно. Взгляд ее упал на разбросанные у ног раковины. Было ясно, что она хотела подобрать их, но, вероятно, понимала, что каждое движение делает ее туалет еще более прозрачным.

— Не трогайте их, пока я не вернусь, — сказала она властно.

— Не беспокойтесь, я буду их охранять, — улыбнулся в ответ Бонд. Девушка посмотрела на него с сомнением. Повернувшись, она решительно направилась к скалам и скрылась за ними.

Бонд сделал несколько шагов, потом наклонился и поднял ракушку. Она была еще живая, створки крепко сжаты. Пожалуй, это обычная ракушка с глубокими прожилками цвета мальвы. Он осторожно положил ее на место рядом с другими. В самом ли деле она их собирала? Приплыть сюда на лодке, в одиночку, а потом еще и дорога назад. К тому же она, казалось, знала, что места здесь очень опасные. «Пока еще им не удалось поймать меня». Удивительная девушка! Ее волевые манеры и агрессивность делали ее только привлекательней. А как она была готова выхватить нож, чтобы защитить себя! Она была похожа на волчицу, почуявшую опасность для своих детенышей. Что-то в ней есть от брошенного зверька, которого некому приласкать. Кто же она?

Бонд услышал шаги по песку. Он оглянулся и увидел, что она была одета почти в лохмотья: выцветшая коричневая рубашка с порванными рукавами, легкая юбка, доходившая до колен, была перетянута на талии ремнем с ножнами. На ее плече висела холщовая сумка. Казалось, что она была одета как для маскарада.

Она подошла к нему и сразу же принялась собирать в рюкзак ракушки.

— Они, что, редкие? — спросил Бонд.

Девушка подняла на него глаза, всматриваясь внимательно в его лицо, и сказала:

— Обещайте, что никому не скажете? Ладно? Клянитесь?

— Обещаю, — подтвердил Бонд.

— Ну, ладно. Да, редкие. Редчайшие. За хорошую раковину дают пять долларов в Майами. Это моя работа. Эти ракушки называются Венус элганс. — Ее глаза блеснули. — Сегодня утром я нашла то, что искала, их там тьма, — и она махнула рукой в сторону моря. — Но вам их не достать, — добавила она с некоторой осторожностью в голосе. — Они очень глубоко, и найти их трудно. Я не думаю, что вы сможете спуститься на такую глубину. А сегодня, так или иначе, я их все соберу, а вам останутся самые неинтересные экземпляры.

— Обещаю вам, что я их красть не стану, — засмеялся Бонд. — Я же совершенно не разбираюсь в них. Клянусь!

Девушка подобрала ракушки и встала.

— Вы сказали, что занимаетесь птицами. Что это за птицы? Они ценные? И я никому не скажу, если вы попросите меня об этом. Ведь я собираю только ракушки.

— Это розовый аист, — объяснил Бонд, — вид розовой цапли с плоским клювом. Вы когда-нибудь их видели?

— Ах, эти, — ответила девушка с разочарованием в голосе. — Раньше здесь их были тысячи, но сейчас мало осталось, их всех распугали. — Она уселась на песок, гордая своими познаниями, и почти уверенная в том, что ей нечего опасаться своего собеседника.

Бонд устроился в метре от нее.

— Правда? А как это случилось? Кто это сделал?

— Люди, которые живут здесь, — пожала она плечами. — Я не знаю, кто они. Тут есть один китаец, он не любит птиц. У него есть дракон, который пожег их гнезда. Раньше здесь жили два человека, которые охраняли птиц, но потом то ли они тоже испугались и уехали, то ли их убили, то ли что-то в этом роде.

Казалось, что то, о чем она рассказывала, было для нее совершенно нормальным. Она излагала эти факты с безразличным видом, вглядываясь в море.

— А что это за дракон, — спросил Бонд. — Вы его видели?

— Да, один раз, — она сощурила глаза и состроила гримасу, как бы проглатывая горькое лекарство. Потом посмотрела прямо в лицо Бонду, чтобы он мог лучше понять ее ощущения. — Вот уже почти год, как я приезжаю сюда собирать раковины, — она указала на

пляж. — А вот эти я обнаружила всего где-то месяц назад. В мой последний приезд сюда, хотя и раньше я находила здесь много других ценных экземпляров. Незадолго до Рождества я решила исследовать реку и поднялась по ней до того места, где раньше жили сторожа. Там было все разрушено. Возвращаться было уже поздно, и я решила там заночевать. Около полуночи я проснулась. Метрах в десяти от себя я увидела дракона. У него были огромные горящие глаза, что-то вроде коротких крыльев и заостренный хвост. Он был черный с золотом. — Заметив выражение лица Бонда, она нахмурилась и продолжала. — Стояла полная луна, и я хорошо его разглядела. Он прошел совсем рядом, и я слышала его рычание. Затем он направился к болоту, перед которым растет очень густой кустарник, и без труда перебрался через него. Впереди него вылетела стая птиц, но вдруг из его пасти вырвалось пламя. Сгорело много птиц и все деревья, на которых они гнездились. Это было ужасно. Ничего страшнее в своей жизни я не видела.

Девушка заглянула в глаза Бонда. Потом вновь с упрямым выражением лица стала смотреть на волны.

— Вы не верите мне? — спросила она раздраженным, натянутым голосом. — Вы городской и поэтому ничему не верите. Уф! — она с возмущением подернула плечами.

— Хани, — попытался успокоить ее Бонд, — дело в том, что на свете нет драконов. Вы видели что-то, что очень похоже на дракона. Вот я и думаю, чтобы это могло быть?

— Откуда вы знаете, что их нет на свете? — Похоже, что сейчас она рассердилась не на шутку. — С этой стороны острова никто не живет, и дракон мог вполне здесь выжить. Да и что вы понимаете в животных? Я с детства жила среди змей и других тварей. Одна. Видели ли вы когда-нибудь, как самка мантиса пожирает самца после спаривания? А танец мангусты вы видели? А танец осьминога? Вы знаете, какой длины язык у колибри? У вас была когда-нибудь в доме змея, которая на шее носила бы колокольчик и звонила, чтобы вас разбудить? Приходилось ли вам наблюдать за скорпионом, которого хватил солнечный удар, когда он сам убивает себя своим жалом? А ковер из цветов, раскрывающихся ночью на морском дне? А знаете ли вы, что кондор на огромном расстоянии может почувствовать запах мерт-

вой ящерицы? — Девушка замолчала и, не переводя дыхания, добавила. — О, вы из города, вы, как все другие.

— Послушайте, Хани, — сказал Бонд, — вы знаете много интересного, и не моя вина, что я живу в городе. Мне тоже хотелось бы знать все то, что знаете вы. Но у меня другая жизнь, и я знаю другие вещи, как, например, — Бонд порылся в памяти, но не смог вспомнить ничего, чтобы заслуживало какого-то внимания; тогда он тихонько закончил, — как, например то, что этот китаец намного серьезней заинтересуется теперешним вашим визитом сюда, чем в прошлые разы. И постарается сделать все возможное, чтобы помешать вам уйти отсюда. — Бонд немного помолчал и потом добавил. — Да и мне тоже, если уж говорить честно.

Она обернулась и с интересом взглянула на него.

— Ого! А почему? А в общем это не имеет значения. Надо укрыться днем, ну а отплыть можно ночью. Однажды он пустил собак по моему следу, а в другой раз — самолет. И, однако, ему до сих пор не удалось схватить меня. — Она снова с любопытством взглянула на Бонда. — А, может быть, это он вас хочет накрыть?

— Ну, вообще-то, да, — согласился Бонд. — Боюсь, что да. Видите ли, мы спустили парус за несколько миль от берега, чтобы его радар не смог нас засечь. Думаю, что этот китаец ждет моего появления. Он наверняка засек вашу лодку и, я готов поспорить на что угодно, убежден, что это лодка моя. Будет лучше, если я разбужу моего друга, и потом мы все обсудим. Он вам наверняка понравится. Он с Кайманских островов, зовут его Куоррел.

— Гм... мне жаль... — девушка умолкла, не закончив фразы. Ведь человеку, готовому защищаться, очень трудно пересилить себя, чтобы извиниться. — Ну, а потом я не могла этого всего знать, не так ли?

Бонд улыбнулся.

— Само собой, что не могли... — успокоил он ее. — Это просто везение... и для вас тоже. Мне кажется, что китайцу мало дела до какой-то там девушки, приплывшей собирать ракушки. Будьте уверены, что они осмотрели все ваши следы и нашли еще и вот это, — он указал на разбросанные по пляжу раковины. — Но боюсь, что в отношении меня у него другие соображения. Он сделает все, чтобы устроить на меня настоящую охоту, используя все возможные средства. Но я только одного боюсь, чтобы он не схватил и вас, — закончил Бонд и,

желая подбодрить ее, улыбнулся. — Послушаем, что скажет Куоррел.

Бонд поднялся и, оглядываясь по сторонам, направился к мысу. Куоррел укрылся на совесть. Бонду потребовалось добрых пять минут, чтобы найти его. Куоррел лежал в ложбинке, густо поросшей травой, между двух валунов, почти полностью укрывшись за стволом дерева. Положив руку под голову, он все еще глубоко спал. Бонд тихонечко свистнул и улыбнулся, глядя на мгновенно распахнувшиеся, как у зверя, глаза Куоррела.

Куоррел встал. Он был похож на человека, чувствующего за собой вину. Руками растер лицо, как при умывании.

— Добрый день, капитан. Я, кажется, здорово дрых, а во сне видел ту китаяночку.

— А я нашел нечто совсем в ином духе, — сказал, улыбаясь, Бонд, и рассказал Куоррелу о Ханичайл Райдер, о раковинах и о той тяжелой ситуации, в которую они попали. — Сейчас уже одиннадцать, — заключил он, — а ведь мы должны придумать новый план.

Куоррел почесал затылок, глядя исподлобья на Бонда.

— Думаете отвязаться от этой девчонки? — с надеждой спросил он. — Ведь в сущности у нас нет ничего общего.

Внезапно он умолк. Повернул голову и замер, как собака в стойке. Рукой он сделал знак замолчать. Слух его был напряжен.

Бонд затаил дыхание. Вдали, где-то на востоке, слышалось едва уловимое жужжание.

— Скорее, капитан, — воскликнул Куоррел, вскочив на ноги, — Это они.

9. КРУГ СУЖАЕТСЯ

Десять минут спустя ложбина была пуста, и на ней не осталось никаких следов. Небольшие волны ласкали коричневый песок. Горка забракованных Хани раковин исчезла, как исчезли и все остальные следы. Лодка, принадлежавшая девушке, была перенесена подальше в скалы и укрыта водорослями, выброшенными на берег.

Куоррел направился к мысу. Бонд с девушкой растянулись в метре друг от друга, укрывшись за тем же

кустарником, который охранял сон Бонда, и молча наблюдали за мысом, из-за которого должно было появиться судно.

Оно находилось в полукилометре от них. По тому, как медленно работали оба мотора, Бонд догадался, что люди осматривают каждый уголок побережья. По шуму моторов можно было предположить, что это довольно крупное судно. Может, яхта? Кто же там на борту? Кто правит ею? Сам доктор? Едва ли. Он не станет заниматься таким «мелким» делом. На западе Бонд заметил низко летящую стайку чаек и проводил ее взглядом. Это были первые птицы, которых они увидели на острове. Потом появились стаи бакланов и других птиц.

Шум мотора усиливался. Должно быть, судно находилось как раз за мысом. Бонд внимательно следил за скалами.

Сначала он увидел белый нос катера, потом блестящую, чистую палубу метров десять длиной, с низкой кабиной, на которой были укреплены сирена и радио-антенна. Бонд различил силуэт человека, стоящего у штурвала. Может, это переоборудованный торпедный катер?

На корме стояли двое мужчин. Это были негры, правда, кожа у них была светлее обычного. На них были брюки и рубашки цвета хаки, портупеи и соломенные фуражки с очень длинными козырьками. Один держал в руке мегафон, другой заряжал укрепленный на треножнике пулемет.

Опустив мегафон, висевший у него на шее, первый взял бинокль и принялся метр за метром исследовать берег. До Бонда долетели звуки его голоса, сливающиеся с шумом мотора.

Стекла бинокля скользнули по мысу, потом перешли на пляж, задержавшись на скалах, продвинулись дальше. Затем повернули назад. Голос человека с мегафоном стал слышнее. Он передал бинокль стоящему у пулемета, тот на минуту поднес бинокль к глазам, затем вернул его. Тогда первый крикнул что-то рулевому. Судно остановилось и повернуло назад. Теперь оно точно находилось напротив Бонда и девушки. Человек с мегафоном вновь стал рассматривать в бинокль скалы, где была укрыта пирога Хани. Еще раз до Бонда донеслись возбужденные голоса, и еще раз человек, стоящий у пулемета, взглянул в бинокль. Потом утвердительно кивнул.

«Так, — подумал Бонд, — эти типы свое дело знают». Он видел, как они наводят пулемет.

Тот, кто вел наблюдение, поднес ко рту мегафон, и в бухте гулко зазвучал его голос.

— Эй, вы, там! Выходите, мы ничего вам не сделаем!

У него был довольно правильный выговор, хотя и с небольшим американским акцентом.

— Ну, давайте, поторапливайтесь, — гремел голос, — мы видели, где вы высадились, и лодку вашу мы обнаружили, вы завалили ее ветками. Мы не дураки и шутить не будем. Не бойтесь. Выходите, руки над головой. С вами ничего не случится.

Тишина. У берега бесшумно плескались волны. Бонд слышал, как дышит Хани.

Он медленно протянул руку и тронул ее за рукав.

— Подвинься ближе ко мне, — прошептал он, — сократим для них цель. — Он почувствовал рядом с собой тепло ее тела. Локоть Хани касался его руки. — Попробуй зарыться поглубже в песок, — шепотом сказал он. — Сейчас каждый сантиметр важен.

Он начал осторожно шевелиться, стараясь уйти как можно глубже в песок в укрывшей их низине. Бонд чувствовал, что и девушка старается сделать то же самое. Теперь их глаза были почти в уровень с пляжем.

Человек с мегафоном вновь заговорил. Опять загрохотал его голос.

— Ну, хорошо! Придется показать вам, что эта штука не для декорации. — Он подал знак. Стоящий у пулемета негр взял на прицел верхушки кустов, растущих за пляжем. Раздался раскатистый треск. Бонд вспомнил, что нечто похожее он слышал в последний раз, когда его обстреливали из немецких траншей под Арденнами. Потом все стихло.

Вдалеке Бонд увидел черную стаю поднявшихся в воздух птиц, которые принялись кружить над водой. Затем он перевел взгляд на человека у пулемета. Тот провел рукой по стволу, проверяя, не нагрелся ли он. Оба негра перекинулись несколькими словами, затем тот, кто был с мегафоном, заговорил вновь.

— Видите, мы предупредили вас. А теперь угостим по-настоящему.

Бонд заметил, как дрогнул и начал опускаться ствол пулемета. Вероятно, они начнут со спрятанной в скалах лодки.

— Хани, — прошептал он, — держись. — Не высовывайся. Это не надолго. — Он почувствовал, как ее ладонь сжала его руку. «Бедная малышка, — подумал Бонд, — и надо было ей из-за меня попасть в такую передрагу». Бонд сдвинулся немного правее, заслонил ей голову и прижал к песку.

На этот раз пулеметная атака оказалась намного страшнее. Пули, свистя, ударялись о скалы, осколки камней с шипеньем разлетались по пляжу. И весь этот свист и шипенье покрывал непрерывный треск пулеметной очереди.

Наступила пауза. «Еще раз перезаряжают, — решил Бонд. — Теперь надо держаться». Он почувствовал, что девушка прижалась к нему плотнее. Ее била дрожь. Бонд вытянул руку и придвинул Хани к себе.

Пулеметный шквал возобновился. Пули со свистом летели в сторону пляжа. Над ними раздалась глухая очередь. Кустарник, под которым они спрятались, исчезал на глазах. На них летели листья и ветки, погребая их под собой. По тому, что воздух над ними стал свежее, Бонд догадался, что они оказались на открытом пространстве. Достаточно ли они скрыты листвой и ветками? Пулеметная очередь переместилась вдоль берега. Потом грохот прекратился.

Девушка тихонько постанывала. Бонд сжал ее еще крепче. Вновь из мегафона послышался голос.

— Эй, вы, слушайте, если у вас есть еще чем слушать, мы скоро вернемся подобрать то, что от вас осталось, и приведем с собой собак. Ну, пока!

Мотор ускорил обороты, и Бонд различил, как катер пошел в западном направлении. Все затихло.

Осторожно Бонд поднял голову. Море было спокойно, пляж пуст. Все было, как и прежде, если не считать, что остро и терпко пахло порохом и опаленными камнями. Бонд помог девушке подняться. Ее ошеломленное лицо было все в слезах.

— Как это все ужасно. Зачем они делали это? Они же могли убить нас.

— Все хорошо, Хани, — ответил он ей. — Это дурные люди, и они нас боятся. Мы сможем поставить их на место. — Бонд обнял ее за плечи. — А ты была великолепно. Ты очень смелая. А теперь пойдем за Куоррелом, надо будет решать, что же делать дальше. Потом пора уже что-нибудь и поесть. Что ты обычно ешь, когда бываешь здесь?

Они пошли по пляжу в сторону мыса. Через минуту девушка смогла ответить ему уже окрепшим голосом.

— О, здесь есть масса пищи. Прежде всего это морские ежи. Потом бананы. Но я до того, как сюда приплыть, отсыпаюсь и отъедаюсь на два дня. Мне ничего не нужно.

Бонд покровительственным жестом привлек ее к себе, но заметив выбирающегося из-за скал Куоррела, опустил руку. Тот, остановившись, смотрел вниз. Бонд с девушкой подошли к нему. Лодка Хани была разрезана пулеметной очередью почти надвое. Девушка в отчаянии вскрикнула.

— Моя лодка! Как же я смогу вернуться?

— Не беспокойтесь, — Куоррел с большим сочувствием, чем Бонд, отнесся к потере лодки. Он предполагал, что для Хани это была самая большая ценность.

— Капитан достанет вам другую. А потом вы можете вернуться вместе с нами. У нас очень большая лодка. Она там, в кустарнике, с ней ничего не случилось, я уже проверил. — Куоррел взглянул на Бонда, теперь его лицо выражало озабоченность. — Капитан, послушайте, что я хочу сказать вам по поводу этих людей. Они шутить не будут. Да и собаки. Кажется, они называются доберманы. Мне говорили, что их около двадцати, а то и больше. Будет лучше, если мы поскорее составим план действий.

— Хорошо, Куоррел, но сначала надо перекусить. Им не удастся выжить меня отсюда раньше, чем я разведаяю все как следует. Хани пойдет с нами. — Он повернулся к девушке. — Ты согласна, Хани? С нами ты будешь в безопасности. Потом мы все вместе вернемся домой.

Та взглянула на него с сомнением.

— Мне кажется, что выбора у меня нет. То есть я очень хотела бы вернуться вместе с вами. А есть я действительно не хочу. Вы потом довезете меня домой, как можно быстрее, правда? Я больше не хочу видеть этих людей. А сколько времени вы будете наблюдать за птицами?

— Недолго, — уклончиво ответил Бонд. — Сначала мне необходимо выяснить, что произошло и почему, а уж потом мы будем возвращаться. — Он взглянул на часы. — Сейчас двенадцать. Ты подожди нас здесь, искупайся или займись еще чем-нибудь. Много не ходи,

чтобы не оставлять следов. Пойдем, Куоррел, надо лучше спрятать лодку.

Когда они закончили работу, был уже час дня. Бонд и Куоррел наполнили лодку камнями и песком и затопили ее в болотце между кустарниками. Потом уничтожили все следы. Пулеметные очереди так растрепали кусты за пляжем, что они шли по ковру, выстланному листьями и срезанными ветвями. Перекусив, они перебрались через большие камни и направились к устью реки в трехстах метрах от них.

Блеск моря и неба слепил глаза. Бонд был очень доволен, что заранее приучил свою кожу к солнечным лучам.

В устье реки они увидели песчаную отмель, а за ней глубокую яму, наполненную стоячей водой. Чтобы перебраться через нее, им надо было либо намочить одежду, либо снять ее. Бонд повернулся к девушке.

— Хани, в этой ситуации нам сложно долго сохранять приличия. Мы пойдем в одних рубашках, чтобы не обгореть. А ты иди за нами в чем хочешь.

Не дожидаясь от нее ответа, Бонд и Куоррел сняли брюки. Куоррел сложил их и убрал в вещевой мешок, где хранились продукты и револьвер Бонда. Затем они вошли в воду. Куоррел впереди, за ним Бонд и последняя Хани. Вода достигла пояса.

Лужа, сужаясь, превратилась в узкий канал, над которым переплетались ветви мангров. Некоторое время они шли по этому коридору, затем река стала шире и глубже, начала петлять. Дно было илистое.

Под тенью кустарника не было очень жарко, по крайней мере для Бонда, и он благодарил бога, что они идут в тени.

Вскоре, по мере того как они удалялись от моря, вода стала приобретать специфический запах, запах сероводорода, свойственный болотам. Появились комары и мошка.

Кустарник начал редеть, река постепенно расширяться. Уровень воды понизился, а дно стало тверже. Сделав поворот, они оказались на открытом пространстве.

— Надо быть осторожнее, — посоветовала Хани. — Им сейчас будет легко обнаружить нас. Река идет так около мили, потом сужается и так идет уже до самого озера. Там есть пещера, в ней-то и жили сторожа.

Они остановились в тени кустов, глядя на медленно текущую из глубины острова реку. Берега, поросшие

низким тростником, могли бы служить кратковременным прикрытием. На западной стороне возвышался холм, он шел сначала полого, потом резко уходил вверх. У его подножья Бонд различил несколько сборных домиков. Со стороны холма до поселка струилась серебристая линия. «По этому пути, — подумал Бонд, — спускались тележки с удобрениями до дробилки и сепаратора». Вершина холма была белая как снег. Бонд различал черных птиц на белом фоне. Они прилетали и улетали, как пчелы из улья.

— Итак, вот оно, царство доктора «НО». Ничего печальнее никогда не видел, — подумал Бонд.

Он посмотрел на землю, лежащую между рекой и холмом. Наверняка там должна быть дорога или тропинка, ведущая от холма к реке и болотам. Иначе было бы очень сложно пересечь остров. Бонд обратил внимание на то, что вся растительность сконцентрирована в основном на западе острова. Он попытался представить себе здешнюю жизнь: постоянно дующий ветер, разносящий запах болот и птичьего помета. Да, никакая каторга не могла бы сравниться с этим.

Размышления Бонда были прерваны голосом Куоррела.

— Вон они едут, капитан.

Бонд взглянул туда, куда указывал Куоррел. Со стороны поселка отъехал большой грузовик, поднимая густое облако пыли. В течение десяти минут Бонд наблюдал за машиной, пока она не скрылась за кустарником около реки. Он прислушался. Ветер донес лай собак.

— Они пойдут вниз по реке, капитан, — воскликнул Куоррел, — они понимают, что мы можем двигаться только по реке, если предположить, что мы уцелели. Разыскивая нас, они, конечно, дойдут до самого пляжа. Потом, вероятно, подойдет катер, чтобы забрать людей и собак. По крайней мере, я бы поступил именно так.

— Они так и делают, когда разыскивают меня, — заявила Хани. — Но достаточно лишь срезать бамбуковую трубочку и, когда они приблизятся, опуститься под воду. Через нее можно дышать до тех пор, пока они не уйдут.

Бонд улыбнулся Куоррелу.

— Отлично, иди-ка срежь бамбук, а я тем временем поищу место, где мы могли бы укрыться.

Куоррел в сомнении направился против течения в сторону зарослей бамбука. Бонд же вернулся под гу-

стую листву, стараясь не смотреть в сторону девушки.

— К чему все это? Глупо придавать значение подобным мелочам в нашей ситуации. Ты сам так говорил, — нетерпеливо воскликнула Хани.

Бонд повернулся и посмотрел на нее. Ее порвавшаяся в клочья рубашка касалась воды, и из-под лохмотьев были видны красивые длинные ноги. Она улыбалась. В ее лице с перебитым носом было что-то от животного.

Бонд бросил на нее долгий взгляд. Она поняла его. Вместе они пошли вниз по реке.

Бонд нашел то, что искал, это была небольшая стремнина, скрытая среди густого кустарника.

— Только бы не поломать кусты, — сказал он. Наклонившись, он проскользнул под ветвями. Эта ниша была длиной метров десять. Грязь на дне под их ногами стала глубже и жиже. Потом они наткнулись на глухую стену из корней, дальше двигаться было нельзя. Бонд остановился, и девушка подошла к нему.

— Похоже на игру в прятки, — прошептала она дрожащим голосом.

— Правда? — переспросил Бонд, думая в это время о своем револьвере. Он задавал себе вопрос, сможет ли он из него стрелять после того, как тот побывает в воде, и сколько собак и людей он сможет из него уложить в случае, если их обнаружат. Он почувствовал тревогу.

Куоррел был рядом.

Солнечный свет просачивался сквозь густую листву. Крабы слегка пощипывали их за ноги. Они молча ждали. Напряжение этого жаркого дня возрастало.

Когда раздался собачий лай, они испытали нечто вроде облегчения.

10. СЛЕДЫ ДРАКОНА

Преследователи быстро шли вниз по течению. Два человека в плавках и высоких резиновых сапогах с трудом поспевали за собаками. Это были здоровенные темнокожие китайцы, тела их блестели от пота, за плечами висели винтовки. Время от времени они обменивались выкриками и ругательствами, чаще ругательствами. Впереди них, возбужденно лая, расплескивали воду доберманы. Они напали на след и теперь шли по нему. Уши их настороженно торчали.

— Может, это какой-нибудь треклятый крокодил? — крикнул один из негров, стараясь перекрыть лай собак. В руке у него был короткий хлыст, которым он время от времени щелкал в воздухе.

Другой приблизился к нему:

— Нет. Я думаю, это тот англичанин. Держу пари, он спрятался в зарослях. Будь начеку. — Он перекинул винтовку, зажав ее под мышкой и положив руку на приклад.

Когда преследователи дошли до рукава, обнаруженного Бондом, один из негров схватил собак за ошейник и направил их в короткую протоку. Собаки быстро поплыли вперед, а он внимательно осмотрел мангровы с обеих сторон, ища какие-нибудь следы.

Человек и собаки добрались до небольшого пруда, которым заканчивалась протока. Хозяин разочарованно осмотрелся. Затем он вновь ухватил собак за ошейник и толкнул их к выходу из зарослей. Собаки не хотели уходить. Негр щелкнул хлыстом.

Его спутник оставался у входа в протоку. Первый вышел из нее, покачал головой, и они пошли дальше вниз по течению вслед за собаками, которые немного успокоились.

Постепенно шум погони стих вдалеке.

Еще минут пять поверхность пруда среди мангров оставалась незыблемой, затем на краю его, среди сплетения корней, медленно поднялся из воды, словно перескоп, тоненький стебель бамбука. За ним показалось лицо Бонда с прилипшими ко лбу волосами; правая рука его под водой сжимала револьвер. Он замер, прислушиваясь. Мертвая тишина, ни звука. Но что это? Что это за слабый шум на реке? Может быть, кто-то тихо идет вслед за преследователями? Бонд протянул руки и дотронулся до двух своих спутников, спрятавшихся среди корней пруда. Когда показались их головы, он поднес палец к губам. Слишком поздно. Куоррел закашлялся и сплюнул. Бонд сделал гримасу и, придав лицу напряженное выражение, указал в сторону реки. Все обратились в слух. Тишина была абсолютной. Затем вдруг опять послышался легкий шорох. Кто-то входил в протоку. Все трое вновь погрузились в воду.

Под водой Бонд лег головой на илистое дно, зажал себе ноздри левой рукой и сжал губами трубку. Он знал, что пруд уже обследовали. Он слышал, как сюда подплывали собаки, но тогда их не обнаружили. Удаст-

ся ли им ускользнуть и на этот раз? Теперь это было сложнее, ведь они подняли со дна грязь, которая замутила воду. А если преследователь увидит это темное пятно? Бонд решил не рисковать. При первом же движении поблизости он вскочит на ноги и откроет огонь, положась на удачу.

Он лежал неподвижно, но все его чувства были напряжены. Бонд оцепенел. Кто-то в резиновом сапоге наступил ему на ногу. Сапог соскользнул с нее. Может быть, тот принял ее за корень? Рисковать Бонд не мог. Он резко поднялся, выплевывая бамбук.

В один короткий миг он успел увидеть над собой мускулистое тело и опускающийся на него приклад винтовки. Он поднял левую руку, прикрывая голову, и почувствовал страшный удар. Одновременно он выбросил вперед правую и, когда ствол револьвера коснулся груди нападавшего, нажал на курок.

Отдача чуть не раздробила ему запястье, но тот рухнул навзничь, словно срубленное дерево. Бонд заметил широкую дыру у него в боку. На поверхности осталась только грязная пена и медленно растущее красное пятно.

Бонд вздрогнул и обернулся. Куоррел и девушка стояли за его спиной. Куоррел ухмылялся, а девушка, поднеся руку ко рту, с ужасом смотрела на кровавое пятно на воде.

— Мне очень жаль, Хани, — бросил Бонд. — Так было нужно. Он был прямо над нами.

Вокруг было опять пустынно. Бонд посмотрел на часы. Они стояли, стрелки показывали три часа. Он взглянул на солнце, переместившееся к западу. Было около четырех часов. Долго ли им еще идти? Внезапно он почувствовал усталость. Дело сделано. Даже если они не слышали выстрела, его хватятся, когда все остальные соберутся у устья реки, где их ждет катер, если догадка Куоррела верна. Пойдут ли они вверх по реке на поиски товарища? Скорее всего нет. Когда они убедятся в его исчезновении, уже стемнеет. На поиски они отправятся на следующее утро. Собаки вскоре обнаружат его труп. А потом?

Девушка потянула Бонда за рукав.

— Может, ты объяснишь мне, наконец, что все это значит? — сердито потребовала она. — Почему вы хотите перестрелять друг друга? Кто ты? Я не верю в эти сказки про птичек. Кто идет смотреть птиц, не берет с собой револьвер.

Бонд посмотрел в ее сердитые глаза. — Мне очень жаль, Хани. Боюсь, что ты попала в скверную историю. Я тебе все расскажу сегодня вечером, когда доберемся до лагеря. Влипнуть в это дело — настоящее несчастье для тебя. У меня не очень добрые отношения с этими ребятами. Похоже, они хотят убрать меня. Единственное, чего хочу я, — это попытаться любой ценой убрать с этого острова, не привлекая ничего внимания. Я уже собрал достаточно сведений и в следующий раз смогу вернуться сюда через парадный вход.

— Что ты хочешь этим сказать? Ты что, полицейский? Ты хочешь упрятать за решетку этого китайца.

— Вроде того. — Бонд улыбнулся ей. — По крайней мере, ты — на стороне хороших. Скажи-ка, лагерь очень далеко отсюда?

— Ну, около часа хода.

— А он хорошо укрыт? Нас там не смогут легко обнаружить?

— Для этого им нужно дойти до озера или подняться вверх по реке. Это надежное место, только если за вами не гонится дракон. Этот может и по воде идти. Я его видела.

— Да? — дипломатично отозвался Бонд. — Будем надеяться, что он прищемит себе хвост или что-нибудь еще.

Девушка фыркнула:

— Хорошо, господин Всезнайка, — бросила она. — Подожди и увидишь сам.

Куоррел вышел из зарослей с винтовкой в руке. — Еще один ствол нам не помешает, капитан, — сказал он, словно извиняясь. — Кажется, это нам может пригодиться.

Бонд взял винтовку. Это был карабин Ремингтона, состоящий на вооружении в американской армии. Несомненно, эти типы были хорошо оснащены. Он вернул оружие Куоррелу.

— Хитрые ребята, капитан, — отозвался тот. — Тот парень шел позади остальных, чтобы застукать нас, когда мы зашевелимся, после того как пройдут собаки. Этот доктор — парень не промах.

— Молодец, должно быть, — задумчиво согласился Бонд. — А теперь, пошли. Хани говорит, что до лагеря час ходу. Надо держаться левее, под прикрытием холма. Судя по всему, они могут просматривать реку в бинокли. — Бонд протянул револьвер Куоррелу, который

засунул его в мокрый рюкзак. Они тронулись в путь, впереди Куоррел, а за ним, бок о бок, Бонд и девушка.

Заросли кустарника и бамбука на левом высоком берегу слегка закрывали их от солнца, но зато они оказались открытыми резким порывам ветра. Глаза Бонда покраснели, невыносимо болела рука, разбитая прикладом. Его совсем не привлекал предстоящий ужин, состоящий из размокшего хлеба, сыра и солонины. Сколько им удастся поспать? В предыдущую ночь отдыхать ему пришлось недолго, в эту, похоже, будет то же самое. А девушка? Она вообще не спала. Ему с Куоррелом придется охранять ее. А наутро — снова долгий и изнурительный путь среди тропических зарослей к лодке. А затем — плыть всю следующую ночь. Такие вот планы. Бонд тащился вперед, вспоминая об «отпуске под солнцем», о котором говорил М. Он много бы дал, чтобы М. разделил его с ним.

Река постепенно сужалась, пока, наконец, не превратилась в ручеек, текущий среди тростника. Затем он расширился и перешел в плоское болотистое устье, за которым виднелось озеро, протянувшееся до другого конца острова. Еще дальше сверкала взлетная полоса, и яркий солнечный блик играл на крыше ангара. Девушка сказала, что надо повернуть на восток, и они медленно двинулись вперед, пробивая себе путь сквозь густую растительность.

Вдруг Куоррел остановился, уставившись на болотистый грунт прямо перед собой. В грязи виднелись две глубокие параллельные борозды, а между ними — третья, поменьше: тот, кто оставил эти следы, спустился с холмов и пересек болото по направлению к озеру.

— Здесь прошел дракон, — безразличным тоном сказала девушка.

Куоррел вытаращил на нее глаза.

Бонд медленно пошел по следу. Внешние борозды были довольно правильной формы, слегка зазубренные по краям. Они могли бы быть от колес, если бы не были такими широкими: по меньшей мере, сантиметров шестьдесят. Средняя борозда была такой же формы, но шириной только около десяти сантиметров, как шина автомобиля. Других следов рядом не было, а эти, похоже, были совсем свежими. Они шли прямо, и заросли, понавешенные на их пути, были раздавлены, будто по ним прошел танк.

Бонд не мог понять, что за машина, если это дейст-

вительно была машина, могла оставить такие следы. Когда девушка слегка толкнула его локтем и шепнула ему:

— Я тебе говорила, — он смог только ответить ей с задумчивым видом:

— Ну, Хани, если это не дракон, то во всяком случае то, чего я никогда не видел.

Немного погодя девушка потянула его за рукав. — Смотри, — шепнула она и указала на обгоревшую листву ранее густых зарослей, рядом с которыми проходил след. — Он на них дунул, — возбужденно пояснила она.

Бонд подошел к кустам и осмотрел их.

— Именно так, — согласился он. — Но зачем ему понадобилось сжечь именно эти кусты? Все это было очень странно.

Следы вели к озеру и исчезали в воде. Бонд хотел бы осмотреть их до конца, но не стоило ради этого выходить на открытое место.

Солнце медленно скрывалось за грядой холмов. Наконец, девушка указала на что-то впереди, и Бонд разглядел песчаную косу, вдававшуюся в озеро. Вдоль ее средней части тянулись густые заросли, а посредине, в сотне метров от берега, виднелась полуразрушенная хижина. Она казалась тихим местом, подходящим для ночлега, и была хорошо защищена водой с обеих сторон. Ветер утих, ровная гладь воды манила к себе. Так и хотелось сбросить с себя грязную одежду и помыться в озере после многих часов пути по болотной грязи.

Блеснув последним золотистым лучом, солнце опустилось за гору. Его лучи еще задержались на восточной оконечности острова, но черная тень холмов медленно продвигалась вдоль озера и вскоре накрыла собой весь остров. Лягушки начали свой концерт, звучащий здесь громче, чем на Ямайке, и вскоре перекрывший все звуки в густой тьме.

Они добрались до песчаной косы и по узкой тропинке вышли на площадку, где стояла полуразвалившаяся хижина. Те же самые широкие таинственные борозды выходили из воды и пересекали площадку, оставляя раздавленным все, что попадалось на пути. Многие кусты сгорели или обуглились. Они нашли остатки очага, сложенного из коралловых плит, вокруг которого были разбросаны котелки и пустые консервные банки. Они порылись в них, и Куоррел нашел пару банок ветчины с

бобами. Девушка обнаружила довольно грязный спальный мешок, а Бонд — небольшой кожаный бумажник, в котором было пять долларовых бумажек, три ямайских фунта и еще мелочь. Очевидно, те двое бежали поспешно, объятые ужасом.

Они отошли от хижины, двигаясь вдоль маленькой песчаной площадки. Сквозь заросли видны были огни, протянувшиеся по склонам горы и отражавшиеся в воде. К востоку тянулась только зеркальная водная гладь под темнеющим небом.

— Если не будем зажигать огонь, будем в безопасности. Перво-наперво надо вымыться. Хани, ты оставайся здесь, мы же отойдем подальше. Через полчаса встречаемся и ужинаем.

Девушка рассмеялась.

— Ты оденешься?

— Конечно, — ответил Бонд. — Брюки.

— Капитан, — сказал Куоррел, — пока еще хоть что-то видно, я открою банки и приготовлю ночлег. — Он пошарил в рюкзаке. — Вот вам ваши брюки и револьвер. Хлеб не бог весть какой, но он всего лишь намок. Его еще можно есть, а к завтрашнему утру он, наверное, подсохнет. Лучше давайте съедим сегодня консервы, а на завтра оставим сыр и солонину.

— Хорошо, Куоррел, — согласился Бонд. — Меню составь сам. — Взяв револьвер и брюки, он вошел в воду и сделал еще несколько шагов вперед по мелководью. Дойдя до сухой песчаной отмели, снял рубашку, вновь вошел в воду и лег на дно. Вода была неприятно теплой. Он потер себя песком вместо мыла. Затем застыл, наслаждаясь тишиной и одиночеством.

Стали появляться звезды, те самые звезды, что привели его на остров — казалось, с тех пор прошел уже целый год, — те самые, что будут светить ему завтра. Хорошенькая прогулка! По крайней мере, она была плодотворной. Теперь у него было достаточно доказательств и свидетельских показаний, чтобы попросить аудиенции у губернатора и потребовать детального расследования деятельности доктора «NO». Нельзя же ведь целиться из пулемета в своего ближнего, даже если тот нарушил границу частных владений. И потом, что это за адская машина доктора, которая вторглась на территорию компании «Одюбон», разгромила ее имущество и, возможно, убила одного из двух сторожей. Об этом тоже нужно провести расследование. А что он сможет найти на ост-

рове, если вернется сюда на эсминце с отрядом морских пехотинцев? Как разрешится загадка доктора «НО»? Что он скрывает? Чего боится? Почему ради сохранения своего уединения продолжает убивать? Кто он, этот доктор?

Невдалеке, справа, кто-то плескался в воде. Мысли его вернулись к девушке. «И все же, кто такая Ханичайл Райдер? Это, по крайней мере, мне удастся узнать сегодня же ночью», — подумал он, возвращаясь на сухой песок.

Бонд натянул влажные брюки и, усевшись на песок, разобрал револьвер и вытер рубашкой насухо каждую его часть и каждый патрон. Затем собрал его и, прежде чем зарядить барабан, нажал курок. Раздался сухой щелчок. Теперь он не заржавеет. Бонд зарядил револьвер, сунул его в кобуру, встал и направился к поляне.

Хани жестом пригласила его сесть рядом.

— Иди сюда, — сказала она, — мы умираем от голода. Я вычистила один котелок, и мы туда вывалили бобы. Получилось всего по две пригоршни на каждого, да еще кусочек хлеба. Мне не стыдно есть вашу пищу, потому что с вами я устала гораздо сильнее, чем если бы была одна. Давай руку.

Бонд улыбнулся. В темноте он различал лишь ее очертания. Глядя на ее мокрые волосы, Бонд подумал, как бы они выглядели, если их высушить и причесать. Можно себе представить. Она стала бы чудесным, неотразимым Гадким Утенком. Почему она не поправила себе сломанный нос? Это же совсем простая операция. Тогда она была бы самой красивой девушкой на Ямайке.

Она слегка коснулась его плечом. Бонд повернулся, протянув руку ладонью вверх, и почувствовал теплый запах ее тела. Он был таким возбуждающим, что дрожь охватила его. На мгновение он закрыл глаза. Хани коротко рассмеялась, и он почувствовал в ее смехе смущение, удовлетворение и нежность.

— Держи, — сказала она материнским тоном, отодвигая его руку.

11. НА ВРАЖЕСКОЙ ТЕРРИТОРИИ

Было около восьми часов. Если не считать кваканья лягушек, все вокруг спокойно. На другой стороне поляны он различал темную фигуру Куоррела. Слышались

негромкие металлические шелчки: его друг разбирал и вытирал «Ремингтон».

Ветер стих, и тьма опустилась на безлюдный пейзаж. Воздух посвежел. Одежда на Бонде высохла. Горсть пищи согрела желудок, и он чувствовал себя хорошо, спокойно и слегка подремывал. Жизнь вдруг показалась ему легкой и прекрасной.

Девушка лежала в спальном мешке, рядом с ним. Она вытянулась на спине, заложила руки за голову и смотрела на звезды. Видно было только белое пятно ее лица.

— Джеймс, — прошептала она, — ты обещал мне все объяснить. Без этого мне не заснуть.

Бонд рассмеялся.

— Я все расскажу, но только если ты тоже мне расскажешь о себе.

— Я не против. У меня секретов нет. Но сначала ты.

— Хорошо. — Бонд согнул ноги и обхватил руками колени. — Итак, я — нечто вроде полицейского агента. Когда где-нибудь происходит нечто странное, чем никто не обязан заниматься, посылают меня, из Лондона. Ну так вот, недавно один чиновник губернатора по имени Стрэнгуэйз, которого я знал, исчез. А с ним — и его секретарша, красивая девушка. Все подумали, что они сбежали вместе. Все, но не я. Я...

Бонд рассказал ей все простыми словами, деля людей на хороших и плохих, как в детских книжках.

— Итак, — закончил он, — нам троем остается только вернуться завтра вечером на Ямайку, потому что губернатор нас выслушает и пошлет сюда солдат, чтобы арестовать этого китайца. И тот попадет в тюрьму. Думаю, что он также это понимает и поэтому хочет помешать нам. Вот и все. Теперь твоя очередь.

— Мне кажется, в твоей жизни полно треволнений. Твоей жене наверняка не очень-то нравится, что тебя никогда не бывает дома. Она за тебя не боится?

— Я не женат. Единственный, кто заботится о моем здоровье, это страховая компания.

— Наверное, у тебя есть девушки, — поинтересовалась она.

— Постоянных нет.

— Да?

Последовало молчание. К ним подошел Куоррел.

— Капитан, если не возражаете, я первым буду не-

сти караул. Я спрячусь на краю пляжа. В полночь разбужу вас. Вы будете в карауле до пяти утра, а потом мы отправимся в путь. Лучше уйти отсюда затемно.

— Согласен, — ответил Бонд. — Разбуди меня, если что-нибудь увидишь. Карабин в порядке?

— В полном, — ответил с сияющим видом Куоррел. — Сладких снов, мисс. — И бесшумно исчез в темноте.

— Мне нравится Куоррел, — прошептала девушка. Потом, помолчав: — Ты вправду хочешь, чтобы я тебе про себя рассказала? Это не так интересно, как твоя жизнь.

— Конечно хочу. И ничего не пропускай.

— А мне нечего пропускать. Историю моей жизни можно написать на почтовой марке. Для начала скажу, что я никогда не уезжала с Ямайки. Всю жизнь я прожила в местечке под названием Бо Дезер, на северном берегу рядом с Порт Морганом.

Бонд рассмеялся:

— Надо же, я тоже там живу. Сейчас, по крайней мере. Но тебя я никогда не встречал. Ты где живешь, на дереве?

— А, так, значит, ты живешь в домике на пляже. Я никогда там не бываю. Я живу в Каса Гранде.

— Но от нее же ничего не осталось. Только развалины посреди плантаций сахарного тростника.

— Я живу в подвале. С пяти лет. С тех пор, как дом был сожжен, а мои родители убиты. Я их совсем не помню, поэтому можешь мне не соболезновать. Я жила там со своей чернокожей кормилицей, которая умерла, когда мне было пятнадцать лет. Уже пять лет, как я живу одна.

— О господи! — воскликнул потрясенный Бонд. — Неужели некому было о тебе позаботиться? Твои родители не оставили тебе денег?

— Ничего. — Она сказала это без горечи, скорее с гордостью. — Видишь ли, Райдеры — одна из самых старых семей на Ямайке. Первый из них получил во владение земли в Бо Дезер от Кромвеля в награду за свою подпись под приказом о казни короля Карла. Он построил Каса Гранде, и с тех пор моя семья жила там. Потом дела на плантациях пошли плохо, наверно за ними плохо следили, и когда мой отец получил наследство, он обнаружил там одни долги, все было заложено. Поэтому, когда отец с матерью погибли, имение пошло

с молотка. Меня это не касалось. Я была слишком мала. Моя кормилица в этой ситуации вела себя великолепно. Священник и адвокаты хотели, чтобы меня кто-нибудь удочерил, но кормилица забрала остатки мебели, уцелевшие от пожара, и мы устроились в подвале. Вскоре нам уже никто не докучал. Она работала прислугой в поселке, выращивала несколько банановых деревьев, а около старого дома росло большое хлебное дерево. Так мы ели то же, что и ямайцы. Вокруг нас рос сахарный тростник, кормилица соорудила сеть, которой мы каждый день ловили рыбу. Жили мы отлично, еды было вдоволь. Она научила меня читать и писать. Там были книги, уцелевшие от огня, и среди них — энциклопедия. Когда мне было восемь лет, я начала с буквы А. А сейчас я дошла уже до середины буквы Т. — Она перешла к обороне. — Спорю, что во многих вещах я разбираюсь лучше, чем ты.

— Я в этом уверен. Твоя няня, видно, была удивительной женщиной. — Бонд представил себе светловолосую девочку, играющую среди развалин под неусыпным наблюдением старой негритянки, которая часто даже не понимала, о чем та ее спрашивала.

— Она была чудо. Когда она умерла, я думала, что тоже умру. А потом уже не было так хорошо, как с ней. Раньше я жила, как ребенок, и вдруг мне внезапно пришлось стать взрослой и делать все самой. Меня стали преследовать мужчины, они хотели причинить мне зло. Говорили, что хотят переспать со мной. — Она помолчала. — Я была очень хорошенькая.

— Ты — одна из самых красивых девушек, которых я когда-либо видел, — серьезно сказал Бонд.

— С таким носом? Не говори глупостей.

— Ты не понимаешь. — Бонд старался найти подходящие слова. — Конечно, видно, что нос у тебя сломан. Но теперь я этого уже не замечаю. Когда смотришь на человека, обращаешь внимание на его глаза и рот, потому что у них есть выражение. А сломанный нос это все равно, что торчащие уши. Нос и уши не имеют большого значения. Бывают более красивые, бывают менее, но в любом случае другие черты лица важнее. Если бы нос у тебя был таким же красивым, как все остальное, ты была бы первой красавицей на Ямайке!

— Ты серьезно? — В голосе ее послышалась надежда. — Думаешь я смогу стать красивой? Я знаю, что я не совсем уродина, но когда я смотрю на себя в зерка-

ло, вижу только сломанный нос. Наверно, то же самое бывает со всеми, кто... ну..., в общем, уродлив.

— Но ты не уродина! — воскликнул в нетерпении Бонд. — Не говори глупостей. К тому же, его можно поправить с помощью простейшей операции. Нужно съездить в Америку, и через неделю ты будешь в полном порядке.

— Думаешь, это легко сделать? — сердито возразила она. — В подвале, под одним камнем у меня лежат пятнадцать фунтов. У меня есть три юбки, три блузки, кинжал и сеть. Я прекрасно знаю об этих операциях. Доктор в Порт Марии узнавал для меня. Он хороший человек. Он писал в Америку. Ты знаешь, что на это нужно пятьсот фунтов: на дорогу, больницу и все остальное? — Голос ее стал грустным... — Где мне их, по-твоему, взять?

Бонд уже решил, как он это сделает. С нежностью в голосе он просто ответил:

— Ну, можно найти, где взять. Но рассказывай дальше. Это очень интересно, гораздо интереснее, чем у меня. Итак, твоя кормилица умерла. А потом?

Девушка неохотно продолжила свой рассказ.

— Это ведь ты меня прервал. И не говори о том, чего не понимаешь. Ты, конечно, знаешь, что ты привлекательный мужчина, и я представляю себе, как девушки вешаются тебе на шею. Но было бы совсем по-другому, если бы ты был косоглаз или у тебя бы была заячья губа, или что-то в этом роде. Больше того, — Бонду послышалась улыбка в ее голосе, — думаю, что, когда мы вернемся, я пойду к колдуну и попрошу его наколдовать тебе что-нибудь похожее. — Она добавила тихим голосом. — Так мы будем больше похожи друг на друга.

Бонд протянул руку и дотронулся до нее.

— У меня другие планы, — прошептал он. — Но продолжай. Что было дальше?

— Ну так вот, — вздохнула девушка. — Я должна вернуться немного назад. Видишь ли, все именье занято под плантацию сахарного тростника, а Каса Гранде находится в самом ее центре. Дважды в год тростник срубают и отправляют на сахарный завод. Во время урожая все животные, что живут на плантации, впадают в панику, норы многих из них разрушаются, многие гибнут. Во время рубки тростника некоторые из них стали приходить к нам и прятаться в развалинах ста-

рого дома. Сначала кормилица ужасно их боялась, там были мангусты, змеи, скорпионы и тому подобное. Но я прибрала пару подвалов, чтобы у них было что-то вроде дома. Я не боялась, и они мне ни разу не причинили зла. Казалось, что они понимают, что я хочу их защитить. Наверно, они как-то сообщили об этом своим друзьям, потому что вскоре для них стало совершенно естественным приходить туда и прятаться в своих комнатах, оставаясь там до тех пор, пока тростник вновь не начинал расти. Тогда все они возвращались в поле. Когда они жили у нас, я кормила их тем, что у нас оставалось, и они прекрасно вели себя, если не считать запаха и, иногда, стычек, которые они затевали между собой. Но со мной они и их дети вели себя как домашние, я могла играть с ними, сколько захочу. Конечно, рубщики узнали об этом, они видели меня со змеями вокруг шен или с кем-нибудь еще. Они очень этого боялись и думали, что я обладаю волшебной силой. Поэтому не трогали нас. Вот откуда я знаю столько всего про животных и насекомых. Долгие часы я проводила в воде, наблюдая за рыбами и моллюсками. За птицами тоже. Если ты знаешь, что они едят и чего боятся, если ты всегда рядом с ними, ты становишься их другом. — Она подняла глаза на него. — Не зная их, ты очень много теряешь.

— Думаю, что да, — уверенно ответил Бонд. — Представляю, насколько они приятнее и интереснее, чем человеческие существа.

— Не знаю, — задумчиво ответила Хани. — Я знаю мало человеческих существ. Те, что мне попадались, по большей части были отвратительными. Думаю, что и они могут быть интересными. Но я никогда не думала, что смогу их любить так, как я люблю животных. Кормилица, конечно, не в счет. До тех пор, пока... — Она запнулась и смущенно прыснула. — Ну так вот, мы жили счастливо все вместе до тех пор, пока мне не исполнилось пятнадцать лет, няня моя умерла, и жить стало труднее. Был там некий Мэндер, ужасный человек. Он был белый и работал управляющим на плантации. Он все время приезжал ко мне. Он хотел, чтобы я переехала жить к нему, у него был дом недалеко от Порт Марии. Он был мне отвратителен, и, когда я слышала, что он едет на лошади через плантацию, я убегала и пряталась. Однажды вечером он пришел пешком, и я его не услышала. Он был пьян. Он пришел в подвал и

попытался силой заставить меня сделать то, что он хотел. Знаешь, то, что делают люди, когда любят друг друга.

— Знаю.

— Я попыталась убить его моим кинжалом, но он был очень сильный и ударил меня в лицо, сломав мне нос. Я потеряла сознание, и думаю, что он этим воспользовался. То есть, я уверена. На следующий день, когда я увидела свое лицо и обнаружила, что он со мной сделал, мне захотелось убить себя. Я боялась, что у меня будет ребенок. Я точно убила бы себя, если бы ждала ребенка от этого человека. Однако этого не случилось. Врач сделал с моим носом все, что мог, и не взял с меня денег. Об остальном я ему не рассказала, мне было очень стыдно. Тот человек больше не приходил. Я спокойно дождалась следующей рубки тростника. У меня был план: я надеялась, что в мой подвал придут Черные Вдовы. Когда они пришли, я взяла самую большую самку, закрыла ее в банке и не давала ей есть. Самки злее, чем самцы. Однажды, темной безлунной ночью, я взяла банку с пауком и отправилась к дому того человека. Было очень темно, и я боялась встретиться с привидениями. Я спряталась в саду среди кустов и подождала, когда он ляжет спать. Затем я влезла на дерево, а с него — на балкон спальни. Когда он захрапел, я влезла в окно. Он лежал на кровати под москитной сеткой совсем голый. Я приподняла ее, открыла банку и выпустила паука ему на живот. Затем я вернулась домой.

— Боже всемогущий! — воскликнул Бонд с уважением. — А с ним что стало?

— Через неделю он умер, — радостно пояснила она. — Должно быть, он немало помучился. Знаешь, это очень больно. Колдун говорит, что хуже этого ничего нет. Она замолчала, а когда Бонд не проронил ни слова, спросила обеспокоенно: — Ты думаешь, я поступила неправильно?

— Лучше к этому не привыкать, — нежно ответил Бонд. — Но, зная, что он тебе сделал, я не могу сказать, что ты поступила плохо. А потом?

— Ну, потом я успокоилась, — ответила она с милой непосредственностью. — Мне нужно было добывать себе пропитание и, конечно, моим единственным желанием было откладывать деньги на пластическую операцию.

Раньше у меня был по-настоящему красивый нос. Думаешь, врачи смогут вернуть мне его?

— Они тебе могут сделать, какой захочешь, — уверенно ответил Бонд. — А где ты брала деньги?

— Мне помогла энциклопедия. Там было написано, что есть люди, коллекционирующие раковины, и существует рынок редких раковин. Я спросила учителя в поселке, не раскрывая ему моей тайны, и он сказал мне, что существует специальный американский журнал для коллекционеров раковин — «Наутилус». Я собрала денег, подписалась на него и стала собирать раковины, о которых просили в объявлениях. Я написала одному торговцу в Майами, и он стал покупать мои раковины. Это было увлекательно. Конечно, сначала я наделала глупостей. Я думала, что люди предпочитают самые красивые раковины, но это не так. Часто им нужны самые некрасивые. А когда я находила редкие экземпляры, я их чистила и драила, а этого тоже нельзя делать. Они хотят, чтобы раковины были такими же, как в море, с моллюсками внутри. Поэтому я попросила у врача формалин и вливала его в раковины, чтобы они не воняли, а потом отсылала их тому торговцу в Майами. Всего лишь год, как я научилась делать эту работу как следует, а у меня уже отложено пятнадцать фунтов. Я рассчитала, что смогу зарабатывать в год около пятидесяти фунтов, не меньше чем через десять лет я могла бы поехать в Америку и сделать себе операцию. А потом, — она радостно рассмеялась, — мне невероятно повезло. Накануне Рождества я нашла здесь, на Крэб Кэй, эти раковины. Они не показались мне какими-то особенными, но я отослала парочку в Майами, а тот торговец немедленно ответил мне, что купит у меня все, что я ему пришлю по цене пять долларов за штуку. Он посоветовал мне держать это место в секрете, потому что иначе спрос упадет и цены тоже. Это золотая жила. Теперь я смогу отложить нужные мне деньги всего за пять лет. Вот почему я так подозрительно к тебе отнеслась, когда встретила тебя на пляже. Я думала, ты хотел украсть мои раковины.

— Для меня это тоже был удар. Я боялся, что ты подружка доктора «NO».

— Большое спасибо.

— А после операции, что ты будешь делать? Ты же не можешь жить одна в подвале всю жизнь.

— Я думала стать шлюхой. — Она сказала это, как если бы произнесла: медсестрой или секретаршей.

— Что ты имеешь в виду? — Наверно, она выучила это слово, не зная его значения.

— Ну это те девушки, у которых красивая квартира, красивая одежда. Ты же знаешь, что я хочу сказать, — нетерпеливо ответила она. — Ты звонишь, едешь туда, занимаешься любовью с ними и платишь им. В Нью-Йорке они зарабатывают по сто долларов за раз. Естественно, — предположила она, — сначала мне будут платить меньше. Пока я не стану то, что надо. Сколько ты платишь начинающим?

Бонд рассмеялся.

— Я, собственно, уже и не помню. Это было давно. Она вздохнула.

— Конечно, я думаю, что тебе ни одна женщина не откажет, и денег ты можешь не платить. Наверно, платят только некрасивые мужчины. Но это неизбежно. Любая работа в большом городе должно быть ужасна. По крайней мере, шлюхой можно заработать много больше. Тогда я смогу вернуться на Ямайку и купить Бо Дезер. Я буду довольно богата, найду себе мужа, заведу детей. Разве это не чудесно?

— Вторая часть твоего плана мне нравится. Чего не скажешь про первую. И все-таки, откуда ты узнала про шлюх? Нашла в энциклопедии на букву «Ш»?

— Конечно, нет. Не говори глупостей. Пару лет назад в Нью-Йорке произошел крупный скандал. В центре его был один тип, у которого была целая команда этих девушек. Журнал «Глинер» много писал об этом, сообщил цены и все остальное. А потом, в Кингстоне — сотни таких девушек, конечно, они недорого стоят. Они берут около пяти шиллингов, дома у них нет, они вынуждены делать это в кустах. Кормилица говорила мне о них. Она сказала, что я не должна стать такой, как они, иначе буду очень несчастна. Разумеется, всего за пять шиллингов. Другое дело — сто долларов!

— Ты не сможешь получить их полностью, — заметил Бонд. — Нужно платить своему агенту, чтобы он искал мужчин, нужно подкупать полицию, чтобы она не мешала. А если что-то случится не так, тебя запросто посадят в тюрьму. Не думаю, чтобы тебе понравилась эта работа. Знаешь, при всех твоих знаниях о животных и насекомых, ты скорее могла бы найти себе отличное место в каком-нибудь американском зоопарке.

Или даже в Институте Ямайки. Там тебе понравилось бы еще больше. И шансов найти мужа там не меньше. Как бы то ни было, оставь и думать о том, чтобы стать шлюхой. У тебя прекрасное тело. Ты должна сохранить его для того, кого ты полюбишь.

— В книгах тоже об этом пишут, — с сомнением пробормотала она. — Плохо то, что в Бо Дезер некого полюбить. Ты — первый англичанин, который мне попался, — робко добавила она. — Ты мне сразу понравился. И мне ничуть не неприятно тебе об этом говорить. Наверно, есть много людей, которые бы мне понравились, если бы я их встретила.

— Конечно, есть. Их сотни. И ты чудесная девушка. Я это подумал, как только тебя увидел. А теперь давай спать, Хани. У нас будет куча времени на разговоры, когда мы вернемся на Ямайку.

— Правда? — пробормотала она, засыпая. — Обещаешь?

— Обещаю.

Он услышал, как она пошевелилась в своем спальном мешке. Во тьме был виден только ее неясный силуэт. Девушка глубоко вздохнула, как ребенок перед тем, как засыпает.

На поляну опустилась тишина. Воздух становился прохладнее. Бонд склонил голову на согнутые колени. Он знал, что заснуть ему не удастся. Голова его была занята событиями прошедшего дня и этой необычайной девушкой-Тарзаном, которая вошла в его жизнь. Она, будто роскошное животное, привязалась к нему и будет с ним связана до тех пор, пока он не решит ее проблемы. Он знал это. Конечно, многие из этих проблем было совсем не трудно решить. Он мог помочь ей с операцией, найти ей с помощью друзей жилье и работу. Денег у него было достаточно. Он мог купить ей одежду, отправить к парикмахеру, ввести ее в нормальную жизнь. Это могло быть забавным. Но была и другая сторона медали. Как быть с физическим влечением, которое он к ней испытывал? Не мог же он спать с девочкой. Но разве она была девочкой? Ни в ее теле, ни в ее лице не было ничего детского. Она была совершенно зрелой и была в гораздо большей степени, чем все остальные двадцатилетние знакомые Бонда, способна отвечать за себя.

Внезапно ход его мыслей был прерван.

— Ты почему не спишь? — спросила его Хани. — Ты мерзнешь?

— Нет, у меня все в порядке.

— У меня в мешке очень жарко. Хочешь, залезай. И место есть.

— Нет, спасибо, Хани. Теперь спи. Скоро мне сменять Куоррела.

— Ладно, понятно. Тогда, когда вернемся на Ямайку.

— Наверно.

— Обещай. Я не усну, если не пообещаешь.

— Хорошо, обещаю, — покорно ответил Бонд. — А теперь спи, Ханичайл.

— Теперь ты пообещал, — прошептала она с нотками торжества в голосе. — Пообещал. Спокойной ночи, дорогой.

— Спокойной ночи, дорогая.

12. «ОНО»

Бонд почувствовал чью-то крепкую руку на своем плече и стремительно вскочил.

— Из воды появилось что-то. Наверняка, это дракон! — взволнованно прошептал Куоррел.

Девушка проснулась.

— Что случилось? — с тревогой спросила она.

— Оставайся на месте, Хани! — приказал Бонд — Не двигайся. Я сейчас вернусь. — Он углубился в кусты и побежал вдоль пляжа. Куоррел, не отставая, следовал за ним.

Они добежали до края песчаной косы, в двадцати метрах от поляны, где ночевали. Бонд раздвинул ветви и выглянул.

Что за чертовщина? В полумиле от них нечто неопределенной формы двигалось по озеру: у «него» были пылающие оранжевые глаза с черными зрачками. Пониже, на месте рта извивался метровый язык голубоватого пламени. При неярком свете звезд можно было различить округлую голову над двумя короткими крыльями, как у летучей мыши. «Оно» издавало жалобный утробный вой, который заглушал другой звук, низкий и ритмично пульсирующий. Оставляя за собой след белоснежно пены, «оно» двигалось на них со скоростью десять миль в час.

— Дьявол, капитан! — сказал Куоррел, тяжело дыша. — Что это?

Бонд выпрямился.

— Не знаю точно, — ответил он. — Что-то вроде замаскированного трактора. Он приводится в движение дизелем, поэтому про дракона забудь. Итак, смотри, — рассуждал он вслух, — бежать бессмысленно. Эта штука слишком быстра, и к тому же мы знаем, что болота ей не помеха. Нужно дать ей бой здесь. Какие у нее могут быть слабые места? Это люди, которые в ней сидят. Они, конечно, защищены. Но мы не знаем насколько. Куоррел, когда она приблизится на двести метров, открой огонь по тому выступу наверху. Целься хорошо и продолжай стрелять. Когда она будет в пятидесяти метрах, я займусь фарами. Рельсов тут нет. Значит, должны быть шины, возможно авиационные. Попробую в них попасть. Оставайся здесь. Я буду в десяти метрах. Они могут ответить на огонь, и мы должны уберечь девушку. Согласен? — Бонд протянул руку и сжал плечо друга. — И не беспокойся. Не думай больше о драконах. Это — только игрушка доктора «НО». Убьем тех, кто там внутри, завладеем этой проклятой машиной и спустимся на ней к берегу. Обувь будет целее. Хорошо?

Куоррел усмехнулся:

— Хорошо, капитан. Раз вы говорите. Я только надеюсь, что Всевышний тоже знает, что это не дракон!

Бонд отыскал в кустах место, откуда удобнее было стрелять.

— Хани! — тихонько позвал он.

— Да, Джеймс, — в ее голосе послышалось облегчение.

— Вырой яму в песке, как тогда на берегу. За самыми густыми кустами. Затем ложись и прижмись как можно плотнее. Возможно, будут стрелять. И позабудь о драконах. Это просто замаскированный трактор, в котором — люди доктора. Не бойся. Я рядом.

— Хорошо, Джеймс. Будь осторожен, — голос ее звенел от страха.

Теперь «оно» было всего в трехстах метрах, и желтые фары освещали песчаную отмель. Бонд видел, как голубое пламя все еще извивалось в пасти: огнемёт! Теперь стало понятно, откуда взялись обугленные кусты, и прояснился рассказ сторожа.

Конечно, на туземцев «дракон» должен был произвести потрясающее впечатление. Ну, а на людей, умеющих постоять за себя?

Ответ не заставил себя ждать: послышался треск «Ремингтона» Куоррела. Пули попали в башню, не причинив ей никакого вреда. «Оно» продолжало двигаться с неизменной скоростью, лишь слегка повернув в сторону, откуда раздались выстрелы. Бонд тщательно прицелился — одна фара разлетелась на мелкие осколки. Он четыре раза выстрелил по второй и на пятый разбил ее. Но «оно», казалось, не обращая на это никакого внимания, двигалось к укрытию Куоррела. Бонд перезарядил оружие и открыл огонь по огромным шинам, полуприкрытым поддельными крыльями, раскрашенными черным с золотом. Они были метрах в тридцати, и он мог поклясться, что не раз попал в ближнее к нему колесо. Никакого результата. Они, что, цельнорезиновые? В первый раз Бонд почувствовал холодок страха.

Он снова перезарядил револьвер. Может быть, эта чертовщина уязвима сзади? Кинуться в воду и попытаться взобраться на эту машину. Он сделал несколько шагов, затем застыл и уже не смог двигаться дальше.

Внезапно из пылающей горелки в направлении того места, где прятался Куоррел, взметнулся язык желто-голубого пламени. В кустах справа от Бонда вспыхнуло красноватое пламя и раздался нечеловеческий вопль, вдруг оборвавшийся. Огненный язык удовлетворенно убрался на место. «Оно» повернулось и застыло. Теперь голубой огонек горелки нацелен был прямо на Бонда.

Бонд замер в ожидании конца. Он подумал о Куорреле и представил себе его обугленные останки, дымящиеся на обожженном песке. И он тоже через мгновение сгорит, как факел. Затем придет черед Хани. Проклятье, до какого несчастья он их довел! Было безумие бросить вызов такому могущественному человеку. Он сжал зубы: «Давайте, ублюдки, чего вы ждете? Кончайте».

Раздался металлический голос из мегафона:

— Выходи, англичанин. И девушка тоже. Побыстрее, а то мы вас поджарим, как вашего приятеля.

Подкрепляя приказ, короткое пламя вырвалось с шипением из горелки в их направлении. Бонд отпрянул, почувствовав ужасный жар. Обернувшись, он увидел, что девушка стоит за ним.

— Я не могла там оставаться, — всхлипнула она.

— Спокойно, Хани, — пробормотал Бонд. — Держись за мной.

Он уже принял решение. Выбора не было. Даже если их ждала немедленная смерть, хуже, чем эта, быть не

могло. Бонд схватил девушку за руку и повел ее за собой к пляжу.

— Стой. Вот так, — прогремел голос. — Брось пушку. Не шали, а то мы накормим крабов вашим жареным мясом.

Бонд выронил револьвер. Прощай, «Смит энд Вессон». «Беретта» здесь тоже не помогла бы. У Хани вырвалось рыдание, Бонд сжал ее руку еще крепче.

— Смелее, Хани, — сказал он.

Послышался скрип открываемой железной дверцы. Из башни появился человек, прыгнул в воду и направился к ним. В руке у него был револьвер. Он держался в стороне от оси огнемёта. Голубое пламя осветило его лицо. Это был здоровенный китайский негр.

Человек остановился в нескольких шагах.

— Вытяни руки. Кисти вместе. Теперь подойди. Сначала ты, англичанин. Иди тихо, иначе сделаю тебе второй пупок.

Бонд повиновался. Когда он подошел на расстояние одного метра, человек взял револьвер в зубы и защелкнул наручники на запястьях у Бонда. Бонд посмотрел ему в лицо, отливавшее металлическим блеском при свете голубоватого пламени.

— Ублюдок паршивый, — ухмыльнулся тот.

Бонд повернулся к нему спиной и отошел на несколько шагов. Он хотел посмотреть на Куоррела. Он должен был попрощаться с ним. Раздался выстрел, пуля взметнула песок у него под ногами. Бонд остановился и медленно обернулся.

— Не нервничай, — сказал он. — Я хочу только пойти посмотреть на человека, которого вы убили. Я вернусь, будь спокоен.

Человек опустил оружие.

— Отлично, — хмыкнул он. — Полюбуйся. Жаль, что венка у нас нет. Не задерживайся, а то мы слегка поджарим детку. Даю тебе две минуты.

Бонд направился к дымящимся кустам. Дойдя до них, он опустил взгляд на землю и сжал губы. Да, все было так, как он себе представлял. Даже хуже.

— Мне очень жаль, Куоррел, — пробормотал он. Он взял пригоршню холодного песка и высыпал его на то, что осталось от лица. Затем вернулся назад и встал рядом с девушкой.

Человек указал револьвером, чтобы они шли вперед.

Они зашли за машину. Там была маленькая квадратная дверца. Грубый голос изнутри приказал:

— Входите и садитесь на пол. Ничего не трогать, а то пальцы оторвем.

Они забрались внутрь. Пахло потом и мазутом. Из-за тесноты сидеть можно было только на корточках. Тот, что был вооружен, закрыл дверцу. Он зажег свет и уселся рядом с водителем:

— Ну, Сэм, поехали.

На приборной доске виднелись циферблаты и тумблеры. Водитель протянул руку и нажал на какие-то кнопки. Он включил передачу и посмотрел в узкую щель, прорезывающую стальную стенку перед ним. Бонд почувствовал, что машина поворачивается. Затем взвыл мотор, и она тронулась.

Он чувствовал плечом плечо девушки.

— Куда нас везут? — прошептала она с дрожью в голосе.

Бонд повернул голову и посмотрел на нее. Впервые он видел ее с сухими волосами. В легком беспорядке они прямыми прядями спускались до плеч, где мягкой волной слегка загибались во внутрь. Они были совсем светлые с легким пепельным оттенком и при электрическом освещении казались почти серебристыми. Она в смятии смотрела на него. Вокруг глаз и в углах рта кожа ее побелела от страха.

Бонд пожал плечами с деланным безразличием.

— Ну, я думаю, мы едем в гости к доктору «NO», — шепнул он. — Не беспокойся, Хани. Эти — всего-навсего мелкие хулиганы. Он же — другое дело. Когда мы будем у него, рта не открывай. Я буду говорить за нас обоих. — Он оперся о ее плечо. — Мне нравятся твои волосы. Хорошо, что они у тебя не слишком короткие.

Напряженное выражение ее лица изменилось:

— Как ты можешь думать сейчас о таких вещах? — Она слабо улыбнулась. — Я рада, что они тебе нравятся. Я мою их кокосовым маслом каждую неделю.

При воспоминании о прежней жизни глаза ее наполнились слезами. Еле слышно она пробормотала:

— Постараюсь быть мужественной. Пока ты со мной, все будет хорошо.

Бонд поднес к глазам наручники, сжимавшие его запястья и осмотрел их. Такими пользуется американская полиция. Он вытянул кисть левой руки, более тонкой, и постарался проташить ее через плоское стальное коль-

цо. Но даже пот, покрывавший кожу, не помог ему. Выхода не было.

Двое китайцев сидели на металлических сиденьях, безразлично повернувшись к ним спиной. Они чувствовали себя хозяевами положения. Бонд был бессилен что-либо сделать. Если бы ему удалось открыть люк и выброситься в воду, это бы ему не помогло. Они сразу почувствовали бы спиной порыв свежего воздуха, остановили бы машину, и испепелили бы его в воде или подобрали.

Бонда раздражало то, что они не обращали на него внимания, зная, что он был полностью в их власти. Не нравилось ему и другое: эти люди были достаточно умны, чтобы понять, что он не представлял для них никакой опасности. Если бы на их месте был кто-то поглупее, то его бы держали на прицеле, их бы обоих связали с тщательностью, выдающей неопытность. Возможно, их бы даже оглушили. Эти же двое знали свое дело — это были профессионалы или люди, подготовленные профессионалами.

Они не разговаривали. Они просто вели машину, выполняя спокойно и по-деловому свои обязанности.

Бонд еще не знал с точностью, что это была за машина. Он полагал, что под всем этим черным с золотом лаком и всей маскировкой скрывался трактор, но такого трактора ему никогда не доводилось видеть. Огромные резиновые покрышки были высотой в два его роста и, должно быть, цельнорезиновые или наполненные губчатой резиной. Сзади было еще одно колесо поменьше, для устойчивости. Чтобы вся эта конструкция была похожа на дракона, сзади было приделано нечто вроде металлического хвоста, а по бокам — небольшие крылышки. Затем добавили бронированную башенку и огнемёт. Очевидно, это было единственное средство передвижения, которое могло перемещаться по всему острову. Благодаря огромным колесам, оно было в состоянии преодолевать заросли, болота и мелкое озеро.

Как всегда, Бонд испытал уважение, столкнувшись с настоящим профессионализмом. Очевидно, доктор не оставлял без внимания ни одну мелочь. Скоро он познакомится с ним. Бонд иронически усмехнулся. Судя по всему, не похоже было, что тот его отпустит. Скорее всего его убьют, если только не удастся бежать. А девушка? Удастся ли ему доказать, что она оказалась с ним случайно и добиться, чтобы ей сохранили жизнь? Ей не раз-

решат покинуть остров. Возможно, она должна будет остаться здесь до конца своей жизни, стать любовницей или женой одного из них, может быть самого доктора, если понравится ему.

Внезапные толчки прервали размышления Бонда. Они уже пересекли озеро и сейчас взбирались по дорожке, которая вела наверх к домам. Через пять минут они будут на месте. Человек, сидевший рядом с водителем, обернулся и посмотрел на Бонда и на девушку. Бонд весело улыбнулся ему.

— Тебе дадут медаль, — сказал он.

Светло-карие глаза невозмутимо смотрели на него. Пухлые лиловые губы растянулись в ухмылке, выражавшей холодную ярость.

— Заткни пасть. — И он опять обернулся к ним спиной.

Девушка коснулась Бонда локтем и прошептала:

— Почему они такие грубые? И почему они нас так ненавидят?

Бонд улыбнулся ей:

— Наверное, потому, что мы их напугали. Они, наверное, до сих пор боятся. Потому, что не похоже, что мы их боимся. Нам нужно продолжать держаться так же.

Девушка прижалась к нему.

— Я постараюсь.

Подъем становился все круче. Через амбразуры проникал сероватый свет. Вставала заря. Бонд вновь подумал о Куорреле: храбрый гигант ее уже не увидит, а ведь в этот час они должны были уже идти через болота и заросли. Он вспомнил разговор о страховании жизни. Куоррел предчувствовал свою смерть. Однако повиновался беспрекословно. Неужели из-за него погибнет и девушка?

Водитель положил руку на приборную доску — сразу раздался вой сирены. Через минуту машина остановилась. Он нажал на кнопку и взял в руку висевший рядом микрофон. Бонд услышал грохот громкоговорителя снаружи:

— Все в порядке. Мы захватили англичанина и девушку. Второй убит.

Бонд услышал шум перемещавшейся на роликах двери. Преодолев еще несколько метров, машина остановилась. Кто-то снаружи открыл железный люк. Ворвалась струя свежего воздуха и сноп света. Чьи-то грубые руки

схватили Бонда, вытащили его наружу и бросили на цементный пол. Бонд поднялся. Он чувствовал своим боком ствол револьвера.

— Стой спокойно, — приказали ему. — Без шуток.

Еще один китайский негр. Желтоватые глаза взглянули на него с интересом. Бонд с безразличием повернулся к нему спиной. Другой приставил пистолет к спине Хани.

— Оставь в покое девушку, — бросил Бонд и встал рядом с ней. Похоже, что те удивились. В нерешительности они стояли на месте, выставив вперед свои револьверы.

Бонд осмотрелся. Они находились внутри одного из тех блочных строений, которые он заметил с реки. Это были гараж и мастерская. «Дракон» расположился на яме. На верстаке виднелся разобранный подвесной мотор. С потолка тянулись белые полосы дневного света. Пахло мазутом и выхлопными газами. Водитель «дракона» и его напарник подошли к охранникам. Один из них сказал:

— Я передал сообщение. Приказано их пропустить. Все в порядке?

— Конечно. Пара выстрелов. Разбитые фары. Может быть, продырявлены покрышки. Пусть ребята сделают полный осмотр. Провожу этих, а потом на боковую. — Он обернулся к Бонду. — Давай шевелись, — сказал, указав в глубину длинного ангара.

— Сам шевелись. И нечего со мной разговаривать таким тоном. Скажи этим скотам, чтобы они не тыкали нам в спину револьверами. С испугу могут и выстрелить. У них довольно идиотский вид.

Человек приблизился. Остальные трое выстроились за его спиной. В их глазах сверкала ярость. Первый поднес кулак к лицу Бонда. Он с трудом сдерживал себя. — Послушай, красавчик, — напряженным голосом сказал он. — Иногда кое-кого из нас приглашают на праздник... Надеюсь только, что на этот раз это будет хороший, долгий праздник. И если мне удастся добраться до тебя... — В его глазах сверкнула жестокость, затем он взглянул на девушку. Теперь глаза были похожи на два облизывающихся рта. Он потер руки о свои ляжки. Приоткрыл лиловые губы и высунул кончик розового языка. Обернулся к остальным трем. — Ну, что вы скажете?

Те тоже смотрели на Хани. Они молча согласились, как мальчишки перед рождественской елкой.

Если бы не девушка, Бонд не сдержался бы.

— Хорошо, хорошо, — сказал он. — Вас четверо против нас двоих и у нас связаны руки. Смелее. Не бойтесь. Только не хвастайтесь так. Доктору «NO» это может не понравиться. При звуках этого имени выражение их лиц изменилось. Первый подозрительно взглянул на Бонда, спрашивая себя, имеет ли тот какое-либо влияние на хозяина. Он открыл рот, чтобы сказать что-то, но затем передумал и только пробормотал:

— Ладно, мы только пошутили. — Он обернулся в поисках поддержки. — Правда?

— Правда, правда! — пробормотали остальные, отводя взгляд.

— Сюда, приятель, — добавил тот и направился в глубь строения.

Бонд схватил Хани за руку и последовал за ним. Он был удивлен тем, какое действие произвело имя доктора. Надо бы запомнить это, если ему еще придется иметь дело с людьми этого китайца.

Они подошли к грубо сколоченной деревянной двери. Человек дважды нажал на кнопку и подождал. Послышался щелчок, и дверь открылась. За ней оказался коридор, пробитый в скале, вдоль которого была протянута дорожка, ведущая к другой двери, уже более аккуратной, кремового цвета.

Человек посторонился.

— Все время прямо. Постучите в дверь. Там вас встретят. — Глаза и голос ничего не выражали.

Бонд повел девушку по коридору. Он услышал, как дверь захлопнулась за их спиной. Он остановился и посмотрел на спутницу.

— Ну, как ты? — спросил он.

Хани слабо улыбнулась.

Бонд крепче ухватил ее за запястье. Они подошли к двери, и он постучал.

Дверь открылась. Бонд вошел, за ним — девушка. Внезапно они остановились, потрясенные увиденным.

13. ПОЗОЛОЧЕННАЯ ТЮРЬМА

Просторная комната была оформлена по образцу типичных штаб-квартир крупных американских фирм в нью-йоркских небоскребах. Пол был устлан ковром вишневого цвета, а стены и потолок были покрашены в приятный серый цвет с перламутровым отливом. На стенах

были развешены репродукции с картин Дега. Комната освещалась высокими торшерами современной формы с абажурами из темно-зеленого шелка.

Справа от Бонда стоял большой письменный стол красного дерева со столешницей, обтянутой зеленой кожей, на котором среди прочего виднелся современнейший телефон внутренней связи. К услугам посетителей были два старинных стула. В другом конце комнаты стояли длинный и узкий стол, заваленный журналами, и еще два стула. На столах были вазы с цветами. Воздух был чист, свеж, и в нем угадывался легкий аромат.

В комнате находились две женщины. За письменным столом с деловым видом сидела молодая китаянка в очках в тяжелой оправе и с челкой коротких черных волос. Ее глаза и губы растянулись в традиционной приветственной улыбке идеального администратора гостиницы: сияющей, выражающей готовность помочь, вопрошающей.

Вторая женщина придерживала дверь, в которую они вошли, и ждала, пока они пройдут еще пару шагов вперед. Она была более почтенного вида, ей было лет сорок пять, тоже китаянка. Ее цветущий, полный здоровья и добродушия вид производил впечатление исключительной любезности. Квадратные стекла ее пенсне сверкали от желания сделать все, чтобы вошедшие чувствовали себя, как дома.

Обе женщины были одеты во все белое, включая брюки и замшевые туфли. Кожа их была очень светлой, как будто они редко выходили на свежий воздух.

Пока Бонд пытался во всем разобраться, та, что была постарше, щебетала без умолку. Можно было подумать, что они из-за непогоды опоздали на прием.

— Бедняжки, мы не знали, когда вы, наконец, приедете. Нам все говорили, что вы еще в пути. Сначала мы вас ждали к чаю, вчера — к ужину, и только полчаса назад нам сообщили, что вы приедете к завтраку. Вы, наверное, умираете с голоду? Сейчас сестра Роза заполнит ваши карточки, затем я вас сразу же отправлю спать. Вы очень устали.

Она усадила их на стулья и продолжила:

— Меня зовут сестра Лили, а ее — сестра Роза. Она задаст вам несколько вопросов. Хотите сигарету? — Она взяла кожаную сигаретницу, открыла ее и положила на письменный стол перед ними. Та состояла из трех отделений. Она указала пальцем:

— Американские, «Плэйерс» и турецкие. — Взяла со стола зажигалку и замерла в ожидании. Бонд протянул руки, еще стянутые наручниками, и взял турецкую сигарету.

Сестра Лили в ужасе воскликнула: — О небо! — Она казалась искренне обескураженной. — Сестра Роза, прошу вас, дайте ключ. Я уже говорила неоднократно, что пациенты не должны поступать к нам в таком виде. — Она была раздражена. — Ну, что за люди! Нужно будет опять поговорить с персоналом.

Сестра Роза была столь же растеряна. Она спешно порылась в ящике стола и протянула ей ключ. Сестра Лили, суетясь и причитая, сняла с них наручники, обошла стол и бросила их в корзину для бумаг, словно это были грязные бинты.

— Спасибо. — Бонд решил, что лучше всего принять их тон. Он взял сигарету и закурил. Бросил взгляд на Ханичайл Райдер, которая неподвижно сидела с ошарашенным видом, схватившись за подлокотники кресла. Он ободряюще улыбнулся ей.

— А теперь, если вы не возражаете, — сестра Роза взяла отпечатанный формуляр, — сделаем это как можно быстрее. Ваше имя, пожалуйста?..

— Брайс. Джон Брайс.

— Адрес?

— Королевское зоологическое общество, Риджентс Парк, Лондон, Англия.

— Профессия?

— Орнитолог.

— О, — она улыбнулась им. — Вы можете продиктовать это по буквам?

Бонд продиктовал.

— Огромное спасибо. Теперь цель вашего визита?

— Птицы, — ответил Бонд. — Я также представляю компанию «Одубон» из Нью-Йорка. Они арендуют часть острова.

— В самом деле? — Он заметил, что она записывала в точности то, что он ей говорил, но в конце поставила вопросительный знак, заключив его в скобки.

— А, — сестра Роза вежливо улыбнулась, обращаясь к Ханичайл, — ваша жена? Она также интересуется птицами?

— Да, конечно.

— Как ее зовут.

— Ханичайл.

Сестра Роза обрадовалась.

— Какое славное имя. — Внимательно записала. — А теперь назовите имя вашего ближайшего родственника, и все.

Бонд продиктовал настоящее имя М., назвав его дядей и добавив: Генеральный директор «Юниверсал Экспорт», Риджентс Парк, Лондон.

Сестра Роза, закончив писать, сказала:

— Хорошо. Все в порядке. Огромное спасибо, мистер Брайс, надеюсь, у нас вам обоим будет хорошо.

— Спасибо. Я в этом уверен. — Бонд поднялся, за ним Ханичайл Райдер, чье лицо ничего не выражало.

— А теперь идите за мной, бедняжки, — сказала сестра Лили, направившись к двери в глубине комнаты. Она остановилась, положив руку на хрустальную ручку. — Ох, бедная я, забыла номер вашей комнаты. Это кремовый номер? Да, сестра?

— Да, четырнадцатый и пятнадцатый.

— Спасибо, дорогая. А теперь, — она открыла дверь, — следуйте за мной. Боюсь, что идти придется порядочно. — Она закрыла за ними дверь. — Я доктору уже не раз говорила о том, чтобы установить тут эскалатор. Но знаете, когда человек так занят, — она весело рассмеялась, — у него столько других забот.

— Конечно, я понимаю, — вежливо ответил Бонд. Он взял Хани за руку, и они последовали за женщиной по стометровому коридору, устланному ковром и освещенному настенными бра.

Бонд вежливо и односложно отвечал на замечания, которые время от времени делала сестра Лили. Все его усилия были сосредоточены на том, чтобы понять, чем объясняется этот невероятный прием. Ему хотелось верить, что обе женщины были искренни. Он не заметил ни одного взгляда, ни одного слова, которые бы их выдали. Очевидно, что за этим фасадом что-то скрывалось, но это был солидный фасад, с тщательно продуманной обстановкой и подобранным персоналом.

В комнате и теперь в коридоре звуки были приглушенными, и он подумал, что из ангара они вошли в глубь горы и теперь шли сквозь нее. Они продвигались на запад, по направлению к крутой скалистой стене, которой заканчивался остров. Стены не были влажными, а воздух был свеж и чист, дул легкий ветерок. Все это оборудование, должно быть, стоило немалых денег. Бледные

лица обеих женщин указывали на то, что они проводили все свое время в недрах горы. По манерам сестры Лили было похоже, что она принадлежит к внутреннему персоналу, который не имеет ничего общего с командой крепких ребят, находящихся снаружи, и что она даже не представляла, что это за люди.

— Какая-то нелепица, — заключил Бонд. — Они уже приближались к двери, которой заканчивался коридор. Опасная нелепица, но ломать над этим голову бесполезно. Лили ведь могла всего-навсего разыгрывать роль. По крайней мере, внутри было лучше, чем снаружи.

Сестра Лили позвонила у двери. Их ждали: дверь сразу же распахнулась. Прелестная китайка в кимоно цвета мальвы с белыми цветами улыбнулась и поклонилась в лучших традициях восточного гостеприимства.

— Вот, Мэй, наконец-то они прибыли. Мистер и миссис Джон Брайс. Они, должно быть, совершенно без сил, поэтому проводи их сразу же в их комнаты, чтобы они поужинали и могли лечь спать. — Она обернулась к Бонду. — Это Мэй. Чудесная девушка. Она займется вами. Если вам что-нибудь будет нужно, позовите Мэй, она любимица всех наших пациентов.

«Пациентов, — подумал Бонд. — Она уже во второй раз употребила это слово». Он улыбнулся девушке: — Добрый день. Спасибо. Нам действительно очень хотелось бы пройти в наши комнаты.

Мэй широко улыбнулась им.

— Надеюсь, что у нас вам обоим будет хорошо, мистер Брайс. Я взяла на себя смелость заказать вам завтрак, как только узнала, что вы прибыли.

Двойные двери прямо перед ними вели в два коридора: налево и направо. Девушка повела их направо. Бонд и Ханичайл шли за ней, а за ними — сестра Лили. По обе стороны коридора виднелись двери с номерами. Здесь стены были светло-розовыми, а ковры — светло-серыми. В конце коридора рядом находились две двери: номер четырнадцать и номер пятнадцать. Мэй открыла дверь четырнадцатого номера, и они вошли.

Это был чудесный супружеский номер в современном стиле: темно-зеленые стены, темный пол из красного дерева, несколько толстых белых ковров и роскошная мебель из бамбука и атласа с большими красными розами на белом фоне. Одна дверь вела в гардероб, а другая — в потрясающую ванную. Все было как в какой-нибудь гостинице высшей категории во Флориде, за исключе-

нием двух особенностей: не было окон и у дверей не было ручек изнутри.

Бонд обернулся к Хани и улыбнулся ей.

— Очаровательно, как ты считаешь, дорогая?

Девушка теребила пальцами край юбки. Не глядя на него, она кивнула.

Послышался робкий стук в дверь, и другая девушка, такая же грациозная, как Мэй, вошла, неся поднос с едой. Она поставила его на стол в центре комнаты и придвинула два стула. Убрала накрывавшие поднос белоснежные салфетки и беззвучно выскользнула из комнаты. Они почувствовали дразнящий запах жареной ветчины и кофе.

Мэй и сестра Лили направились к двери. В дверях Лили остановилась:

— Теперь мы вас оставим одних. Если вам что-нибудь понадобится, звоните. Кнопки находятся около постели. Кстати, в гардеробе вы найдете одежду. К сожалению, только китайское платье, — добавила она, извиняясь, — но, надеюсь, что по размеру оно вам подойдет. Мы получили ваши размеры только вчера вечером. Доктор приказал, чтобы вас не беспокоили. Он был бы очень рад, если бы вы приняли его приглашение отужинать с ним сегодня вечером. Он хочет, чтобы весь этот день вы располагали собой, отдыхали. Понимаете? — Она подождала немного и затем взглянула на них с восторжительной улыбкой. — Я должна что-нибудь пересдать?

— Да, спасибо, — ответил Бонд. — Передайте доктору, что мы будем счастливы принять его приглашение.

— О, я уверена, что он будет очень рад. — Дверь закрылась.

Бонд обернулся к Ханичайл. Девушка была в явном замешательстве, и все еще избегала смотреть на него. Бонд подумал, что за всю жизнь ее так еще не принимали и она не видела столько роскоши. Для нее это, должно быть, было гораздо более странным и ужасным, чем то, что произошло там, снаружи. Словно дикарь Пятница она стояла, теребя юбку. На ее лице были видны следы пота, соли и пыли. Босые ноги были все в грязи, и Бонд заметил, что пальцы ее ног слегка двигались, погружаясь в мягкий ковер.

Бонд рассмеялся от удовольствия при мысли о том, что страх не уступил место основной проблеме — что надеть и как себя вести, а также, когда представил себе

на что они были похожи: она одета в лохмотья, а он — в замызганную голубую рубашку, черные брюки, заляпанные грязью.

Он подошел к ней и взял ее за руки. Они были, как лед.

— Хани, — сказал он, — мы похожи на пару пугал. — У нас сейчас только одна проблема: съесть завтрак сейчас же, пока он теплый, или же снять с себя все это, принять ванну, а затем позавтракать, когда все остынет? Давай пока ни о чем больше не думать. Мы здесь в этом прекрасном номере и ни о чем другом не будем заботиться.

Она неуверенно улыбнулась.

— Тебя не беспокоит то, что с нами будет? — Она указала вокруг себя. — Ты не думаешь, что это мышеловка?

— Если это мышеловка, мы в нее уже попались. Нам ничего не остается, как есть свой сыр. Нужно только решить: есть его теплым или холодным. — Он сжал ей руки. — Серьезно, Хани. Оставь мне все заботы. Подумай только, где мы были всего лишь час назад. Разве здесь не лучше? Решай: ванна или завтрак?

— Ну, если ты говоришь.., — пробормотала она неохотно, — я бы хотела сначала вымыться, но ты должен помочь мне, — спешно добавила она, указав в сторону ванной. — Я не умею обращаться со всеми этими штуками. Как это делается?

— Это довольно легко, — ответил Бонд без улыбки — Я тебе все приготовлю. Пока ты будешь принимать ванну, я позавтракаю, а твою часть сохраню в тепле. — Бонд подошел к шкафу и открыл его. Там находилось с полдюжины кимоно: одни шелковые, другие льняные. Он выбрал льняное. — Снимай свою одежду и надень вот это, а я пойду приготовлю ванну. А потом ты выберешь одежду для сна и ту, в которой пойдешь на ужин.

— Да, Джеймс, — ответила она с благодарностью, — если хочешь научить меня, как... — Она стала расстегивать рубашку.

Бонду вдруг сильно захотелось обнять ее и поцеловать. Однако он резко бросил:

— Хорошо, Хани, — и пошел в ванную открывать краны.

Ванная была снабжена всем необходимым: эссенция «Флорис лайн» для мужчин и соли «Герлен» для женщин. Бонд бросил кубик «Герлен» в воду, и в комнате

запахло, как в оранжерее. Мыло было «Флёр де Альп». В шкафчике с зеркалом над умывальником были зубные щетки, зубочистки, полоски шелка для полировки зубов, полоскание для горла «Роуз», аспирин и баночки с магнезией. Кроме того, электробритва, лосьон после бритья «Лентэрик», две нейлоновые щетки и две расчески. Все это было новым, ни разу не использованным. Бонд посмотрел в зеркало на свое грязное лицо с отросшей щетиной и улыбнулся своими серыми глазами, покрасневшими от солнца. Пилюля была очень хорошо подслащена, следовало ожидать, что внутри она будет очень горькой.

Когда он вновь наклонился над ванной, то почувствовал, как руки ее обвили его шею. Он выпрямился и увидел загорелое тело, четко выделявшееся на белоснежном фоне кафеля. Хани неловко с силой поцеловала его, а он прижал ее к себе, чувствуя, что сердце его бешено бьется.

— Мне было неловко в этом кимоно, — прошептала она ему на ухо, — ты ведь сказал, что мы муж и жена.

Девушка прижалась к нему.

«Почему бы и нет? Почему нет? Не будь идиотом. Ведь это совсем неподходящий момент. Мы оба в опасности. Нужно не терять голову, контролировать себя, чтобы найти выход из этой неприятной истории. Потом! Попозже! Не нужно поддаваться слабости». Бонд отодвинул ее от себя. Они обменялись долгим взглядом.

— Хани, немедленно в ванну, а то я тебя нашла-паю, — пробормотал он.

Она улыбнулась и, не сказав ни слова, залезла в ванну. Потом посмотрела на него.

— Ты должен вымыть меня, — сказала она с вызовом. — Я не знаю, как это делается.

— Тихо, Хани, — сказал в отчаянии Бонд. — И перестань кокетничать. Бери мыло и губку и давай три себя. Проклятье. Нашли время поворковать. Я пойду завтракать. — Он взялся за ручку двери.

— Джеймс! — ее голос остановил его. Он повернулся. Она показала ему язык. Он нахмурил брови и закрыл за собой дверь.

Чтобы разобраться во всем, он внимательно обследовал остальные два помещения в поисках выхода, микрофонов или того, что могло бы послужить оружием. Ничего не обнаружил. На стене висели электрические часы, показывавшие половину девятого, а рядом с супружеской

постелью находился целый ряд звонков с различными надписями: «Обслуживание в номере», «Парикмахер», «Маникюр», «Горничная». Телефона не было. Под потолком в углу виднелась вентиляционная решетка — бесполезно, слишком мала. Двери, похоже, были сделаны из металла и выкрашены в тот же цвет, что и стены. Он бросился на одну из них всем своим весом. Дверь не поддавалась ни на миллиметр. Бонд потер плечо. Это была тюрьма, но тюрьма роскошная. Спорить было бесполезно. Мышеловка захлопнулась у них за спиной. Единственное, что ему оставалось, это, действительно, съесть весь сыр.

Бонд уселся за стол. В серебряном ведерке с колотым льдом стоял большой стакан ананасового сока. Он выпил его и пододвинул к себе свое блюдо. Яичница на куске поджаренного хлеба, четыре ломтика бекона, жареные почки и колбаса. Кроме того, был еще жареный хлеб, хлеб, завернутый в салфетку, апельсиновый джем, земляника и мед. Рядом стоял большой термос с кофе, сливки были очень свежие.

Из ванной донесся голос девушки, напевавшей «Марион». Он отключился от этих звуков и принялся за яичницу. Спустя десять минут Бонд услышал, как открылась дверь ванной комнаты. Он сейчас же отложил жареный хлеб и джем и закрыл глаза руками. Она рассмеялась:

— Какой трус. Ты боишься беззащитной девушки. — Бонд услышал, что она роется в шкафу, продолжая бормотать про себя: — Интересно, почему он боится? Конечно, если мы станем бороться, я его легко одолею. Наверное, этого-то он и боится. Наверное, он не слишком-то крепкий. Хотя по его рукам и по груди этого не скажешь, но всего остального я не видела. У него, может быть, рахит. Да, наверное, это так. Вот почему у него не хватает храбрости раздеться у меня на глазах. Так, посмотрим, понравится ли ему вот это. — Голос ее стал громче. — Джеймс, дорогой, тебя устроит белое кимоно, все усеянное голубыми птичками?

— Да, черт возьми, — пробормотал Бонд сквозь ладони. — А теперь перестань болтать и садись завтракать. Меня клонит ко сну.

— О, — воскликнула она, — если ты хочешь сказать, что пора ложиться в постель, я бегом.

Бонд услышал, что она подбежала к столу и уселась напротив него. Он опустил руки. Она улыбалась ему. Она была прекрасна. Хорошо расчесанные волосы с од-

ной стороны прикрывали ей щеку, а с другой были заколоты за ухом. Ее кожа сверкала свежестью, а большие голубые глаза счастливо светились. Теперь Бонд почувствовал, что любит этот сломанный нос. Он свыкся с ним настолько, что внезапно подумал, что ему бы не понравилось, если бы она была так же прекрасна и без недостатков, как другие красивые девушки. Но он знал, что было бы бесполезно пытаться убедить ее в этом. Она сидела, скромно сложив руки, в глубоком вырезе виднелись ее груди и изгиб живота.

— Послушай, Хани, — строго сказал Бонд, — ты неотразима, но кимоно так не носят. Запахни его, ради бога, и перестань провоцировать меня. Воспитанные люди не делают этого за завтраком.

— Ох, какой зануда, — пробормотала она, запахивая на несколько сантиметров кимоно. — Почему ты не хочешь поиграть? Мне хочется поиграть в мужа и жену.

— Но не во время же завтрака, — твердо ответил Бонд. — Сначала ешь. Это все деликатесы. А потом я отвратительно грязный. Мне нужно побриться и принять ванну. — Он встал, обошел стол и поцеловал ее в волосы. — Что касается игры, мне очень хотелось бы, но не сейчас.

Не дожидаясь ответа он прошел в ванную и закрыл дверь. Бонд побрился и встал под душ. Страшная сонливость навалилась на него. Когда он захотел почистить зубы, это ему с трудом удалось. Он понял: ему подсыпали снотворное. В кофе или в ананасовый сок? Неважно. Единственное, чего он хотел, это лечь и закрыть глаза. Забыв о том, что раздел, он, покачиваясь, открыл дверь. Девушка уже лежала в постели. Цепляясь за мебель, Бонд подошел к ней. Кимоно валялось на полу. Хани спала глубоким сном, голая, под одной простыней.

Бонд рассеянно посмотрел на пустовавшее место рядом с ней. Нет! Он нащупал выключатель и погасил свет. Теперь ему приходилось ползти по полу, чтобы добраться до другой комнаты. Он дополз до кровати и забрался на нее. Протянул руку, чтобы погасить лампу, стоявшую на тумбочке. Но рука уже не повиновалась ему, и лампа полетела на пол, разбившись на куски. Последним усилием Бонд повернулся на бок и погрузился в сон.

Светящиеся цифры электрических часов в другой комнате показывали половину десятого.

В десять дверь семейного номера бесшумно открылась. На пороге показалась очень высокая и тонкая фигура. Это был мужчина ростом по меньшей мере метр девяносто пять. Он застыл на пороге, скрестив руки, и прислушался. Удовлетворенный, он вошел в комнату, подошел к кровати и наклонился, прислушиваясь к спокойному дыханию девушки. Затем включил фонарик, который был закреплен у него на груди. Яркий свет разлился широким лучом. Человек наклонился, освещая лицо девушки.

Он рассматривал его довольно долго. Затем протянул руку, взялся за простыню и плавно откинул ее к изножью кровати. Но это была не рука. Это была пара стальных зажимов, соединенных вместе и закрепленных на металлической конструкции, спрятанной в рукаве из черного шелка. Протез.

Человек осмотрел все обнаженное тело, освещая его сантиметр за сантиметром. Затем плавно накрыл девушку простыней. Еще несколько мгновений он смотрел на лицо спящей, потом погасил фонарь и бесшумно прошел в соседнюю комнату, где спал Бонд.

У его постели человек задержался подольше. Он осмотрел каждую черточку, каждую тень его загорелого лица, которое могло показаться жестоким. Посчитал пульс на шейной артерии, снял простыню, посчитал пульс по биению сердца. Оценил мускулы рук и бедер Бонда, задумчиво осмотрев его мощную грудную клетку. Наконец, он нагнулся и рассмотрел на раскрытой левой руке линии жизни и судьбы.

С превеликой осторожностью стальные зажимы укрыли Бонда простыней до подбородка. Еще с минуту высокая фигура оставалась неподвижной около спящего, потом беззвучно выскользнула в коридор, и дверь с легким щелчком закрылась.

14. ДОКТОР «NO»

Электрические часы в проходной комнате, погруженной во мрак и спрятанной в глубине горы, показывали половину пятого.

Снаружи, на горе, на Крэб Кэй начинался новый день, среди духоты и зловония. В восточной части острова множество птиц: цапли простые и белые, пеликаны, фламинго и редкие розовые аисты — продолжали строить

гнезда и ловить рыбу в мелких водах озера. В том году птиц так часто беспокоили, что большинство их не хотело вить гнезда. В последние месяцы чудовище, во время своих почных вылазок, испепелило места их обитания. В этом году у большинства из них не будет потомства. Они попытаются покинуть остров, и многие погибнут из-за массовой истерии, которая поражает колонии птиц, откуда уходят мир и покой.

На другом конце острова, в карьере, где добывали птичий помет, который придавал горе заснеженный вид, крупная колония бакланов провела свой обычный день, обедаясь рыбой и обогатив своего хозяина и защитника кучкой драгоценного удобрения. У них период гнездования прошел спокойно. Они шумно суетились около своих гнезд — грязных куч сухих веток. Кучки были расположены ровно, в шестидесяти сантиметрах одна от другой, потому что бакланы — очень драчливая птица, и эти шестидесятисантиметровые ринги были предназначены для схваток. Вскоре самки отложили по три яйца, которые в среднем увеличат достояние хозяина еще на две птицы.

У вершины, где начинались выработки, сотня негров, мужчин и женщин, работавших в карьере, заканчивали свою рабочую смену. Еще пятьдесят кубометров удобрений было добыто из склона горы, и еще двадцать метров прибавилось в земляной насыпи. Еще ниже по горе спустились террасы, как виноградники в Италии, с той лишь разницей, что здесь не рос виноград, а были только выжженные плоскости террас, глубоко врезавшиеся в склон горы. Здесь, в отличие от запаха природного газа, который чувствовался в других частях острова, резко пахло аммиаком, и сильный ветер, который высушивал выработки, гнал тучи бело-коричневой пыли, забивавшей глаза и уши рабочих. Но они уже привыкли к воню и пыли, и для них эта работа была легкой и здоровой. Они не жаловались.

Последнюю партию груза отправили вниз по узкоколейке, серпантинном спускавшейся по склону. Прозвучал гудок, и работники, взяв на плечи грубые мотыги, лениво поплелись в свои бараки, окруженные колючей проволокой, по которой шел ток высокого напряжения. На следующий день, как это бывает ежемесячно, в глубокие воды у мола, который они построили десять лет назад и с тех пор ни разу его не видели, войдет корабль. Он доставит продукты, товары и безделушки для лавки.

Наступит праздник, с ромом, танцами и потасовками. Жизнь прекрасна!

Жизнь прекрасна и для служащих — негров китайского происхождения, как те, что преследовали Бонда, Куоррела и девушку. Они тоже закончили работу в гараже, в мастерских и на сторожевых постах и перешли в «официальные» кварталы.

Для большинства из них, за исключением занятых в нарядах охраны и на погрузке, завтрашний день тоже будет выходным. Они тоже будут пить и танцевать, ожидается также ежемесячное поступление новой партии девушек «из внутренних районов». Одни «браки», заключенные месяц назад, продлятся еще на несколько месяцев или недель, если того пожелает «муж», для других же настанет время нового выбора. Некоторые из молодых женщин, отдав своих детей в приют, вернутся, чтобы отработать «снаружи» очередную смену, но будут и девушки, поднявшиеся наверх впервые. За них будут драться, прольется кровь, но в конце концов в кварталах служащих все успокоится еще на месяц совместной жизни — каждому достанется женщина, которая будет за ним ухаживать.

В прохладном сердце горы, вдали от размеренной жизни, текущей наверху, Бонд проснулся в своей удобной постели. Несмотря на легкую головную боль, вызванную снотворным, он чувствовал себя отдохнувшим и в форме. В комнате девушки горел свет, и он слышал, что она не спит. Он выскользнул из постели и, стараясь не наступить на осколки лампы, подошел к шкафу. Надел первое попавшееся кимоно и приблизился к двери. Хани разложила на постели несколько кимоно и примеряла их перед большим настенным зеркалом.

— А, это ты! — Хани улыбнулась. — Я думала, что ты никогда не проснешься. Я уже не раз ходила на тебя смотреть. Думала разбудить тебя в пять. Сейчас половина пятого, и я хочу есть. Мы можем что-нибудь поесть?

— Конечно, — Бонд подошел к кровати. Проходя мимо Хани, он обнял ее за талию и увлек за собой. Он осмотрел звонки и выбрал тот, над которым было написано «Обслуживание в номере». Потом сказал:

— Давай позвоним и в другие. Гулять — так гулять. — Она рассмеялась. — Хорошо, но что такое маникюр?

— Это когда тебе приводят в порядок ногти. Нам

нужно привести себя в полный порядок перед встречей с доктором. — На самом деле Бонд думал, что необходимо занять хоть какое-нибудь оружие. Ножницы были лучше, чем ничего. Он нажал другие две кнопки. Затем отпустил девушку и осмотрелся. Пока они спали, кто-то унес поднос с остатками завтрака. На буфете стоял поднос с бутылками и стаканами. Бонд подошел посмотреть. Тут было все что угодно. Среди бутылок — два меню большого формата на двух листах. Такие могли быть в ресторане «Сэвой грил», или в «21», или в «Тур д'Аржан». Меню начиналось с двойной белужьей икры и заканчивалось щербетом с шампанским. Между ними — блюда, которые можно было приготовить из мороженых продуктов. Бонд положил меню на место. Да, на сыр, который предлагали в мышеловке, нельзя было пожаловаться!

Кто-то постучал, и вошли Мэй и еще две щебечущие китаянки. Оборвав поток их формальных любезностей, Бонд заказал чай, жареный хлеб и масло для Ханичайл, попросив также, чтобы они привели ей в порядок ногти и волосы. Затем пошел в ванную, принял пару таблеток аспирина и встал под душ. Затем вновь надел кимоно, недовольно отметив, какой идиотский вид у него в этой одежде, и вернулся в комнату. Сияющая Мэй спросила его: не будет ли он так любезен выбрать то, что он и миссис Брайс закажут на ужин. Бонд заказал для себя икру, жареную отбивную из барашка, салат и устрицы; а для Ханичайл выбрал дыню, жареного цыпленка по-английски и ванильное мороженое с горячим шоколадом.

Мэй радостно одобрила его выбор, при улыбке у нее появились ямочки на щеках.

— Доктор «NO» хотел бы знать, устроит ли вас без четверти восемь?

Бонд лаконично согласился.

— Очень вам благодарна, мистер Брайс. Я зайду за вами в семь сорок четыре.

Бонд прошел в комнату, где парикмахер и маникюрша занимались Хани. Изящные пальцы летали над волосами и над ногтями девушки. Хани воодушевленно улыбнулась ему в зеркале.

— Не дай им сделать из тебя обезьяну, — пробормотал он, подходя к подносу. Налил себе хорошую порцию бурбона с содой и унес стакан в свою комнату. Хорошая была мысль завладеть оружием: ножницы и пилоч-

ки для ногтей были прикреплены цепочкой к поясу маникюрши, то же самое было с пожницами парикмахерши. Бонд уселся на неубранную постель и погрузился в размышления.

Женщины ушли. Девушка показалась на пороге. Увидев, что он не поднимает головы, она ушла, оставив его одного. Вскоре Бонд вернулся в другую комнату и наполнил свой стакан. Он машинально сказал:

— Ты прекрасна. — Бросил взгляд на часы, вернулся в свою комнату, осушил стакан и переоделся в другое из этих идиотских кимоно, совершенно черное.

В назначенный час послышался слабый стук в дверь, и они вышли в коридор. Мэй остановилась у лифта, его створки открыла другая китаянка. Они вошли, и двери закрылись. Бонд заметил, что лифт был фирмы «Уэйгуд Отис». В этой тюрьме все было шикарно. Его передернуло от отвращения. Хани заметила это. Он обернулся к ней и сказал:

— Извини, у меня немного болит голова. — Он не хотел говорить ей, что вся эта роскошь озадачила его, и что у него не было ни малейшего представления о том, что стояло за этой пышностью, и о том, как они могут выбраться отсюда. Это было хуже всего. Ничто так не угнетало его, как отсутствие плана нападения или защиты.

Девушка приблизилась к нему.

— Мне очень жаль, Джеймс, — прошептала она. — Надеюсь, что это быстро пройдет. Ты на меня не сердишься?

Бонд попытался улыбнуться.

— Нет, дорогая, — ответил он. — Я сержусь на самого себя. — Он понизил голос: — Сегодня вечером говорить буду я. Веди себя естественно и не бойся доктора «NO». Возможно, он полубезумен.

Она торжественно пообещала:

— Я сделаю все, что в моих силах.

Бонд не представлял себе, на сколько метров они спустились вниз: тридцать, шестьдесят? Автоматические двери открылись с легким свистом, и они оказались в большом зале.

Он был пуст: около восемнадцати метров в длину, стены с трех сторон были закрыты книжными полками, поднимавшимися до потолка. На первый взгляд казалось, что четвертая стена была сделана из толстого стекла темно-синего цвета. Комната была похожа на ка-

бинет или библиотеку. В углу стоял письменный стол, заваленный бумагами, а в центре — стол, на котором лежали газеты и журналы. Повсюду расставлены кресла, обтянутые красной кожей. Ковер был темно-зеленого цвета, а свет — рассеянным. Единственной странной вещью в обстановке был передвижной бар, который перемещался вдоль стеклянной стены, а около него полукругом были расставлены кресла, столики и пепельницы. Таким образом, голая стена становилась как бы центром комнаты. Взгляд Бонда поймал мимолетное движение в этом темном стекле. Он пересек комнату. Серебристая рыбка, преследуемая другой, побольше, промелькнула по синему полю. Что это было? Аквариум? Бонд поднял взгляд к потолку: метром ниже белые волны пенились, разбиваясь о стекло. А над водой — полоска серо-голубого цвета, усеянного огоньками. Среди них он узнал созвездие Ориона. Это был не аквариум. Это было море и ночное небо. Вся стена комнаты была из стекла. Они находились на шесть метров ниже уровня моря и могли наблюдать его тайный мир.

Бонд и девушка были потрясены. Разглядывая эту сцену, они заметили два больших, широко раскрытых глаза. Сверкающая золотистая голова и длинное тело мгновенно промелькнули и исчезли. Стайка золотистых рыбок задержалась на мгновение и умчалась прочь. Шестиметровые щупальца большого осьминога медленно двигались вдоль стены, приобретая под освещением, льющим из комнаты, лиловый оттенок. Выше виднелся темный массив его брюха и контуры надутого пузыря. Среди подводной растительности виднелись разноцветные рыбы, большие и маленькие. Длинная темная тень остановилась посередине окна, а затем медленно удалилась. Хорошо бы было видеть еще дальше! Бонду показалось восхитительным жить вот так, непрерывно наблюдая эту постоянно меняющуюся картину.

Как бы выполняя его желание, с обеих сторон экрана ударили два мощных световых луча и сошлись на удаляющейся тени, осветив во всех подробностях огромное тело трехметровой акулы, затем огни погасли. Бонд медленно обернулся. Он ожидал увидеть доктора «NO», но комната была по-прежнему пуста. После захватывающих чудес по ту сторону стекла она казалась статичной и безжизненной. Он вновь повернулся к морю. Какой это, должно быть, потрясающий спектакль при свете дня, когда можно различить любую деталь на расстоя-

нии шести метров, а может быть и больше! А в бурю, когда волны с шумом разбиваются о стекло, то опускаясь почти до пола, то скрывая все из вида? А вечером, когда последние солнечные лучи золотят верхнюю часть комнаты, а вода внизу кишит морскими обитателями? Такая фантастическая идея могла прийти в голову только совершенно необыкновенному человеку, а какое чудесное инженерное воплощение! Как им удалось это сделать? Решение могло быть только одно. Они должны были построить стеклянную стену внутри скалы, а затем осторожно слой за слоем удалять гранитный слой, который отделял ее от моря. Какой толщины было это стекло? Кто его сделал? И как его доставили на остров? Сколько водолазов над этим работали? И, боже ты мой, сколько это могло стоить?

— Миллион долларов.

Голос был низкий, глухой, с легким американским акцентом.

Бонд медленно повернулся, неохотно отрывая взгляд от стеклянной стены.

Доктор «NO» вошел в дверь позади письменного стола. С легкой улыбкой он дружелюбно смотрел на них.

— Я думаю, вы хотели узнать, сколько это стоит. Обычно мои гости приходят к этим практическим размышлениям минут через пятнадцать. Так ведь?

— Именно так.

Все еще улыбаясь (Бонду придется привыкнуть к этой тонкой улыбке одними губами), доктор отошел от письменного стола и подошел к ним. Казалось, что он скользит по полу, а не идет. Под серо-стальным шелком кимоно незаметны были движения ног, а из-под подола невидны были туфли.

Первыми впечатлениями Бонда о докторе были худоба, жесткость и высокий рост. Ростом доктор «NO» был, по крайней мере, на пятнадцать сантиметров выше, чем Бонд, но из-за того, что он держался очень прямо, казался еще выше. Лицо тоже было вытянутым и «выпирало» на очень круглом и совершенно лысом черепе. Оно оканчивалось маленьким подбородком, делавшим его похожим на перевернутую дождевую каплю, а точнее, на каплю оливкового масла — такой желтой была его кожа.

Определить возраст доктора «NO» было невозможно. Морщин на лице не было, даже щеки, глубоко запавшие под выпуклыми выдающимися и высокими скулами, были гладкими, как слоновая кость. Брови как у Сальва-

тора Дали были тонкими, черными, сильно изогнутыми, будто на лице загримированного фокусника. Под ними — очень черные блестящие глаза, совершенно лишенные ресниц. Они без всякого выражения и движения смотрели прямо перед собой, как дула двух маленьких револьверов. Тонкий нос нависал над широким и тонко очерченным ртом, который, несмотря на неизменную улыбку, говорил о жестокости и властности. Невыразительный, как потом заметил Бонд, подбородок был слегка сдвинут в сторону, указывая на то, что шейные позвонки были малоподвижны. Эта странная высокая фигура имела сходство с огромной ядовитой гусеницей, одетой в металлический панцирь. Бонд совсем не удивился, если бы увидел, как нижняя липкая часть ее ползет по полу. Доктор «NO» подошел и остановился в трех метрах от них.

— Извините, что я вам не подаю руки, — сухо сказал он, — но я не могу этого сделать. — Он медленно приподнял рукава. — У меня нет рук.

Обнажились два стальных захвата, прикрепленных к сверкающему запястью. Чтобы они могли рассмотреть, он вытянул их по направлению к ним, словно передние ноги кузнечика. Затем они вновь скрылись в рукавах и скрестились на груди.

Бонд почувствовал, что Хани вздрогнула.

Черные глаза доктора остановились на ней, рассматривая сломанный нос.

— Какое несчастье, — сказал он бесстрастно. Его взгляд вновь уперся в Бонда. — Вы рассматривали мой аквариум. — Это было утверждение, а не вопрос. — Людям нравится наблюдать за млекопитающими или птицами. Мне захотелось наблюдать также и за рыбами. Мне они кажутся разнообразнее и интереснее. Я уверен, что вы разделяете мое увлечение.

— Я поздравляю вас, — пробормотал Бонд. — Я никогда не забуду эту комнату.

— Никогда. — Это тоже было утверждение, в котором чувствовалась легкая ирония. — Нам нужно о многом поговорить. У нас мало времени. Устраивайтесь. Хотите что-нибудь выпить? Сигареты рядом с вами.

Доктор «NO» подошел к кожаному креслу и уселся в него. Бонд сел в кресло перед ним, а девушка сидела между ними немного в стороне.

Бонд заметил движение за своей спиной и полуобернулся. Невысокий, но с фигурой борца, негр китайского

происхождения стоял у бара. На нем были черные брюки и белый смокинг. Черные миндалевидные глаза на круглом лице равнодушно встретили взгляд Бонда и перешли на другой предмет. — Это мой телохранитель, — объяснил доктор «НО». — Он специалист в разных областях. Нет ничего удивительного в его внезапном появлении. Я всегда ношу с собой маленький передатчик, — объяснил он, указав подбородком себе на грудь. — Таким образом я могу позвать его, когда он мне нужен. Что будет пить девушка?

Он не сказал: ваша жена. Бонд взглянул на Ханичайл. Она широко раскрыла глаза, но ответила тихим голосом:

— Кока-Колу. Спасибо.

Бонд с облегчением улыбнулся. По крайней мере, весь этот спектакль не напугал ее. — А я выпью водки с сухим Мартини и ломтиком лимона. Взболтать, но не размешивать. Я предпочитаю русскую или польскую водку.

В тонкой улыбке доктора «НО» появилась новая складка.

— Я вижу, что вы тоже знаете, чего хотите. Во всяком случае, ваши желания исполнятся. Вы не находите, что вообще всегда бывает так? То есть, когда вы чего-то хотите, вы это получаете. По крайней мере, мой опыт убеждает меня в этом.

— В мелочах, да.

— Если вам не удаются большие вещи, значит у вас нет больших претензий. Мне так кажется. Вот и все. А средства найдутся и отношения сложатся потом. Дайте мне точку опоры, и я переверну мир — это верно лишь в том случае, если есть действительно желание перевернуть мир. — Края тонких губ слегка опустились. — Но это бесполезная болтовня. Давайте лучше перейдем к обсуждению. Я уверен, что вы оба не против. Вам нравится Мартини? У вас есть сигареты? Отлично. Сэм-Сэм, поставь шейкер рядом с мистером и подай мисс еще одну бутылку Кока-Колы. Сейчас, должно быть, десять минут девятого. Ужин ровно в девять.

Доктор «НО» слегка выпрямился в своем кресле. Он наклонился вперед и пристально посмотрел на Бонда. На мгновение в комнате воцарилась тишина. Затем доктор сказал:

— А теперь, Джеймс Бонд, агент Секретной службы, давайте поделимся нашими секретами. Сначала, чтобы

показать вам, что мне нечего скрывать, я раскрою вам мои. А затем вы мне расскажете о ваших. — Его глаза сверкнули. — Но давайте говорить друг другу правду. — Он поднял один из зажимов, служивших ему вместо рук. — Я поступлю, как сказал. И вы должны последовать моему примеру. Иначе, вот они, — он указал на свои глаза, — подскажут мне, что вы лжете, — добавил он.

15. СОСУД ПАНДОРЫ

Джеймс Бонд взял стакан и в задумчивости сделал глоток. Продолжать притворяться было бесполезно. Его легенда, связанная с обществом «Одубон», была ненадежна, и любой человек, хотя немного разбирающийся в птицах, мог разоблачить его. Ясно было, что его «прикрытие» разлетелось на кусочки. Он должен сделать все возможное, чтобы защитить девушку. Сначала нужно приободрить ее.

Бонд улыбнулся доктору.

— Я узнал вашего агента в Книг Хауз — мисс Таро. Я знаю, что она из ваших людей. Я отметил этот факт и сообщу о нем, при определенных обстоятельствах, и о ряде других фактов. — Лицо доктора «НО» не выражало никакого интереса. — Однако, если нам предстоит поговорить, давайте сделаем это без лишних сценических эффектов. Вы — интересный человек. Но не следует пытаться казаться более интересным, чем вы есть на самом деле. Многие инвалиды войны пользуются протезами. Вы носите контактные линзы вместо очков. Используете радиопередатчик вместо звонка, чтобы вызвать слугу. Уверен, что у вас есть и другие хитрые штучки. Но все равно, доктор, вы остаетесь человеком, который ест, пьет и спит, как и все остальные. Поэтому довольно этих игрушек, которые тешат ваше тщеславие.

Доктор «НО» легонько кивнул.

— Храбрая речь, мистер Бонд. Я готов с вами согласиться. Наверное, я слишком долго жил среди этих обезьян, чем и вызвана эта, раздражающая вас, манерность. Но это не просто попытка пустить пыль в глаза. Я — специалист. Подбираю инструменты к материалу. У меня есть много инструментов для неподатливого материала. Однако, — доктор слегка пожал плечами, — продолжим наш разговор. Я рад встретить умного собеседника, это редкое удовольствие. И поэтому я с радо-

стью расскажу вам историю одного из самых замечательных людей, существующих на свете. Вы будете первым, кто ее услышит. Я ее никогда не рассказывал. Вы — единственный человек среди всех, кого я встречал, кто в состоянии оценить ее и, — доктор сделал паузу, чтобы подчеркнуть значение последовавших слов, — не предать ее огласке. — Он добавил. — Это относится и к девушке.

Такая вот складывалась ситуация. У Бонда почти не было сомнений, чего тот добивается с тех пор, как их обстреляли из пулемета, и даже раньше — на Ямайке, когда покушения на него стали такими открытыми. С самого начала Бонд почувствовал, что человек этот — убийца, и что борьба будет не на жизнь, а на смерть. Как всегда, он был уверен, что выйдет победителем, до тех пор, пока не увидел нацеленный на себя ствол огнемета. Тогда начались сомнения. Теперь он был уверен. Этот человек слишком силен, слишком хорошо подготовлен.

— Девушке ни к чему это слушать, — сказал Бонд. — Она не имеет ко мне никакого отношения. Я встретил ее вчера на пляже. Она с Ямайки, живет в Порт Моргане. Она собирает раковины. Ваши люди разбили ее лодку, и мне пришлось взять ее с собой. Нужно отправить ее домой. Она ничего не расскажет. Она даст вам честное слово.

Хани решительно прервала его:

— Нет, я все расскажу. Я не собираюсь уходить отсюда. Я хочу остаться с тобой.

Бонд посмотрел на нее.

— Ты мне не нужна, — сказал он ледяным тоном.

— Не тратьте время на героические жесты, — кротко произнес доктор «НО». — Никто из тех, кто попал на этот остров, не смог его покинуть. Вы понимаете? Никто. Даже самый последний рыбак. Это не входит в мои планы. Не спорьте со мной и не старайтесь меня обмануть. Это совершенно бесполезно.

Бонд посмотрел ему в лицо: на нем не было заметно ни злобы, ни ожесточения, одно только величайшее безразличие. Он поежился, потом повернулся к девушке и улыбнулся.

— Хорошо, Хани. Я пошутил. Было бы очень жаль, если бы ты ушла. Давай останемся вместе и послушаем, что нам хочет рассказать этот маньяк.

Девушка согласилась с довольным видом. Как будто бы в каком-то фильме влюбленный вдруг ни с того ни с сего пригрозил оставить свою возлюбленную и вдруг передумал.

— Вы правы, мистер Бонд, — продолжил доктор приятным и звонким голосом, — я — маньяк. Все великие люди — маньяки. Они — жертвы безумия, которое влечет их к цели. Великие ученые, философы, религиозные вожди — все они маньяки. Что, кроме ослепления одним-единственным устремлением, могло бы высечь в них искру гения, заставляя идти по этому единственному пути? Безумие, мистер Бонд, также бесценно, как и гениальность. Разбазаривание энергии, фрагментарность взглядов, быстро угасающий порыв, непостоянство — все это недостатки, свойственные толпе. — Доктор «НО» слегка отклонился назад. — Я их лишен. Я, как вы справедливо заметили, мистер Бонд, маньяк власти. В этом — смысл моей жизни. Поэтому я сейчас здесь. Поэтому вы здесь. Поэтому и существует это место.

Бонд осушил свой стакан. Затем вновь наполнил его из шейкера.

— На самом деле, это меня не удивляет, — сказал он. — Обычная история: один убежден, что он английский король, другой — президент Соединенных Штатов, а то еще и бог. Сумасшедшие дома полны таких людей. Единственная разница между ними и вами в том, что вместо того, чтобы быть запертым где-нибудь в другом месте, вы построили себе здесь ваш собственный сумасшедший дом и заперли себя в нем сами. Но почему? Почему, находясь здесь, в этой тюрьме, вы воображаете, что обладаете властью?

Изгиб тонких губ выдал раздражение.

— Мистер Бонд, власть — это суверенитет. Первый принцип Клаузевица гласит: «Необходима надежная основа». С нее начинается свобода действий. Имея и то и другое, мы получаем суверенитет. Я добился и этого и многого другого. Ни у кого на свете нет этого в той мере, как у меня. И не может быть. Мир слишком обобществлен. А то, о чем я говорю, может быть обеспечено только уединением. Вы говорите, короли и президенты. Какая у них власть? Только та, которой их наделяет собственный народ. Кто в мире может распоряжаться самой жизнью своего народа? Теперь, после смерти Сталина, вы можете мне назвать хоть одно имя, кроме моего? А почему я обладаю такой властью, таким суверени-

тетом? Благодаря уединению. Благодаря тому, что никто об этом не знает. Благодаря тому, что я ни перед кем не должен отчитываться.

Бонд пожал плечами.

— Это только иллюзия власти, доктор. Любой человек с заряженным пистолетом может распоряжаться жизнью ближнего. Многие убивали тайком, это им удавалось. Но в итоге они получают то, чего заслуживают. Власть, именем которой карает их общество, больше, чем их личная власть. То же произойдет и с вами, доктор. Ваши поиски власти — это иллюзия, потому что сама власть — это иллюзия.

— То же самое относится к красоте, мистер Бонд, — спокойно возразил доктор «НО». — И к искусству, к деньгам, к смерти. И, наверное, к жизни. Все это относительные понятия. Ваша словесная эквилибристика меня не трогает. Думаю, что я знаю философию, этику, логику лучше, чем вы. Но оставим этот бесполезный спор. Вернемся к отправной точке, к моей мании власти, или, как вы говорите, иллюзии власти. Прошу вас, мистер Бонд, — в его заученной улыбке еще раз появилась дополнительная складка, — не думайте, что полчаса разговора с вами могут изменить весь план моей жизни. Сосредоточьтесь лучше на истории моего, так сказать, впадения в иллюзию.

— Продолжайте. — Бонд бросил взгляд на девушку. Она поймала его взгляд и поднесла руку ко рту, как будто скрывая зевок. Бонд широко улыбнулся ей. Он спросил себя, когда доктор «НО» решит поразвлечься, положив конец ее показному безразличию.

— Я постараюсь не надоесть вам, — дружелюбно продолжил доктор. — Факты ведь гораздо интереснее, чем теория, правда? — Он не ждал ответа. Взгляд его остановился на элегантно рыбки, остановившейся на средней высоте за стеклянной стеной. Несколько серебристых рыбок промелькнули в темноте. Сноп голубоватого свечения, медленно извиваясь, перемещался вдоль стекла. Звезды на потолке казались сквозь стекло еще ярче. Видны были облака. Внезапно вся искусственность происходящего в комнате: трое людей, сидящих в удобных креслах, стаканы и бутылки под рукой, толстый ковер, приглушенный свет — показалась Бонду смешной. Даже ее драматизм и опасность немного значили рядом с моллюсками, перемещавшимися за стеклом. А если оно лопнет из-за неправильных расчетов или плохо

выполненной работы? Вдруг море надавит на стекло сильнее, чем это предусмотрено?

Доктор «НО» продолжил:

— Я родился в Пекине и являюсь единственным и незаконнорожденным сыном немецкого миссионера-методиста и китайской девушки из хорошей семьи. Я был им помехой, и поэтому меня препоручили заботам тетки моей матери. Никакой любви, понимаете, мистер Бонд, никакого семейного тепла. Семя было брошено. Я отправился на работу в Шанхай и познакомился с тонгами, с их незаконной деятельностью. Мне нравились кражи, убийства, поджоги застрахованного имущества. Всем этим я как бы бросал вызов отцу, который меня бросил. Мне нравились смерть и уничтожение людей и вещей. Моя преступная техника, если так можно сказать, совершенствовалась.

Затем дела пошли плохо и пришлось уйти. Но тонги считали меня слишком полезным, чтобы убить. Я нелегально перебрался в Соединенные Штаты. Меня снабдили рекомендательным письмом к одному из наиболее могущественных тонгов в Америке. Его зовут Хип Сингз. Я так никогда и не узнал, что было написано в том письме, но меня сразу же назначили его личным секретарем. Затем, когда мне исполнилось тридцать лет, меня сделали казначеем. В казне было более миллиона долларов. Такая сумма казалась мне очень привлекательной. Затем между тонгами вспыхнула большая война в двадцатых годах. Сразились два великих тонга Нью-Йорка: мой Хип Сингз и наш соперник Он Ли Онгз. В течение нескольких недель сотни людей были убиты с одной и с другой стороны, их дома и имущество сожжены. Это было время пыток, убийств и поджогов, в которых я участвовал с радостью. Затем вмешалась полиция. Была мобилизована почти вся полиция Нью-Йорка. Ей удалось изолировать две большие подпольные армии, генеральные штабы тонгов подверглись налетам полиции, а их главарей отправили в тюрьму. Меня предупредили о приближавшемся налете. За несколько часов до него я забрал все деньги, превратил в золото весь этот миллион долларов, сбежал в Гарлем и спрятался. Это было глупостью. Нужно было бежать из Америки и прятаться в самом отдаленном уголке Земли. Даже из камср Синг-Синга главарям моего тонга удалось достать меня.

Они пришли ночью и схватили меня. Меня пытали, но я не сказал, где я спрятал золото. Меня пытали всю

ночь. Затем, когда они увидели, что я уже не могу говорить, они отрубили мне руки, чтобы по моему трупу было понятно, что я вор, выстрелили мне в сердце и ушли. Но одного они не знали. Я принадлежу к тем немногим людям, у которых сердце находится с правой стороны. Я думаю, что таких один на миллион. Я выжил. Благодаря своей силе воли я пережил хирургическую операцию и через несколько долгих месяцев вышел из больницы. И все это время я только и делал, что строил планы, как сбегать с этими деньгами, как сохранить их и что с ними делать.

Доктор «NO» остановился. Его виски слегка покраснели. Воспоминания взволновали его. На мгновение он закрыл глаза, беря себя в руки.

«Может быть сейчас? — подумал Бонд. — Брошусь на него и убью? Можно разбить стакан и ударить его осколком стекла?»

Глаза вновь открылись.

— Я вам не надоел? Мне показалось, что вы думаете о чем-то другом.

— Нет. — Благоприятный момент был упущен. Будет ли другой? Бонд прикинул длину прыжка, заметил, что воротник кимоно не закрывает сонную артерию.

Тонкие губы доктора «NO» вновь раскрылись, и он продолжил рассказ.

— Решение, которое я принял, было ясным и четким. Когда меня выписали из больницы, я пошел в магазин Зильберштейна, крупнейшего торговца марками в Нью-Йорке. Я купил всего один клэссер, но в нем были самые дорогие в мире марки. Все свое золото я вложил в марки. Я предвидел, что будет мировая война, и знал, что наступит инфляция. Я знал, что лучшие марки возрастут в цене или, по крайней мере, сохранят ее.

Одновременно я изменил свою внешность. С помощью радикальной депиляции я вывел все волосы, с помощью пластической операции я сделал нос тоньше, рот шире, изменил форму губ. Поскольку нельзя было стать ниже ростом, я увеличил свой рост. Туфли на толстой подошве. Недели вертикального растяжения. Я изменил походку. Отказался от протезов, стал использовать восковые руки в перчатках. Взял имя Джулиус «NO»: Джулиус — это имя моего отца, а «NO» — это означало, что я отвергаю его и любой другой авторитет. Я снял очки, заменил их контактными линзами. Это тогда было в новинку.

Затем я отправился в Милуоки, где нет китайцев, и поступил на медицинский факультет. Я затерялся в студенческой среде и погрузился в изучение человеческого тела и ума. Почему? Потому что я хотел знать, на что годится та глина, из которой мы сделаны. Я должен был знать, какими инструментами я располагаю, прежде чем использовать их для достижения следующей моей цели: полного освобождения от физической слабости, от материальных опасностей и риска. Мне предстояло перейти к достижению власти. Власти делать с другими то, что было сделано со мной. Власти над жизнью людей. Власти решать, судить. Власти, абсолютно ни от кого не зависящей. Ибо в этом, мистер Бонд, нравится вам или нет, и состоит сущность мирской власти.

Бонд взял шейкер и в третий раз наполнил стакан. Посмотрел на Ханичайл. Она казалась спокойной и безразличной, как будто думала о другом. Он улыбнулся.

— Представляю, как вы хотите есть, — добродушно сказал доктор «NO». — Прошу у вас еще немного внимания. Я буду краток. Итак, как я сказал, я находился в Милуоки. В положенное время я окончил факультет, уехал из Америки, отправился путешествовать по свету, делая короткие остановки. Я представлялся доктором, потому что врачи выслушивают признания людей и могут задавать вопросы, не вызывая подозрений. Тем временем я искал место для своей штаб-квартиры. Она должна быть вне пределов досягаемости приближавшейся войны, на острове, иметь совершенно частный характер и обладать условиями для промышленного развития.

В конце концов я купил Крэб Кэй. Я здесь уже четырнадцать лет. Это были спокойные и плодотворные годы, не омраченные ничем. Меня забавляла идея превращения птичьего помета в золото. Я со всей страстью посвятил себя решению этой задачи. Это казалось мне идеальным предприятием. Спрос на продукцию был постоянным. Птицам нужно только, чтобы их оставили в покое. Что касается добычи этого самого удобрения, главное — не разрушить залежи в результате чрезмерной разработки. Единственной проблемой была стоимость рабочей силы. Шел 1942 год. Кубинские и ямайские рабочие зарабатывали по десять шиллингов в неделю на рубке сахарного тростника. Я переманил на остров сотню работников, предложив им двенадцать шиллингов в

неделю. При цене моего сырья пятьдесят долларов за тонну мне это было выгодно. Главное, чтобы выплаты оставались неизменными. Я добился этого, изолировав остров от действия мировой инфляции. Время от времени приходилось прибегать к грубым способам. Но, в конце концов, мои люди довольны своими заработками, потому что больше они нигде не получали.

Я пригласил дюжину негров китайского происхождения с их семьями на должности надсмотрщиков. Они получают по фунту в неделю. Второй раз пришлось применить строгость по отношению к ним, но они быстро усвоили урок. Число моих людей возросло автоматически. Я нанял инженеров и каменщиков, и они принялись за работу над горой. Иногда я приглашал группы специалистов за очень высокую плату, они ни с кем не общались, жили внутри, пока не заканчивали свою работу, и отправлялись обратно на корабле. Они оборудовали освещение и вентиляцию, установили лифт и построили это помещение. Со всех концов света поступали сюда разнообразные запасы и мебель. Был оборудован также этот поддельный санаторий для прикрытия моих операций в случае, если однажды произойдет кораблекрушение, или губернатор Ямайки решит нанести мне визит. — Губы его растянулись в улыбке. — Вы должны признать, что если я захочу, то могу предложить моим посетителям исключительный прием!

Постепенно и методично строилась моя крепость. Это было непросто, мистер Бонд, — черные глаза не надеялись встретить выражение симпатии или восхищения. — Но в конце прошлого года работы были закончены. Мне удалось построить надежную и хорошо замаскированную базу. Я был готов к следующему шагу: распространить мою власть на внешний мир.

Он вновь замолчал, слегка приподнял руки и вновь смиренно соединил их на животе.

— Мистер Бонд, я сказал, что ни одного облака не появилось на горизонте за все эти четырнадцать лет, но одно все-таки всегда присутствовало за горизонтом. Знаете, о чем речь? О птице, о смешной птице под названием розовый аист! Я не буду утомлять вас деталями. Вы уже кое о чем знаете. Двое сторожей в нескольких милях отсюда получали припасы, прибывавшие к ним на катере с Кубы. Этим же катером отправляли свои донесения. Иногда приезжали американские орнитологи и проводили несколько дней на острове. Это меня не бес-

покойло. Мои люди туда не доходили. Сторожа́м же было запрещено приближаться к моим владениям. Мы не поддерживали никаких отношений. С самого начала я дал понять обществу «Одубон», что не приму их представителей.

А потом, знаете, что произошло? В один прекрасный день я получаю вдруг письмо, косторое привозит корабль, приходящий сюда каждый месяц. Розовые аисты объявлены редкой породой. Общество официально извещает меня, что намерено построить гостиницу в принадлежащей ему зоне, рядом с рекой, откуда вы пришли. Любители птиц хлынут сюда со всего света, чтобы наблюдать и восхищаться этими птицами и снимать о них фильмы. «Крэб Кэй», — сообщало мне в льстивом тоне это убедительно написанное письмо, — станет знаменитым островом».

Мистер Бонд, — улыбка стала иронической, — можете себе это представить? Вот тебе и уединение, которого я, наконец, добился. Мои планы на будущее! Потерять все из-за кучки старых дев и их птичек? Я изучил участок и предложил за него огромную сумму. Они отказались. Тогда я изучил этих птиц, узнал их повадки и внезапно нашел решение. Все было просто. Люди всегда были злейшими врагами этих тварей.

Розовые аисты — очень робкие, их легко напугать. Я выписал из Флориды вездеход, из тех, что используются для обследования месторождений нефти и могут передвигаться по воде. Я переделал его, чтобы он мог пугать и жечь не только птиц, но и людей, потому что сторожа тоже должны были исчезнуть. И вот однажды декабрьским вечером мой вездеход приступил к делу: лагерь был разрушен, а оба сторожа убиты. Однако потом я узнал, что одному из них удалось ускользнуть и бежать на Ямайку, где он вскоре умер. Гнезда были разрушены, а птицы напуганы. Полный успех! Розовые аисты умирали тысячами.

Но в этот момент у меня попросили разрешения на приземление на моей взлетно-посадочной полосе самолета. Было приказано провести осмотр места преступления. Я решил согласиться. Это мне казалось самым разумным. Одновременно я подготовил несчастный случай. На взлетной полосе теряет управление грузовик в то время, как самолет уже идет на посадку. Самолет разбивается вдребезги. Все следы грузовика тщательно уничтожаются. Тела погибших заботливо помещаются в

гробы, и я с соболезнованиями сообщаю о происшедшей трагедии.

Как я и предполагал, назначается новый осмотр места происшествия. Прибывает эсминец. Я встречаю капитана со всеми почестями. Он и его офицеры обследуют весь берег, затем их проводят в глубину острова, где они видят остатки лагеря. Мои люди говорят им, что, возможно, сторожа, обезумев от одиночества, подрались друг с другом. Тот, что остался в живых, поджег лагерь и затем сбежал на лодке. Они осматривают посадочную полосу. Мои люди уверяют их, что самолет спускался со слишком большой скоростью, колеса, должно быть, лопнули в момент удара о землю. Мы вручаем им останки погибших. Настоящая трагедия. Офицеры довольны. Эсминец отчаливает. Восстанавливается мир.

Доктор «НО» деликатно кашлянул. Перевел взгляд с Бонда на девушку.

— Такова, друзья, моя история, или скорее первая глава того, что, я уверен, будет долгим и интересным рассказом. Итак, спокойствие восстановлено, здесь больше не будет розовых аистов, а значит, не будет и сторожей. Несомненно, общество «Одюбон» примет мое предложение о продаже того кусочка земли. Да это и не важно. Если у них возникнет новый странный проект, новые бедствия обрушатся на них. Это мое предупреждение. Никакого вмешательства больше не должно быть.

— Интересно, — пробормотал Бонд. — Интересная история. Вы убрали Стрэнгуэйза. Что вы сделали с ним и с девушкой?

— Они на дне Мона Резервуар. Я поручил это трем из моих лучших людей. На Ямайке у меня маленькая, но эффективная организация. Меня она устраивает. Я контролирую секретную службу Ямайки и Кубы; это понадобится для моих будущих операций. Ваш Стрэнгуэйз стал слишком подозрительным. К счастью, в конце концов, его привычки мне стали известны. Смерть его и девушки была всего лишь вопросом правильно выбранного времени. Я надеялся избавиться от вас не менее быстро. Но вам повезло. Из картотеки Кинг Хауз я узнал, что вы за человек. Я подумал, что муха прилетит в паутину. Я ждал вас. И когда лодка появилась на экране радара, я понял, что вам от меня не ускользнуть.

— Ваш радар не слишком хорош, — возразил Бонд. — Было две лодки. Вы заметили лодку девушки.

Я вам сказал уже, что она не имеет ко мне никакого отношения.

— Значит, ей не повезло. Дело в том, что мне необходима белая женщина для небольшого эксперимента. Как мы уже установили вначале, мистер Бонд, обычно человек получает то, чего он желает.

Бонд задумчиво посмотрел на доктора «НО». Он спросил себя: «Стоит ли пытаться как-то задеть этого железного человека? Стоит ли терять время, прибегая к угрозам или к блефу?». У Бонда были очень слабые карты. Он выложил их на стол с почти безразличным видом.

— На сей раз, доктор «НО», удача вам не сопутствует. В этот час вас уже взяли на заметку в Лондоне. Мое мнение об этом деле, отравленные фрукты, сороконожка и автомобильная катастрофа, нашло отражение в моем рапорте. То же самое касается мисс Чанг и мисс Таро. На Ямайке я оставил приказание вскрыть мой рапорт и действовать в соответствии с ним, если я не вернусь с Крэб Кэя через три дня.

Лицо доктора было непроницаемым. Бонд наклонился вперед, добавил:

— Но ради девушки, и только ради нее, доктор, я предлагаю вам сделку. Если вы позволите нам вернуться живыми и невредимыми на Ямайку, я даю вам неделю времени. Вы можете взять свой кляссер с марками, сесть в самолет и попытаться бежать. — Бонд откинулся на спинку кресла. — Вы согласны?

16. ГОРИЗОНТЫ АГОНИИ

За спиной Бонда раздался голос:

— Ужин подан.

Бонд резко обернулся. Это был телохранитель, рядом с которым стоял человек, похожий на него, как близнец. Приземистые, как два бочонка, с накаченными мускулами, они смотрели на доктора поверх головы Бонда.

— А, уже девять. — Доктор медленно поднялся. — Пройдемте. Мы можем продолжить наш разговор в более интимной, располагающей обстановке. Было очень любезно с вашей стороны выслушать меня с таким примерным терпением. Надеюсь, что мои скромная кухня и винный погреб не заставят вас страдать.

За спиной двух мужчин в белых куртках в стене открылась двустворчатая дверь. Бонд и девушка последо-

вали за доктором в маленькую восьмиугольную комнату с панелями из красного дерева и освещенную серебряным канделябром. Под ним находился круглый стол, сервированный на три персоны. Столовое серебро и хрусталь переливались яркими бликами. Темно-синий ковер был удивительно мягок. Доктор «NO» направился к среднему стулу с высокой спинкой и пригласил девушку занять место справа от него. Все сели и развернули салфетки из белого шелка. Казавшиеся нереальными церемонии и окружающая роскошь приводили Бонда в отчаяние. Ему хотелось разнести все на куски, накинуть шелковую салфетку на шею доктору и затягивать ее до тех пор, пока контактные линзы не выскочат из этих отвратительных черных глаз.

Оба телохранителя были в хлопчатобумажных перчатках. Они прислуживали за ужином со всем старанием и любезностью, получив односложное распоряжение доктора «NO» по-китайски.

Сначала доктор казался озабоченным. Он ел из трех небольших мисок, в которых было три различных блюда, с помощью ложки с короткой ручкой, которую ловко держали его искусственные пальцы. Бонд старался скрыть свои опасения от девушки. Он ел и пил с аппетитом, которого не чувствовал, весело разговаривая с Хани: о птицах, животных и цветах и о вещах, ей знакомых. Время от времени он касался ее ноги. К концу ужина она почти развеселилась. Бонд подумал, что они чудесно играют роль жениха и невесты, приглашенных на ужин к нелюбимому дяде.

Бонд совершенно не знал, достиг ли цели его маленький блеф. Шансов спастись у них было очень мало. Узнав доктора «NO» и его историю, он чувствовал, что ситуация почти безвыходная. Эта невероятная биография показалась ему невыдуманной. Вполне правдоподобной. Возможно, в мире есть и другие обладатели частных царств: вдали от проторенных дорог, без свидетелей они могут делать все, что пожелают. А что собирался делать дальше доктор «NO», после того как уничтожит этих двух мошек, досадивших ему? А если, после того как он убьет Бонда и эту девушку, Лондон нападет на след, обнаруженный Бондом?

Это вполне возможно. Плейдел-Смит мог бы это сделать. У него есть улика — отравленные фрукты, но чего сможет добиться от доктора «NO» агент, который сменил Бонда? Доктор «NO» только пожмет плечами в от-

вет на вопрос, куда делись Бонд и Куоррел: впервые слышу эти имена. И никому не придет в голову связать с ними исчезновение девушки. В Порт Моргане подумают, что она утонула во время одной из своих вылазок. Трудно себе представить, что может помешать осуществлению второй главы жизни доктора «NO», что бы он там ни задумывал.

Легкомысленно болтая с Хани, Бонд готовился к худшему. Рядом с его тарелкой лежало то, что могло послужить ему оружием. Когда принесли превосходно поджаренные отбивные, Бонд, мгновение поколебавшись, взял в руки хлебный нож. Пока он ел и разговаривал, ему удалось придвинуть к себе нож для мяса. Неловким движением правой руки он опрокинул бокал с шампанским, и в ту же самую секунду его пальцы засунули нож в рукав кимоно. Последовало небольшое замешательство, он извинился, а двое официантов бросились вытирать скатерть. Тем временем Бонд приподнял правую руку и почувствовал, как нож скользнул ему под мышку, а затем вдоль тела.

Доев отбивную, он затянул потуже кожаный пояс, и нож оказался у него на животе. Подали кофе, и ужин закончился. Оба охранника повернулись и стали за спиной Бонда и девушки. Они стояли скрестив руки на груди, неподвижные, невозмутимые, словно палачи. Доктор «NO» медленно поставил чашку на блюде. Положил металлические зажимы на стол перед собой. Слегка выпрямился, поддавшись на несколько сантиметров в сторону Бонда. Теперь на его лице не было заметно следов озабоченности. Взгляд его был прямым и жестким. Тонкий рот искривился и открылся.

— Вам понравился ужин, мистер Бонд?

Бонд взял сигарету из серебряного ящичка, стоявшего перед ним и закурил. Он вертел зажигалку в руках. Чувствовал, что сейчас произойдет что-то неприятное. Нужно было каким-то образом завладеть зажигалкой. Огонь тоже мог стать его оружием.

— Конечно, — ответил он, — ужин был отличный. — Он посмотрел на Хани, слегка наклонившись вперед и кладя руки на стол. Ладони его сомкнулись над зажигалкой. Он улыбнулся девушке.

— Надеюсь, тебе все понравилось?

— О, да, это было чудесно. — Для нее праздник еще продолжался.

Бонд курил, делая множество движений и оживленно жестикулируя. Он повернулся к доктору «НО», погасил сигарету и откинулся на спинку стула, скрестив руки. Зажигалка была у него в левом рукаве. Он весело улыбнулся.

— Что теперь, доктор «НО»?

— Можем перейти к развлекательной части программы после ужина, мистер Бонд. — Легкая улыбка появилась на его губах и затем исчезла. — Я проанализировал ваше предложение. Я отвергаю его.

Бонд пожал плечами.

— Это неразумно.

— Нет, мистер Бонд, я подозреваю, что ваше предложение — это уловка. Люди вашей профессии не ведут себя так, как вы сказали. Наоборот, они посылают регулярные доклады в Центр, информируя начальство о ходе расследования. Я это хорошо знаю. Секретные агенты не делают того, что вы сказали. Вы, должно быть, прочли слишком много детективов. Я не верю в вашу историю. Если же это все-таки правда, я готов взять на себя ответственность за все последствия. Ставка в игре слишком велика, чтобы я мог сойти со своего пути.

Ну, хорошо, пусть придут полиция, армия. Куда делись мужчина и девушка? Какой мужчина и какая девушка? Я о них ничего не знаю. Уходите, пожалуйста. Какие у вас доказательства? А ордер на обыск? Английский закон строг, господа. Уходите и оставьте меня в покое и моих любимых птиц. Понимаете, мистер Бонд. Предположим даже, что случится наихудшее, и один из моих агентов заговорит, что, впрочем, маловероятно. (Бонд вспомнил упорство мисс Чанг). Что я могу потерять? Еще два убийства в списке моих деяний. Больше одного раза меня все равно не повесят. — Он медленно покачал головой. — Вы что-нибудь еще хотите сказать? Хотите о чем-нибудь спросить?

У вас обоих впереди очень утомительная ночь. Вам осталось всего несколько часов, а я должен спать. Завтра, как обычно, прибывает корабль, и мне придется следить за разгрузкой. Придется провести весь день внизу на пристани. Хорошо, мистер Бонд?

Бонд бросил взгляд на Хани. Она побледнела как мел. Она смотрела на него в ожидании чуда. Бонд опустил взгляд на свои руки, внимательно разглядывая ногти. Пытаясь выиграть время, он спросил:

— А потом? После напряженного дня, что входит в ваши планы? Какую следующую главу вы собираетесь написать?

Бонд поднял глаза. До него донесся глубокий, спокойный, властный голос, будто нисходящий с ночного неба.

— Ах, вот что? Вы хотите знать это? Это профессиональное любопытство. И вы сохраняете его до самого конца. Меня восхищает это качество в человеке, которому осталось жить несколько часов. Поэтому я вам расскажу. Перехожу к следующей странице. Это вас успокоит. Этот остров значит много больше, чем просто залежи помета. Ваш инстинкт вас не обманул. — Доктор «NO» выдержал паузу, чтобы добиться наибольшего эффекта. — Этот остров, мистер Бонд, скоро станет самым важным центром технического шпионажа в мире.

— В самом деле? — Бонд продолжал смотреть на свои руки.

— Вы, конечно, знаете, что остров Тэркс в трехстах милях отсюда является важнейшим полигоном Соединенных Штатов для испытаний управляемых ракет.

— Да, это важный центр.

— Вы не читали недавно сообщения о неудачных запусках? Например, многоступенчатая ракета «Снарк», которая упала в бразильской сельве, вместо того чтобы оказаться на дне южной части Атлантики?

— Да.

— Значит, вы помните, что она не выполнила переданную с земли команду изменить курс, а затем и команду о саморазрушении, как будто бы она обладала своей собственной волей?

— Да, я помню.

— Были и другие фатальные неудачи со многими предшествовавшими моделями, например «Зуни», «Матадор», «Петрел», «Регулюс», «Бомарк». Столько названий, сколько изменений, я даже всего не помню. Ну так вот, мистер Бонд, — доктор «NO» не смог скрыть нотку гордости в своем голосе, — вам, может быть, будет интересно узнать, что причина неудач большей части этих запусков находится здесь, на острове Крэб Кэй.

— Seriously?

— Вы не верите? Это неважно. Другие верят. Другие видели, как целая серия ракет «Мастодонт» была

снята с производства из-за постоянных ошибок в управлении. Я говорю о многих друзьях в одной великой державе. Они подготовили шестерых моих людей. Двое из них в этот момент на дежурстве. Они следят за частотами, на которых передаются сигналы ракетам. Над нами, в галереях, пробитых в этой скале, находится аппаратура стоимостью в миллион долларов: она улавливает сигналы и вносит в них помехи. Когда запускается ракета, мы следим за ней с той же точностью, с какой за ней следят на острове Тэркс. Мы внезапно посылаем ракете наш приказ, приводя в замешательство ее электронный мозг, сводя ее с ума, в результате чего она падает в море или сама взрывается. Еще один неудавшийся пуск. Виноваты конструкторы, строители, операторы. Пентагон в панике. Нужно искать что-то другое: другие частоты, другие металлы, другую электронную начинку. Естественно, — доктор «NO» хотел быть справедливым, — у нас тоже бывают трудности...

Бонд поднял глаза и задумчиво посмотрел на доктора «NO». Значит, он все понял правильно. За всем этим стояло что-то большее. Это была крупная игра, которая, несомненно, стоила свеч на рынке международного шпионажа. Вот и хорошо! Теперь все детали головоломки складывались в цельную картину. Ради такого дела ничего не стоило прогнать птиц и уничтожить несколько человек. Уединение? Естественно, что доктор «NO» должен будет избавиться от него и от девушки. Власть? Конечно. Доктор «NO» на правильном пути. Бонд посмотрел в его черные глаза с уважением.

— Вам придется убить еще немало людей, чтобы держать ситуацию под контролем, — сказал он. — Ставка высока. Выше, чем я думал. Другие тоже захотят получить свой кусок пирога. Интересно, кто первый прыгнет вам на спину и уничтожит вас? Вот те, — он указал на потолок, — обучались у ваших хозяев, правда? Кто знает, какие приказы они получили? Вы ведь не можете этого знать?

— Вы по-прежнему меня недооцениваете, — возразил доктор «NO». — Вы упрямы и оказались глупее, чем я думал. Я отдаю себе отчет в том, что это может произойти. Я арестовал одного из этих людей и убедил его вести для меня параллельный контроль. У него есть копия шифра и телетайп. Он живет в другой части горы. Остальные верят, что он мертв. Он контролирует каждый сеанс связи, передавая мне копии всех сообщений.

До сих пор в сообщениях из Центра не было никакого намека на заговор. Я всегда думаю о таких вещах, мистер Бонд. Принимаю меры предосторожности и буду принимать их и дальше. Как я уже сказал, вы меня недооцениваете.

— Я вас не недооцениваю, доктор «НО». Вы очень осторожный человек, но вы ведете игру по слишком многим направлениям. В моей области деятельности то же самое можно сказать и обо мне. Я прекрасно сознаю это. Например, китайская линия. Лучше иметь дело с ФБР: в этом случае вам угрожает только обвинение в краже и в проживании под чужим именем. А вы хорошо знаете своих друзей? Сейчас вы их «лучший друг». Но они захотят избавиться от вас. А возьмем игру, которую вы начали против Секретной службы. Если что-нибудь случится со мной или с девушкой, вы обнаружите, что Крэб Кэй — это очень маленький и совсем голый островок.

— Нельзя делать крупные ставки без малейшего риска, мистер Бонд. Я сознаю все возможные опасности и, насколько возможно, принимаю меры. Видите ли, мистер Бонд, — в его глубоком голосе появился оттенок алчности, — я нахожусь только в самом начале пути, меня ждут более крупные дела. Вторая глава, которую я вам обрисовал, обещает мне вознаграждение, от которого только глупец мог бы отказаться из страха.

Как я вам уже сказал, я могу вмешиваться в сигналы управления ракетами, но я могу и заставить их изменить курс, упасть в море рядом с этим островом и завладеть их секретами. Сейчас американские миноносцы достают эти ракеты, когда у них кончается топливо, и они падают в море. Но иногда парашют не раскрывается. Устройство саморазрушения не срабатывает. Никто на строве Тэркс не удивится, если вдруг образец новой серии не выполнит свою задачу и упадет в море где-нибудь около острова Крэб Кэй. По крайней мере, сначала причиной аварии будут считать какие-нибудь механические неполадки.

Позднее обнаружат, что посторонние радиосигналы вмешиваются в управление ракетой. Постараются установить местонахождение источника этих сигналов. Как только я узнаю, что за мной охотятся, у меня будет еще одна последняя возможность. Ракеты сойдут с ума. Они будут падать на Гавану, на Кингстон, вернуться на Майами и упадут на базу. Даже без заряда пять тонн

металла, летящих со скоростью тысяча миль в час, могут вызвать значительные разрушения в городе. А потом? Паника, общественное возмущение. Испытания должны будут прекратиться. База на острове Тэркс должна быть закрыта. Сколько, вы думаете, мне могут за это заплатить, мистер Бонд? А сколько мне заплатят за каждый из образцов новых ракет, которые я достану? Скажем, миллионов десять долларов за все? Двадцать? Я сам назову цену! И вам не кажется, что на фоне этих соображений ваши аргументы выглядят довольно мелочными?

Бонд ничего не ответил. Ему нечего было сказать. Внезапно он вспомнил спокойную комнату в Риджентс Парке, нетерпеливый и саркастический голос, который говорил: «О, эта проклятая история с птицами... Небольшой отпуск вам пойдет на пользу... Маленькое расследование». И он, Бонд, нанял лодку с рыбаком, взял с собой пару сэндвичей и отправился «посмотреть на месте». Сколько дней, сколько недель назад это было? Итак, он заглянул в сосуд Пандоры. Он получил ответы, узнал тайны, а теперь? Теперь его вежливо проводят до могилы, и он унесет с собой эту тайну и девушку, которую невольно втянул в это безумное приключение. Ему стало очень горько. Он осушил бокал шампанского и хрипло сказал:

— Хорошо, доктор «NO». Что у нас дальше по плану: пуля, яд, веревка? Но поторопитесь, с меня уже достаточно.

Губы доктора «NO» сомкнулись в тонкую ярко-красную линию. Глаза были твердыми, как ониксы, а над ними лоб и круглая как бильярдный шар голова. Он снял маску вежливости. Великий Инквизитор сидел в кресле с высокой спинкой. Пришел час сурового наказания.

Доктор сказал что-то, и оба телохранителя, сделав шаг вперед, схватили жертвы под локти и прижали их руки к бокам кресел. Бонд думал о том, как бы не выронить зажигалку. Руки в белых перчатках сжимали его бицепсы, словно стальные тиски. Он улыбнулся девушке.

— Мне очень жаль, Хани. Боюсь, что после всего этого нам уже не доведется вместе поиграть.

Глаза на бледном лице девушки стали темно-синими от страха. Губы ее дрожали.

— Это будет больно? — спросила она.

— Молчать! — голос доктора «NO» прозвучал, как удар хлыстом. — Довольно этих глупостей. Конечно, будет больно. Боль интересует меня; я хочу выяснить, сколько ее может вытерпеть человеческое тело. Иногда я ставлю опыты на людях, которых я хочу наказать, и на слишком любопытных, вроде вас. Оба вы доставили мне много хлопот. А теперь я хочу причинить вам много боли. Ваша выносливость будет измеряться. А весь опыт будет зафиксирован.

Когда-нибудь мои открытия станут известными. Ваша смерть послужит науке. Я не растрачиваю зря человеческий материал. Опыты немцев над людьми принесли большую пользу науке. Год назад я умертвил одну женщину тем же способом, который выбрал для вас, девушка. Она была негритянкой. И держалась три часа. Умерла она от страха. Мне нужна была белая женщина, чтобы сопоставить результаты.

Я не удивился, когда мне сообщили о вашем прибытии. Я всегда получаю то, что хочу. — Доктор «NO» откинулся на спинку стула. Теперь глаза его были прикованы к девушке, он следил за ее реакцией. Она смотрела на него не отрываясь, загнипнотизированная, как мышонок перед гремучей змеей. А Бонд сжал зубы.

— Вы ведь с Ямайки, поэтому вы меня поймете. Этот остров называется Крэб Кэй, потому что он опустошен крабами, земляными, которых на Ямайке называют черными. Вы их знаете: они весят около полукилограмма и величиной с эти тарелки. В это время они тысячами выбираются из своих нор, расположенных вдоль берега, и взбираются в гору, там они снова прячутся в расщелинах скалы и откладывают икру. Они перемещаются огромными массами, сотни и сотни крабов, невзирая ни на какие препятствия. На Ямайке они буквально проходят через дома, которые попадают на их пути, пожирая все, что находят. И вот теперь, девушка, они пришли в движение. Они поднимаются по склонам горы, их десятки тысяч, это сплошная волна красных, оранжевых, черных существ. Сегодня ночью они встретят на своем пути обнаженное тело женщины, привязанной к скале — настоящий пир для них. Потрогают своими клешнями это теплое тело, кто-то сделает первый надрез, а затем... затем...

Девушка вскрикнула, уронив голову на грудь. Она потеряла сознание. Бонд рванулся со своего стула, из-

вергая поток ругательств. Огромные руки охранника обожгли его стальной хваткой. Ему не удалось даже привстать. Бонд вновь овладел своим голосом и прошипел со всей злобой, на какую был способен:

— Грязный ублюдок. Ты сгоришь в аду за все свои дела.

Доктор «НО» слегка улыбнулся.

— Я не верю в ад, мистер Бонд. Но утешьтесь, может быть, они начнут с горла или с сердца. Или их привлечет биение пульса, тогда это продлится недолго.

Он что-то сказал по-китайски. Человек, стоявший за стулом девушки, наклонился, поднял Хани и, словно ребенка, положил ее безжизненное тело себе на плечо. Затем беззвучно удалился, закрыв за собой дверь.

На мгновение в комнате воцарилась тишина. Бонд думал только о ноже и зажигалке, спрятанных в кимоно. Что ему удастся сделать с этим оружием? Сможет ли он дотянуться до доктора?

— Вы говорили, что власть — это иллюзия, мистер Бонд? — возобновил разговор доктор «НО» ровным голосом. — Вы не изменили свое мнение теперь? Ведь моя власть выбрать особенную смерть для этой девушки — не иллюзия. Однако поговорим теперь о том, как умрете вы. У вас будут свои романтические моменты. Видите ли, мистер Бонд, меня интересует анатомия мужества, особенности выносливости человеческого тела. Как их измерить? Начертить график воли к жизни, способности переносить боль, побеждать страх? Я долго размышлял над этим и, думаю, что нашел верное решение. Речь идет пока о приблизительном методе, но я усовершенствую его в последующих экспериментах. Я подготовил вас к такому эксперименту наилучшим образом.

Я дал вам снотворное, чтобы вы отдохнули физически, чтобы вы были в наилучшей форме. Будущие мои пациенты, если можно их так назвать, получают те же самые преимущества. В этом смысле вы будете в одинаковом положении. Дальнейшее будет зависеть от мужества каждого и от его выносливости. — Доктор «НО» умолк на мгновение, разглядывая выражение лица Бонда. — Видите ли, мистер Бонд, я подготовил нечто вроде бега с препятствиями, борьбы со смертью. Больше я вам ничего не скажу, потому что фактор внезапности является одной из составляющих страха. Самая страшная опасность та, о которой мы ничего не знаем. Я по-

лагаю, что то, что я для вас приготовил, будет достаточно богато неожиданностями.

Очень интересно, что моим первым кандидатом будет человек с вашими физическими данными. И очень интересно посмотреть, до какой точки вы дойдете в приготовленном вам маршруте. Я думаю, вы должны установить замечательный рекорд. Я от вас многого жду. Вы должны пойти очень далеко, но когда, а это неизбежно, вам не удастся преодолеть очередное препятствие, ваш труп будет мне доставлен, и я исследую ваши останки с величайшей тщательностью. Все данные будут зафиксированы. Вы будете первой точкой моего графика. Это большая честь, вам не кажется, мистер Бонд?

Бонд промолчал. Главное — получить в руки оружие, которое он прятал на себе. Доктор «НО» поднялся. Он направился к двери и обернулся. Голова слегка наклонилась вперед, губы скривились.

— У вас есть возможность прославиться, мистер Бонд. Как говорят, мысленно я буду с вами. — Затем он вышел, и дверь за ним плавно закрылась.

17. ДОЛГОЕ ИСПЫТАНИЕ

В лифте стоял человек. Двери лифта были открыты — его ждали. Охранник, все еще державший его за руки, втолкнул Бонда внутрь лифта. Столовая, должно быть, была уже пуста. Сколько времени пройдет, прежде чем они уберут приборы и обнаружат исчезновение ножа и зажигалки? Двери лифта закрылись. Они поднимались вверх. Бонд попытался прикинуть — насколько. Лифт остановился. Ему показалось, что подъем лифта занял времени больше, чем их спуск с девушкой вниз. Двери открылись, и он увидел коридор длиной метров двадцать со стенами из неотесанного камня, выкрашенными в серый цвет. Ковров на полу не было.

— Одну минутку, Джо, — сказал охранник лифтеру. — Я сейчас вернусь.

Он повел Бонда по коридору, в который выходили двери, обозначенные буквами алфавита. Слышался слабый гул машин, а за одной дверью раздавалось потрескивание, похожее на звук радиостанции. Они дошли до последней двери. Охранник распахнул ее и втолкнул Бонда внутрь. Это была камера метров пять в длину, выкрашенная в серый цвет. Она была пуста, посередине ее стоял деревянный стул, на котором были разложены

выстиранные и хорошо отглаженные его черные брюки и синяя рубашка.

Охранник отпустил его, и Бонд, освободив руки, обернулся и посмотрел в его желтое широкое лицо под шапкой курчавых волос. Во влажных карих глазах светилось любопытство и самодовольство. Он остановился у двери, взявшись за ручку:

— Ну, вот, это старт. Можешь оставаться здесь и гнить или выходи на трассу. Счастливого пути.

Бонд подумал, что стоит попытаться. Он бросил взгляд через плечо охранника: лифтер стоял у двери и смотрел на них. Бонд тихо сказал:

— Хотите гарантированно заработать десять тысяч долларов и билет на самолет, куда захотите?

Рот китайца растянулся в широкой ухмылке, и показались темные зубы, испорченные во многих местах привычкой жевать сахарный тростник.

— Спасибо, друг. Я предпочитаю остаться живым. Он собирался закрыть дверь.

— Мы можем выбраться отсюда вместе, — добавил Бонд лихорадочным шепотом.

— Попытайся сам. — Дверь захлопнулась.

Бонд пожал плечами. Посмотрел на дверь. На ее металлической поверхности не было внутренней ручки. Затем он подошел к стулу и огляделся. Стены были совершенно голые, только в одном месте под потолком имела толстая вентиляционная решетка. Отверстие было шире, чем его плечи. Очевидно, это был выход. Помимо него имелось еще только одно отверстие в стенке, похожее на иллюминатор из толстого стекла, оно находилось над дверью и пропускало свет из коридора. И больше ничего. Не стоит терять время. Сейчас, должно быть, половина одиннадцатого. А там, снаружи, на горе привязанная девушка уже с ужасом прислушивается к шороху крабов, поднимающихся по коралловой скале. Бонд сжал зубы, представив себе бледное тело с раскинутыми руками, лежащее под звездами. Он резко поднялся. Какого черта он ждет? Нужно двигаться.

Он снял кимоно и надел брюки и рубашку. Засунул зажигалку в задний карман брюк. Попробовал пальцем острие ножа. Он был остро заточен. Хорошо бы еще у него был острый конец. Он встал на колени и принялся затачивать о каменный пол закругленный конец ножа. Через четверть часа драгоценного времени он добился своего. Это еще не был кинжал, но он

мог и резать и колоть. Бонд взял нож в зубы, пододвинул стул к стене и, стоя на нем, осмотрел решетку. Если ему удастся вытащить ее, можно будет сделать из этих прутьев нечто вроде копья — это будет еще одно оружие. Бонд дотронулся до решетки.

Оглушенный он лежал на полу, и лишь память, сохранившая голубую вспышку и треск электрического разряда, подсказала ему, что произошло. Он поднялся на колени и остался в этом положении. Опустил голову и слегка потряс ею, как раненое животное. Пальцы его рассекал красный разрез ожога. Увидев его, он почувствовал боль. Медленно поднялся. Он покосился на решетку, словно она могла его вновь ужалить, как змея. Взял стул, поднял нож, отрезал полоску шелка от кимоно и плотно перевязал пальцы. Затем он вновь влез на стул и осмотрел решетку. Вылезать нужно здесь. Удар током был всего лишь предвестником боли, которую ему придется испытать. Несомненно, пробки вылетели. Он протянул левую руку и взялся пальцами за металлический прут. Ничего. Бонд хмыкнул. Он почувствовал, как расслабились его нервы. Он дернул решетку, которая поддалась на несколько сантиметров. Еще один рывок, и она повисла на двух медных проводах, которые уходили в стену. Через десять минут в руках у Бонда был гарпун длиной чуть больше метра. Это уже оружие. Бонд вновь встал на стул и осторожно протянул руку в вентиляционную трубу. Удара не последовало. Он подтянулся на руках, протиснулся в отверстие и лег ничком.

Труба, идеально круглая, из гладкого металла, была сантиметров на десять шире, чем плечи Бонда. Он достал зажигалку, благословляя тот момент, когда ему удалось завладеть ею, и зажег. Цинковое покрытие сверкало новизной. Гладкая труба тянулась прямо и лишь на месте стыков были заметны неровности. Бонд сунул зажигалку в карман и пополз вперед.

Ползти было легко. Свежий воздух вентиляционной системы обдувал лицо Бонда. Воздух не пах морем — должно быть он нагнетался кондиционером. Доктор «NO», наверное, приспособил один из трубопроводов для своих целей. Что за препятствия воздвиг он на пути своих жертв? Наверняка они изощренные, болезненные и задуманы так, чтобы измотать подопытных. На финише, если только кто-то из жертв его достигнет, их ждал последний удар. Это было что-то окончательное,

от чего нет спасения, потому что в этом состязании не было призов, только забвение. Забвение, думал Бонд, вот к чему он так страстно стремится. Если только доктор «NO», конечно, не слишком хитрит. Если только он не недооценивает инстинкт самосохранения. Это было единственной надеждой: постараться преодолеть все препятствия, и, по крайней мере, добраться до последнего испытания. Он заметил слабое свечение. Бонд осторожно приблизился, напрягая все органы чувств. Свет стал ярче — его отражало ложе трубопровода. Он продолжал двигаться вперед до тех пор, пока его голова не уперлась в стену. Перевернулся на спину. Прямо над ним тянулась вверх пятидесятиметровая труба. Вверху виднелся свет. Бонду казалось, что он смотрит в дуло длинной пушки. Он медленно втянулся в изгиб и стал на ноги. Значит, ему придется лезть вверх по этой сверкающей металлической трубе, в которой не за что зацепиться? Возможно ли это? Расправил плечи. Да, они касались стенок трубопровода. Можно опереться и ногами, но не надолго. Они соскальзывали вниз, задерживаясь только на шероховатостях сварных швов. Бонд пожал плечами и снял туфли. Другого выхода нет. Нужно попытаться.

Подтягиваясь. Бонд начал взбираться по трубе: упереться плечами в стенки, подтянуть ноги, напрячь колени, упереть ноги в металлическую стенку, и так подниматься вверх на несколько сантиметров. Раз, другой, третий и еще раз. Нужно останавливаться у каждого шва, который давал возможность слегка зацепиться и перевести дух, а затем снова вперед. Нужно ползти вверх, думая только о тех сантиметрах, которые с каждым разом ты отвоевываешь. Не думай об этом ровном свете, который не становится ни ярче, ни слабее, о том, что ты можешь поскользнуться и сломать себе ноги. Не думай о возможных судорогах, о ноющих мускулах, о спине и о ногах, покрытых ссадинами. Преодолевай только эти сантиметры, отвоевывай их один за другим.

Но тут ноги начали потеть и соскальзывать. Дважды Бонд потерял по целому метру, прежде чем смог затормозить спиной, пылающей от трения. В конце концов он вынужден был остановиться, чтобы поток свежего воздуха высушил пот. Подождал десять минут, глядя на свое размытое изображение в металлической стенке трубы. Он видел собственное лицо и нож, зажа-

тый в зубах. Он не хотел смотреть вверх, чтобы не видеть, сколько метров еще ему осталось. Их могло быть слишком много.

Очень осторожно он вытер подошвы ног о ткань брюк и снова стал карабкаться вверх. Казалось, его рассудок помрачился. Он не замечал ни крепнущего дуновения ветра, ни все более яркого света. Он воображал себя раненой гусеницей, ползущей по канализационной трубе к сливному отверстию ванной. Что он найдет там, снаружи? Обнаженную женщину, вытирающуюся полотенцем? Бреющегося мужчину? Солнце, сияющее за окном пустой ванной комнаты? Голова его обо что-то ударилась. Решетка была как раз на месте! От удивления и разочарования он соскользнул вниз на целый метр, прежде чем успел затормозить. Потом он сообразил, что добрался до верха. Теперь он заметил и более яркий свет и ощутил более сильную струю воздуха. Судорожно, но с крайней осторожностью он лез вверх до тех пор, пока не почувствовал, что голова его уперлась в крышку. Ветер дул ему в левое ухо. Он осторожно повернул голову — еще один боковой трубопровод. Свет над его головой исходил из толстого иллюминатора. Ему оставалось только подняться, ухватиться за край нового трубопровода и каким-то образом забраться в него. Там он сможет лечь.

С еще большей осторожностью, боясь, что что-нибудь еще может случиться, что он совершит какую-нибудь ошибку, упадет в трубу и разобьется, Бонд, скользя грудью по металлу, выбиваясь из сил, смог забраться в новую трубу, где он упал ничком и потерял сознание.

Через какое-то время глаза Бонда открылись. С трудом он перевернулся на спину. Он не представлял себе, который был час, ни места, в котором он находится. Бонд поднял голову, чтобы осмотреть иллюминатор над темным колодцем, из которого он поднялся. Желтоватый свет пробивался сквозь толстое стекло. Бонд вспомнил иллюминатор в камере, откуда он начал свой путь. Наверное, небьющееся, подумал он. Другое бы сюда не вставили. Вдруг он заметил за стеклом какое-то движение. Он увидел свет электрического фонаря, а потом человеческое лицо. Губы Бонда изогнулись в усмешке. Значит, за его побегом следили и сообщали обо всем доктору «NO»!

— Проклятье! — бросил он с яростью и лег ничком.

Затем поднял голову и посмотрел перед собой. Туннель уходил во тьму. Вперед! Ждать бессмысленно. Он взял нож, снова зажал его в зубах и ринулся вперед.

Скоро наступила темнота. Время от времени Бонд останавливался и щелкал зажигалкой, но впереди был только мрак. Воздух становился все горячее и скоро стал обжигающим. Он почувствовал запах раскаленного металла. Бонд начал потеть. Через некоторое время он весь взмок и стал часто останавливаться, чтобы вытереть глаза от пота. Потом труба вдруг повернула направо. Здесь уже металл обжигал кожу. Значит, следующее испытание будет испытание жарой!

Бонд застонал. Как может он выдержать его, ведь он весь покрыт ссадинами? Как сможет защитить себя от раскаленного металла? Делать нечего! Нужно идти вперед, или оставаться на месте, или же возвращаться назад. Других решений и других возможностей не было. Правда, было одно очень маленькое утешение. Этот жар не должен был убить его, а только измучить. Казнь должна свершиться не здесь. Это лишь еще один эксперимент, чтобы проверить его на выносливость. Бонд вспомнил о девушке: что с ней сейчас? Нет, не нужно об этом думать.

Бонд преодолел поворот и углубился в раскаленный воздух.

Старайся не касаться металла грудью. Не выгибай спину. Руки, колени, ноги; руки, колени, ноги. Быстрее. Быстрее. Торопись, чтобы прикосновение было короче.

Больше всего страдали колени, принимающие на себя вес всего тела. О боже, воздуха больше не было! Легкие разрывались. От рук отлетали искры. Ткань на брюках, должно быть, прогорела почти насквозь. Сейчас начнет гореть мясо. Бонд подскочил и его ободранная спина коснулась металла. Он издал вопль. Он пополз дальше, крича от боли, каждый раз, когда его руки, спина, колени касались металла. Это конец. Сейчас он рухнет и, медленно поджарившись, умрет здесь. Нет! Он должен ползти дальше любой ценой, крича от боли, пока мясо не сгорит до костей. Похоже, что на коленях кожи уже не было. Кричи, кричи, кричи! Легче переносить боль, это значит, что ты еще жив. Вперед! Вперед! Уже немного осталось. Умереть тебе суждено не здесь. Ты еще жив. Не сдавайся. Ты не имеешь права!

Правая рука натолкнулась на что-то податливое. Он почувствовал порыв свежего воздуха. Левая рука также коснулась чего-то, затем — голова. Раздался металлический звук. Бонд почувствовал, что асбестовая дверца, прикрепленная на петлях вверху, поддается по мере его продвижения вперед. Он пролез через нее. Услышал, как дверь захлопнулась за ним. Руки наткнулись на сплошную стену; он ощупал стенку справа и слева. Это был еще один поворот, направо. Он втянул свое тело в изгиб трубы. Свежий воздух проник в его легкие, как кинжал. Он осторожно коснулся металла. Со стоном Бонд упал ничком и замер.

Позднее он очнулся от боли. Перевернулся на спину. Как в тумане, он увидел иллюминатор и глаза, рассматривающие его. Затем вновь погрузился в волны мрака.

Понемногу набухли ожоговые пузыри на спине и на ногах. Пот высох на коже и на одежде, холодный воздух проник в легкие и начал свою коварную работу. Но сердце в этом измученном теле продолжало биться сильно и ровно. А благотворное влияние кислорода и отдыха вернуло жизнь в артерии и вены и укрепило нервы.

Бонд очнулся. Как ему показалось, прошли годы. Он слегка пошевелился. Когда он открыл глаза и увидел глаза в нескольких сантиметрах от него по другую сторону иллюминатора, боль вновь овладела им и он задрожал. Он подождал, пока дрожь пройдет. Попробовал открыть глаза снова, еще раз, словно измеряя силу противника. Затем, чтобы спрятаться от следивших за ним глаз он лег ничком. Он подождал еще немного, прислушиваясь к реакциям своего организма. Насколько его еще хватит? Несчастья лишили его нормальных человеческих реакций. Доктор «NO» дергал его за ниточки, как марионетку. Оставались еще запасы звериного отчаяния, а у сильного зверя эти запасы велики.

Медленно, мучительно он отполз на несколько метров от смотревших на него глаз, достал зажигалку и щелкнул. Перед ним была лишь черная полная луна, открытый зев, который приведет его в брюхо смерти. Он убрал зажигалку. Глубоко вздохнул и встал на четвереньки. Боль не стала сильнее, она стала другой. Медленно, скованно он двинулся вперед. Хлопчатобумажная ткань на локтях и коленях Бонда сгорела. Его

оцепеневшее сознание отметило, что пузыри лопаются от соприкосновения с холодным металлом. Двигаясь вперед, он сгибал пальцы, суставы, чтобы проверить свои возможности, чтобы узнать, где болит сильнее. «Терпимо, — говорил он себе. — В таком виде после авиакатастрофы у меня бы определили только ожоги и легкие ушибы. Через несколько дней выпишут бы из больницы. У меня все части тела на месте. Я выжил. Больно, конечно, но это ничего. Думай о других и благодари небо. А теперь — забудь». Но за этими размышлениями скрывалось сознание того, что худшее еще не наступило. Он приближался к нему, а силы и возможности его все убывали. Когда оно наступит? Какую форму оно примет? И сколько сил еще нужно потерять, чтобы добраться до места казни?

Эти красные точки впереди — наверное, галлюцинация. Бонд остановился и потер глаза. Тряхнул головой. Они не исчезали. Медленно приблизился. Они двигались. Бонд вновь остановился и прислушался. Сквозь глухой стук своего сердца он услышал легкий шорох. Точек как будто стало больше. Они двигались — одни быстрее, другие медленнее. Бонд достал зажигалку. Он задержал дыхание и зажег маленький желтый огонек. Красные точки исчезли. Вместо них в метре от него проходил перегораживала тончайшая металлическая сетка. Бонд медленно двинулся вперед, держа перед собой зажигалку. Это было нечто вроде клетки с маленькими животными. Он слышал, как они пятятся, отступая от света. В двадцати сантиметрах от металлической сетки он погасил огонь и подождал, пока его глаза привыкнут к темноте. Пока он ждал и прислушивался, легкий шорох возобновился и красные точки снова собрались около сетки. Что это было? Он не знал. Бонд слышал биение своего сердца. Змеи? Скорпионы? Сороконожки?

Он осторожно приблизил лицо к скоплению точек, поднес зажигалку, щелкнул, осветив бесчисленное множество маленьких коготков, ухватившихся за сетку, десятки мохнатых лапок и большие круглые головы насекомых, усеянные маленькими глазками. Твари отпрянули от сетки и сбились в мохнатую кучу в углу клетки. Прищурившись, Бонд поглядел через сетку, двигая зажигалкой туда-сюда. Затем он погасил ее, чтобы не тратить бензин, и глубоко вздохнул. Это были пауки. Гигантские тарантулы. Длинной от пяти до десяти сан-

тиметров. Их было около двадцати. В любом случае нужно преодолеть и это препятствие. Бонд вытянулся, чтобы отдохнуть и подумать, а красные точки в это время вновь собрались в нескольких сантиметрах от его лица.

Насколько они опасны? Сколько правды в том, что о них говорится? Несомненно, они могут убить животное, но смертельны ли для человека эти гигантские пауки с таким красивым мягким мехом? Бонд содрогнулся. Он вспомнил о сороконожке. Прикосновение тарантула, наверное, менее чувствительное: сначала почувствуешь мохнатые маленькие лапки на своей коже, затем укус — и яд впрыснут.

Неужели такую смерть избрал для него доктор «НО»? Всего один укус, а может быть два, и он упадет в судорожный бред. Он с ужасом представил себе, что должен был прорвать в темноте эту сетку — доктор «НО» не мог рассчитывать на то, что у Бонда окажется зажигалка — затем оказаться в этом клубке светящихся глаз, давить эти мягкие тела и получать от них укусы, а затем опять укусы от тех, что останутся в одежде. Потом — медленная агония. Доктор «НО» задумал именно это. Жертва его с воем поползет к следующему препятствию. Но у Бонда была зажигалка, нож и железный гарпун. Сейчас ему больше всего нужно было спокойствие и высокая точность. Бонд осторожно открыл зажигалку и вытащил фитиль на пару сантиметров, чтобы огонек был ярче. Он зажег его и, пока тарантулы пятились, разорвал ножом металлическую сетку и оторвал ее от каркаса. Потом взял нож в зубы и приблизился к дыре. Пауки отступили от пламени и сбились в глубине клетки в кишашую массу. Бонд гарпуном стал наносить удары по этому скоплению. Тех, что пытались бежать в его направлении, он держал в свете пламени и убивал по одному. Теперь живые пауки бросались на мертвых и раненых, и Бонду оставалось только бешено колотить по тошнотворному клубку окровавленной шерсти.

Через несколько мгновений все замерло. Все были убиты? Пламя зажигалки ослабело. Нужно рискнуть. Бонд протянул руку и отодвинул останки тарантулов, затем разрезал ножом вторую металлическую сетку, являющуюся задней стенкой клетки. Пламя заколебалось и приобрело красноватый оттенок. Бонд собрал все силы и рывком просунул тело сквозь вторую сетку,

стараясь держаться в стороне от окровавленной массы тарантулов.

Он не представлял себе, что за металл, которого он касался, наступил ли он на пауков. Он знал только, что он прошел. Продвинувшись еще на несколько метров, он остановился, чтобы отдышаться и собраться с силами.

Над ним зажегся тусклый свет. Бонд поднял глаза, уже зная, что он там увидит. Желтые миндалевидные глаза за толстым стеклом пристально смотрели на него. Человек с фонарем слегка покачал головой. Веки его опустились, выражая насмешливую жалость. Между фонариком и стеклом показался кулак — это было прощание. Этот жест означал, что он подошел к последнему этапу, что наблюдавшие за ним выполнили свою задачу и теперь им останется только подобрать его останки. Затем свет погас. Бонд снова вытянулся ничком, прижавшись лбом к холодному металлу. Он был удручен тем, что то, что он жив до сих пор, не было никак оценено. Эти китайские негры ненавидели его. Единственным желанием их было видеть, как он умрет и при этом самой ужасной смертью. Бонд заскрежетал зубами. Он думал о девушке, и мысль о ней наполнила его новыми силами. Он еще жив. Проклятье, он не умрет!

Он напряг мускулы. Пора двигаться дальше. Со всеми предосторожностями он собрал свое оружие и, превозмогая боль, пополз в темноту.

Трубопровод начал плавно наклоняться вниз. Ползти стало легче. Очень скоро наклон увеличился настолько, что он мог скользить вниз под действием собственного веса. Какое это облегчение: не нужно больше напрягать мускулы. Впереди — проблеск сероватого света, просто-напросто менее густая тьма. Ничего больше, но это уже кое-что. Воздух кажется другим, у него другой запах, более свежий. Что это?

Внезапно Бонд понял, что он скользит вниз по трубопроводу. Он расправил плечи и расставил ноги — боль была чудовищной — но ничего не добился. Труба стал шире, и ему больше не удавалось упереться в ее стенки. Он скользил все быстрее и быстрее. Впереди, совсем близко, труба изгибалась вниз.

Тело Бонда ударилось о стенку, и колено трубы осталось позади. Проклятье, он падал головой вниз! В отчаянии он раскинул руки и ноги. Металл ободрал ему

кожу. Теперь уже он ничего не мог сделать. Далеко внизу он увидел пятно серого цвета. Открытый воздух? Море? Свет становился все ярче. Он набрал в легкие воздуха. Главное, выжить, выжить, болван!

Бонд головой вниз стрелой вылетел из трубы и продолжил свой долгий полет, показавшийся бесконечным, к стальной поверхности моря, переливавшейся в тридцати метрах внизу.

18. МЕСТО КАЗНИ

Тело Бонда взорвало на заре поверхность моря словно бомба. Пока он летел вниз по металлической трубе по направлению ко все расширявшемуся кругу света, инстинкт подсказал ему не держать больше нож в зубах, вытянуть вперед руки, втянуть голову и напечь тело. Лишь в последнюю долю секунды, когда он увидел поверхность моря, стремительно надвигающуюся на него, ему удалось сделать вдох. Бонд вошел в воду как ныряльщик. Напряженные вытянутые руки пробили дорогу голове и плечам. Погрузившись на глубину семь метров, он потерял сознание. Удар о поверхность воды со скоростью пятидесяти миль в час не расплющил его.

Тело медленно всплыло на поверхность и осталось лежать неподвижно лицом вниз, плавно покачиваясь на небольших волнах, поднятых его падением. Вода проникла в легкие, и они послали последний сигнал в мозг. Руки и ноги беспорядочно зашевелились. Голова поднялась и опустилась вновь, вода проникла сквозь полуоткрытые губы.

Местом казни была небольшая глубокая бухта у подножия крутой скалы. А спасенье, к которому стремился Бонд, несмотря на сковывавший его движение самодельный гарпун, засунутый в одну из штанин, представляло собой металлическую загородку, протянутую от одного скалистого берега к другому, и закрывавшую выход в открытое море. Это была прочная металлическая сетка, которая поднималась на шестьдесят сантиметров над уровнем моря и была подвешена к тросу на высоте двух метров над водой. Внизу же она обросла водорослями и терялась в глубине.

Бонд доплыл до сетки и ухватился за нее, повиснув на ней, словно распятый. Около четверти часа он висел на ней, сотрясаемый время от времени приступами рво-

ты. Затем, наконец, нашел в себе силы повернуть голову и осмотреться. Его затуманенные глаза различили нависающую скалу и короткий сужающийся залив с тихой водой. Это место было погружено в густую серую тень. Заря поднималась с той стороны горы. Открытое море переливалось перламутром. Занимался день. Здесь же все было темно, мрачно и угрюмо.

С трудом мысли Бонда начали сосредоточиваться на перегородке. Для чего нужно перегораживать выход в море? Для того чтобы нельзя было войти или для того чтобы нельзя было выйти из этой бухты? Бонд опустил взгляд в глубокую бездну, окружавшую его. Металлическая сетка терялась во тьме под его ногами. Около его ног сустились какие-то рыбки. Что они делают? Кажется, что что-то едят: подлетают к нему, затем бросаются прочь, хватая, какие-то темные нити. Что за нити? Части его изорванной в клочья одежды. Бонд тряхнул головой, чтобы прояснить свои мысли. Тряхнул еще раз. Нет, они питались его кровью. Бонд содрогнулся. Ну да, у него кровоточила спина, колени, ноги. Тут он впервые почувствовал боль, причиняемую соленой водой его ранам и ожогам. Эта боль встряхнула его, и разум прояснился. Если его кровь нравилась этим рыбкам, что же тогда говорить о барракудах или акулах? Значит, металлическая сетка нужна была, чтобы удержать в бухте хищных рыб? Тогда почему они еще не напали на него? К черту! Прежде всего нужно вскарабкаться на эту сетку. Пусть она отгородит его от того, что могло находиться в этом темном аквариуме.

С трудом Бонд медленно взобрался до верхней части сетки, немного спустился, чтобы значительная часть его тела находилась над водой. Пропустил трос под мышками и повис словно тряпка, повешенная для просушки, бездумно глядя, как рыбешки продолжают питаться кровью, сочащейся из его ног. Сил уже почти не оставалось. После долгого полета вниз по трубопроводу, удара о воду и полубессознательного барахтанья он был еле жив. Бонд был на грани того, чтобы рухнуть вниз, вздохнуть последний раз и соскользнуть в мягкие лапы океана. Как чудесно будет наконец отрешиться от всего и отдыхать, чувствуя, как море баюкает тебя.

Внезапное бегство рыбешек пробудило Бонда от этих смертельных мечтаний. Что-то шевелилось в глубине. Что-то поднималось на поверхность с другой стороны металлической сетки.

Бонд напрягся. С приближением опасности силы вновь вернулись к нему, отогнав сон и возродив в нем волю к жизни.

Бонд расправил пальцы, которым задолго до этого мозг приказал не выпускать нож и держать его крепче. Тронул рукой толстый железный прут, все еще прижимавшийся к ноге. Резко тряхнул головой и напряг зрение. Что за черт? Вода под ним пришла в движение, что-то огромное перемещалось в глубине. Еще далеко от него, во тьме, появилось продолговатое блестящее тело. Что-то отделилось от него и протянулось вверх. Это было щупальце толщиной с его руку. На конце его была небольшая зубчатая выпуклость овальной формы. Оно рассекло воду, где раньше плавали рыбешки, теперь была видна только огромная серая тень. Что она делает? Неужели?.. Она пробует кровь? Два больших глаза размером с футбольный мяч медленно поднялись наверх и остановились в шести метрах под Бондом, разглядывая его лицо сквозь прозрачную воду. Он почувствовал холодок в спине. Вполголоса выругался. Это последний сюрприз доктора «NO»?

Словно загипнотизированный Бонд глядел, не отрываясь, в эти огромные глаза, постоянно находившиеся в движении. Гигантский осьминог — легендарное чудовище, способное утащить в пучину целый корабль, вступающее в бой с китами и весящее более тонны. Что еще он о нем знает? Что у него два длинных щупальца, чтобы захватывать добычу, и еще восемь, поменьше, чтобы удерживать ее. Что под глазами, единственными в своем роде среди беспозвоночных и похожими по своему строению на человеческие, у него есть нечто вроде клюва, что у него развитый мозг и что он может перемещаться в воде со скоростью до тридцати узлов в час, используя реактивный принцип. Что даже гарпуны, снабженные взрывчаткой, пронзали его студенистое тело, не причиняя ему вреда. Что...

Но вот черно-белые шары глаз стали подниматься к нему. Поверхность воды задрожала. Теперь Бонд видел целый лес щупальцев, выходящих вокруг тела. Словно змеи, они извивались перед глазами чудовища, и Бонд уже различал на них присоски. Позади головы мягко колебалась широкая мантия, а дальше за ней блестящее студенистое тело уходило в глубину. О боже, эта штука здоровая, как паровоз. Медленно, избегая резких движений, Бонд просунул руки в ячейки сетки,

ухватившись за нее так, чтобы щупальцам пришлось отрывать его по кусочкам или же вырвать всю сетку целиком. Бросил быстрый взгляд налево и направо. С обеих сторон от скалы его отделяет метров по двадцать. Любое движение может стать последним. Нужно замереть и молить небо, чтобы чудовище не обратило на него внимания... Пальцы Бонда сжали рукоятку ножа.

Глаза холодно и терпеливо глядели на него. Осторожно, словно хобот любопытного слона, одно из двух длинных щупальцев поднялось над водой и двинулось вдоль сетки к ноге Бонда. Добралось до ноги. Он чувствовал шероховатое прикосновение присосков. Он не двигался. Не осмеливался протянуть руку, чтобы не оторваться от металлической перегородки. Присоски попробовали добычу: этого оказалось недостаточно. словно огромная липкая гусеница щупальце медленно поднялось по ноге и достигло колена, остановилось, привлеченное кровью. Бонд сжал зубы, чтобы вытерпеть боль. Он представил себе, какой сигнал в это время щупальце посылает мозгу: Да, это вкусно! А мозг приказывает в ответ: а теперь схвати его! Давай его сюда! Присоски поползли вверх по бедру. На конце щупальце сначала слегка расширилось и достигало ширины бедра, затем сужалось, вытягиваясь, и в этом месте было толщиной с запястье. На это место нацелился Бонд. Нужно перетерпеть боль, преодолеть отвращение и дожждаться, пока щупальце приблизится на необходимое расстояние.

Легкий утренний бриз коснулся стальной поверхности бухты, поднимая волны, которые нежно плескались у подножия скал. Стая бакланов отделилась от вершины и направилась к морю. Шум, потревоживший их, достиг также и ушей Бонда. Три гудка сирены означали, что корабль готов к погрузке. Они донеслись слева. Пристань, видимо, находилась за высоким северным мысом залива. Наверное, пришел корабль из Антверпена. Антверпен! Часть мира, лежащего в тысяче миль отсюда и уже недостижимого для Бонда. Недалеко от него, на камбузе, какие-то моряки готовятся к завтраку. Наверное, работает радио. Наверное, шипит на сковородке яичница с ветчиной и пахнет кофе. Щупальце медленно поднималось все выше, и Бонд почувствовал гнилой солоновато-горький запах. Насколько прочна эта студенистая масса, усеянная коричневыми пятнами?

Ее можно пропороть? Нет, лучше рассечь ее точным и решительным ударом, как режут веревку.

Сейчас! Бонд бросил быстрый взгляд на два огромных глаза, которые казались такими терпеливыми и невозмутимыми. Второе большое щупальце поднялось и метнулось по направлению к его лицу. Бонд отшатнулся, и щупальце обвило трос рядом с его лицом. Еще мгновение, и оно схватит его за руку или за ногу. Сейчас!

Щупальце поднялось до его груди. Почти не прицеливаясь, Бонд нанес режущий удар. Он почувствовал, как лезвие вошло во влажную мякоть и едва не выронил нож, когда раненое щупальце резко убралось в воду. На мгновение море вокруг него забурлило. Второе щупальце бросило трос и обрушилось на его желудок, присосавшись к нему, словно пиявка, присоски тут же начали бешено втягивать в себя воздух. Бонд заорал, нанес еще один удар, затем третий. Его желудок разрывали на части! Металлическая сетка задрожала, сотрясаемая мощными рывками. Вода под ним пенилась. Ему нужно было уступить. Еще один удар по щупальцу! Щупальце бросило жертву и отползло, оставив на коже около двадцати красных пятен, окаймленных кровью.

Заниматься ими не было времени. Голова чудовища показалась на поверхности, а широкая мантия в ярости будоражила воду. Покрасневшие глаза смотрели на Бонда, а целый лес коротких щупальцев хватал его за ноги, обрывая в клочья одежду и рассекая воздух. Он чувствовал, что они неудержимо тащат его вниз. Трос глубоко впивался ему под мышки. Если он не отпустит руки, его разорвет надвое. Глаза и ужасный треугольный клюв высунулись из воды рядом с его ногами. Была единственная надежда. Единственная!

Бонд взял нож в зубы и нащупал рукой гарпун. Вытащил его из брюк и, соскользнув вниз, с остервенением нанес несколько ударов, вложив в них все свои силы. Он успел заметить, что наконечник гарпуна вонзился в огромный шар глаза, а затем ему показалось, что все море взметнулось вверх мощной черной струей. Он упал, зацепившись ногами за сетку и повис вниз головой в нескольких сантиметрах от воды.

Что случилось? Он ослеп? Он ничего не видел. Он чувствовал жжение в глазах, а во рту неприятный вкус рыбы. Он также чувствовал, как металлический прут

врезается ему в сухожилия. Он все еще жив! Оглушенный Бонд бросил гарпун и протянул руку к металлической сетке. Он схватился за нее обеими руками и с неимоверным усилием медленно поднялся и сел на перегородку. В глазах мелькали какие-то светлые полосы. Он провел рукой по лицу. Теперь он видел. Посмотрел на руку. Она была черная и липкая. Оглядел себя. Он был покрыт каким-то черным и вязким веществом, оно же было разлито в морской воде в радиусе двадцати метров. Бонд понял. Раненый осьминог выбросил в него весь запас чернил.

Где же он? Вернется ли? Бонд осмотрел море. Ничего, ничего, кроме растущего черного пятна на воде. Никакого движения. Никакой ряби. А теперь не ждаты! Прочь отсюда! Быстро! Бонд в отчаянии посмотрел направо и налево. Слева был корабль, но там же и доктор «NO». Справа — никого. Рабочие, установившие эту перегородку, видимо, пришли слева, со стороны мола. Там, наверное, есть тропинка. Бонд ухватился за трос и начал судорожно передвигаться вдоль него к скалистому выступу, лежащему в двадцати метрах.

Он походил на окровавленную куклу, покрытую черной вонючей жидкостью и механически двигавшую руками и ногами. Органы чувств и сознание Бонда уже не принадлежали его телу. Они отделились от него и плавали над ним, передавая ему лишь сигналы, необходимые для того, чтобы марионетка двигалась. Бонд был похож на разрезанного надвое червяка, чьи половинки уже мертвы, но продолжают корчиться, приводимые в движение нервными импульсами, этой видимостью жизни.

Вот и скала. Он опустил металлический трос. Полубессознательно посмотрел на едва колеблющуюся гладь воды. Она была непроницаемо черной. Можно рискнуть? Нужно! Он ничего не сможет сделать, пока не очистится от этого липкого вещества и от запекшейся крови, от этого отвратительного запаха тухлой рыбы. Бонд снял с себя то, что оставалось от рубашки и брюк и повесил на трос. Посмотрел на свое тело, все в черных разводах и пятнах алой крови. Инстинктивно проверил пульс. Тот был медленным и ровным. Он приободрился. Что он так беспокоится? Раны и ссадины не имели абсолютно никакого значения. Выглядели они страшно, но ничего не было сломано. Под немного помятым корпусом мотор продолжал работать ровно и

надежно. Поверхностные порезы и ссадины, ужасные воспоминания, полное истощение — над всем этим врачи скорой помощи просто посмеялись бы. Двигайся, болван! Торопись! Вымойся и соберись с мыслями. Возблагодари небо и подумай о девушке. Подумай о человеке, которого ты должен любой ценой найти и убить. Цепляйся за жизнь с той же силой, с какой ты сжимал нож в зубах. Прекрати жалеть себя. К черту все, что произошло до сих пор.

Через десять минут, в изорванной и мокрой одежде, липнувшей к ободранной пылающей коже, Бонд взбирался на скалу.

Да, все было так, как он и предполагал. Узкая каменная тропинка огибала мыс.

До него долетали совсем близкие шумы и отзвуки. Работал кран. Слышался прерывистый гул его мотора. С корабля доносились металлические звуки и шум воды, которую насосами выкачивали из трюма в море.

Бонд посмотрел на небо. Одно маленькое, золотистое облачко плыло по бескрайней голубизне к горизонту. Высоко над ним кружились бакланы. Скоро они полетят на поиски корма, а сейчас, похоже, наблюдали за группами птиц-разведчиков, искавших косяки рыбы в открытом море. Было около шести часов утра, занималась заря великолепного дня.

Оставляя за собой кровавую полосу, Бонд осторожно двинулся по тропинке у подножия нависшей скалы. За поворотом тропа представляла собой лабиринт, проложенный среди огромных глыб, скатившихся в долину. Шум стал громче. Бонд пробирался вперед очень осторожно, чтобы не столкнуть камни вниз. Совсем близко чей-то голос крикнул:

— Готовы?

Другой, более далекий, ответил:

— Давай!

Мотор крана прибавил обороты. Еще несколько метров. Еще один обломок скалы, за которым можно спрятаться. Затем еще. Сейчас!

Бонд прижался к скале и осторожно выглянул.

19. ПОСЛЕДНЕЕ УСИЛИЕ

Бонд внимательно посмотрел по сторонам и снова спрятался за скалу, прижался к ее холодной поверхности и подождал, пока восстановится дыхание. Потом

тщательно осмотрел нож. Он остался доволен и засунул его за пояс.

Потом он сел и сосредоточился на отпечатавшейся у него в мозгу картине.

Впереди, метрах в десяти, стоял подъемный кран. Задняя часть кабины была открыта. За рычагами сидел человек. Это был китайский негр, водитель «дракона». Впереди метров на двадцать в море протянулся причал, похожий на букву «Т». Вдоль поперечины этого «Т» пришвартовался старый сухогруз водоизмещением примерно десять тысяч тонн. Осадка у него была очень маленькая. Палуба возвышалась над водой метра на четыре. Судно называлось «Бланш», и на корме виднелись буквы «Ант» (Антверпен). На борту не было ни души, кроме одного матроса, прислонившегося к штурвалу. Остальные, видимо, сидели в кубрике. Справа от подъемного крана — приподнятый над землей ленточный транспортер. Лента выползала из ящика из гофрированной жести, установленного прямо на склоне горы, и тянулась на опорах до люка в трюме сухогруза. Заканчивалась она чем-то вроде холщового мешка диаметром приблизительно два метра. Дна у мешка не было, и он скорее напоминал надетую на конец транспортера трубу. Роль крана заключалась в том, чтобы удерживать ее в нужном положении, передвигая то влево, то вправо таким образом, чтобы равномерно распределять удобрения, несколько тонн которого каждую минуту загружалось в трюм.

На причале, слева виднелась высокая, напряженная фигура доктора «NO».

Вот и все. Тянул утренний бриз, и глубокие воды бухты, все еще покрытой тенью от нависшей над ней скалы, подернулись легкой рябью. Слышен был мерный скрип блоков и ритмичное рокотание двигателя крана. И больше никакого шума, никакого движения, никаких признаков живых существ за исключением вахтенного у штурвала, человека за рычагами крана и доктора «NO».

Бонд размышлял, прикидывая расстояния, рассчитывая повороты и стараясь точно запомнить, какими рычагами и педалями пользовался крановщик. На его изможденном лице появилась едва заметная злая улыбка. Конечно! Это могло удасться. Но действовать надо мягко, спокойно, бесшумно! Пожалуй, цель была даже слишком привлекательной.

Бонд осмотрел руки и ноги. Они могли, должны были выдержать. Он дотронулся до рукоятки ножа. Сдвинул его на несколько сантиметров. Потом встал, несколько раз глубоко вздохнул, взъерошил слипшиеся от соленой воды и пота волосы, энергично растер лицо и несколько раз сжал и разжал пальцы. Он был готов.

Бонд влез на скалу, чтобы еще раз осмотреться. Все по-прежнему. Он точно рассчитал расстояние. Крановщик был полностью поглощен работой. Его шея над расстегнутым воротником рубашки цвета хаки казалась незащищенной. В двадцати метрах за краном, спиной к Бонду стоял доктор «НО» и, не отрываясь, следил за погрузкой. На палубе вахтенный закуривал сигарету.

Бонд смерил взглядом эти десять метров, отделявших его от крана. Потом оттолкнулся от скалы и побежал.

Он подобрался к крану с правой стороны, туда где боковая стенка кабины скрывала его от крановщика и того, кто был на причале. Притаился и прислушался. Двигатель работал на полную мощность, транспортер беспрерывно грохотал у Бонда за спиной и выше, выползая из скалы. Все шло как надо. Две железные ступеньки на задней стенке кабины в двадцати сантиметрах от головы Бонда казались довольно прочными. Впрочем, шум двигателя все равно заглушил бы более слабые звуки. Но надо было спешить, чтобы успеть убрать с сиденья тело крановщика и сесть за рычаги. Один удар, но наверняка. Бонд поднес руку к шее, нащупал место, где пульсировала артерия, и еще раз представил, как наносить этот удар: с силой вонзить лезвие и оставить в ране.

Еще миг и он сжал в руке нож, поднялся по железным ступенькам и проскользнул в кабину быстро и бесшумно, как пантера.

Спешить в последний момент было незачем. Бонд встал за спиной крановщика, медленно занес нож и сконцентрировал все силы, прежде чем резко всадить в шею противника.

Руки и ноги механика соскользнули с рычагов управления. Голова откинулась назад. Послышалось сдавленное хрипение, и массивное тело скатилось набок.

Бонд даже не взглянул на него: он уже сидел за рычагами. Механизм вышел из-под контроля, двигатель работал на холостых оборотах, стрела медленно опускалась, словно шея у жирафа, мешок на конце транс-

портера сместился, и желтый порошок сыпался в воду между бортом корабля и причалом. Доктор «NO» смотрел вверх, широко раскрыв рот. Может быть, он что-то кричал.

С максимальным хладнокровием Бонд снова взял кран под контроль, включив передачу, и горловина мешка вернулась на свое место над люком в трюм, а стрела пошла в прежнее положение. Момент наступил!

Бонд крепко сжал металлический штурвал, который вращал крановщик, когда Бонд посмотрел на него в первый раз. Куда его поворачивать? Он попробовал влево. Стрела сдвинулась немного вправо. Хорошо. Бонд повернул штурвал вправо. Да, черт возьми, это было то, что надо: стрела изменила положение и потащила за собой мешок.

Мгновенный взгляд на причал. Доктор «NO» отошел в сторону и прислонился к опоре, которую Бонд раньше не заметил. В руках у него был телефон. Доктор пытался связаться с людьми на противоположной стороне горы. Бонд видел, как он лихорадочно трясет трубку.

Он повернул штурвал. Быстрее, ради бога! Через несколько секунд доктор «NO» выйдет на связь, и тогда будет слишком поздно. Стрела медленно описала в воздухе дугу. Вот мешок выбрасывает желтый порошок вдоль борта корабля.. Вот желтая масса медленно продвигается вдоль пирса... Пять метров, четыре, три, два! Только не оборачивайся, сволочь! Ну вот и все. Зафиксировать штурвал. Отлично, настал твой черед, доктор «NO».

Доктор «NO» обернулся навстречу первой волне зловонного потока. Бонд увидел, что он раскинул длинные руки, словно хотел обнять несущуюся на него лавину, даже попытался бежать. Рот его раскрылся и, перекрывая шум двигателя, до Бонда донесся вопль. Еще несколько секунд можно было видеть силуэт доктора, а потом все исчезло и не осталось ничего, кроме желтой глыбы птичьего помета, которая все росла и росла.

— Боже мой! — голос Бонда отразился металлическим эхом от стен кабины. Он подумал о легких, заполняющихся зловонным порошком, о теле, которое сгибалось и, наконец, рухнуло под невыносимой тяжестью, о судорожно дернувшихся в последний раз ногах и о том, что доктор почувствовал перед смертью: ярость,

ужас, боль поражения? А потом — безмолвие этой омерзительной могилы.

Грязно-желтая гора была уже метров семь в высоту. Порошок начал сыпаться с причала в море. Бонд посмотрел на корабль. В этот момент трижды отрывисто взвыла сирена. Потом она завывала без остановок. Он разглядел вахтенного, который, цепляясь за канат, высунулся в иллюминатор, чтобы посмотреть вниз. Бонд бросил рычаги. Пора уходить.

Он соскользнул с металлического сиденья и наклонился над трупом, чтобы вытащить у него из кобуры пистолет. Посмотрев на оружие, он горько усмехнулся: «Смит энд Вессон», 38 калибра. Бонд засунул его за пояс. Приятно было ощутить на коже холодок металла. Он выпрыгнул из кабины.

Железная лесенка за краном вела к ящику, из которого выползал транспортер. В защитном кожухе двигателя, сделанном из гофрированного железа, была дверца. Бонд вскарабкался по лесенке, легко распахнул ее и попал в облако удушливых испарений.

Внутри стоял оглушительный шум, но на скальном потолке туннеля были видны слабые проблески света, и очень узкий проход вел в недра горы вдоль бесконечного потока желтого порошка. Любой ценой он должен был добраться до конца раньше, чем перепуганная охрана сообразит, что означали вой корабельной сирены и обрыв связи с хозяином.

То и дело спотыкаясь, Бонд бежал по зловонной галерее. Сколько еще? Метров двести? А потом? Выскочить из туннеля, открыть огонь, посеять панику и положиться на удачу. Он мог бы взять за горло одного из людей доктора и заставить его сказать, где девушка. Ну, а дальше? Что он увидит, когда до нее доберется? И что от нее вообще осталось?

Бонд побежал быстрее. Когда он налетел головой на что-то мягкое и почувствовал, что его хватают за горло, было уже поздно думать о пистолете. Единственное, что он сумел сделать — это резкий бросок вниз, чтобы захватить ноги противника. Это удалось, неизвестный опрокинулся на спину и пронзительно закричал.

Изо всех сил Бонд старался сбросить соперника на транспортер, как вдруг этот визг и ощущение нежного и легкого тела, прижимавшегося к нему, заставили его замереть на месте.

Это невероятно!

Вместо ответа острые зубы яростно впились ему в руку и он получил удар локтем в пах.

Бонд вскрикнул от боли. Он попытался увернуться и закричал:

— Хани! — но в этот момент получил еще один удар.

У него перехватило дыхание. Был только один способ справиться с девушкой, не сталкивая ее на транспортер. Он крепко сжал ее щиколотку и приподнялся на колени, а потом встал во весь рост, прижимая ногу Хани к плечу. Свободной ногой она попыталась ударить его по голове, но как-то неуверенно, словно чувствуя, что тут что-то не так.

— Перестань, Хани! Это я!

Голос Бонда перекрыл грохот транспортера. Откуда-то снизу донесся до него ответный крик:

— Джеймс! — Хани изо всех сил обхватила его ноги. — Джеймс! Джеймс!

Он осторожно отпустил девушку, встал на колени и крепко обнял ее.

— О, Хани, Хани! С тобой все в порядке? — Он отчаянно прижимал ее к себе, все еще не в силах поверить, что все это происходит наяву.

— Да, Джеймс! О, да! — Она обняла Бонда за шею. — О, Джеймс, милый! — Всхлипнув, она прижалась к его груди.

— Все идет хорошо, Хани. — Бонд ласково потрепал ее по голове. — А доктор «NO» мертв. Но сейчас нам надо бежать. Мы должны выйти отсюда. Пошли! Как выбраться из туннеля? И как ты сюда попала? Надо спешить!

Словно в подтверждение его слов транспортер со скрипом остановился.

Бонд помог девушке встать. Она была в холщовом мужском комбинезоне голубого цвета с закатанными рукавами и штанинами: казалось, что это девочка в мужской пижаме, которая ей сильно велика. Она вся была покрыта вонючей пылью, и только на лице слезы проложили бороздки.

— Там впереди, — выдохнула она, — есть боковая галерея, которая ведет в мастерскую и в гараж. За нами будут гнаться?

На разговоры времени не было.

— За мной! — приказал Бонд и побежал. Они добрались до развилки, где начинался туннель, уходящий

в глубь скалы. Откуда появятся враги? Из бокового прохода или из главной галереи? Ответом явились голоса, прозвучавшие в боковом туннеле. Бонд протащил девушку за собой еще несколько метров вдоль главной галереи. Прижав ее к себе, он прошептал:

— Мне жаль, Хани, но боюсь, что придется их убрать.

— Разумеется, — спокойно ответила она. Хани крепко сжала ему руку, а потом отошла назад, чтобы освободить пространство и заткнула уши.

Бонд вынул револьвер и бесшумно проверил, все ли шесть патронов в барабане. Он понимал, что еще в одном хладнокровном убийстве нет ничего хорошего, но эти люди были гангстеры, безжалостные исполнители самых грязных дел. Одному богу известно, сколько преступлений на их счету. Может быть, это они убили Стрэнгуэйза и его секретаршу. Впрочем, успокаивать совесть было бессмысленно. Речь шла только об одном: быть убитым или убивать самому. И делать это надо было умело.

Голоса приближались. Мужчин было трое. Они говорили громко и возбужденно. Возможно, впервые за много лет им пришлось идти через этот туннель. Бонд спрашивал себя, остановятся они, чтобы осмотреться, когда выйдут из туннеля, или придется стрелять в спину.

Они были уже совсем близко. Он слышал шум шагов.

— Вместе с этими ты мне должен десятку, Сэм.

— Ничего, сегодня вечером хоть немного да отыграюсь.

— Сегодня я — пас. Собираюсь побаловаться с этой белой девкой.

— Ха-ха-ха...

Они вышли по одному, небрежно опустив руки с оружием.

— Сомневаюсь, что тебе это удастся, — сухо произнес Бонд.

Все трое резко обернулись. Бонд выстрелил последнему в голову, а второму — в живот. Тот, кто вошел первым, успел поднять пистолет. Пуля просвистела рядом с Бондом и ушла в туннель. Револьвер Бонда еще раз выплюнул пламя. Человек медленно повернулся вокруг своей оси, прижимая руки к горлу, и свалился на транспортер. По галерее разносилось эхо выстрелов.

Двое лежали неподвижно. Третий, раненый в живот, судорожно вздрагивал. Бонд сунул еще теплый револьвер за пояс.

— Вперед, — резко бросил он девушке. Схватив за руку, он увлек ее за собой в сторону бокового прохода. — Мне, правда, жаль, Хани, — сказал он и побежал, не выпуская ее руки. — Ну что ты, — ответила она. Слышен был только топот их босых ног по каменному полу.

Воздух в туннеле был чистый и идти было легче, но заглушенная нервным напряжением во время перестрелки боль снова навалилась на Бонда. Он бежал машинально, почти не думая о девушке. Все его мысли были сконцентрированы на преодоление боли и на то, что будет при выходе из галерей.

Он не знал, были ли выстрелы услышаны, и не имел представления, сколько еще осталось врагов. Он знал только то, что пристрелит любого, кто попадется на пути, так или иначе доберется до гаража и захватит тягач-амфибию. Это был их единственный шанс спуститься на побережье.

Хани за его спиной споткнулась. Бонд остановился, проклиная себя за то, что забыл о ней. Хани крепко вцепилась ему в руку и на мгновение прижалась к Бонду, тяжело дыша.

— Извини, Джеймс. Я только...

Бонд поддержал ее.

— Ты ранена, Хани? — с тревогой спросил он.

— Нет, я в полном порядке, только очень устала. А на горе я разбила ноги. Все время падала в темноте. Если бы только можно было не бежать, а хотя немного просто идти! Ведь мы почти на месте. Там, еще до мастерской, есть дверь в гараж. Может, нам через нее пойти? — Бонд прижал ее к себе.

— Именно об этом я и думал, Хани, — сказал он. — Это наша единственная надежда на спасение. Если ты выдержишь, у нас будут хорошие шансы выкрутиться.

Он обнял ее за талию, чтобы поддержать. На ноги девушки он смотреть боялся. Бонд знал, в каком они состоянии. Но жалеть друг друга бессмысленно. На это, если они хотели остаться в живых, не было времени.

Они двинулись дальше, лицо Бонда исказилось в последнем усилии, от ног девушки на каменном полу оставались кровавые отпечатки. Они прошли совсем немного, когда Хани с тревогой прошептала, что в стене

туннеля виднеется деревянная дверь: она была прикрыта, и из-за нее не доносилось ни звука.

Бонд вытащил из-за пояса револьвер, осторожно открыл дверь. В гараже никого не было. В свете неоновых ламп черно-золотой «дракон» на огромных колесах казался подготовленной к торжественному выезду лорд-мэра колесницей. Машина была развернута в сторону раздвижных дверей, кабина открыта. Бонд молил небо, чтобы бак оказался полным, а механик устранил все неисправности.

Неожиданно снаружи слышались голоса. С каждым мгновением они становились все отчетливее.

Бонд схватил девушку за руку и рванулся вперед. Спрятаться можно было только в одном месте: в тягаче-амфибии. Девушка забралась в кабину. Бонд последовал за ней и бесшумно закрыл дверцу. Они притаились внутри, выжидая. Оставалось только три патрона. Голоса слышались уже совсем рядом. Завизжала, двигаясь, дверь и в гараж вошло несколько человек, которые бурно разговаривали между собой.

— Откуда ты знаешь, что это были выстрелы?

— А что же еще? Я этот звук ни с чем не спутаю.

— Пожалуй, лучше будет захватить винтовки. Держи, Джо! Тебе, Лемми, вот эту. И гранаты тоже. Ящик там, под столом.

— Должно быть, кто-то просто спятил. Но уж, конечно, не англичанин. Вы когда-нибудь видели эту зверюгу в бухте? Черт меня побери! А все те игрушки, которые доктор понаставил в трубах? Кстати, о девке. Сегодня она уж точно не в форме. Никто не ходил посмотреть?

— Нет.

— Это меня удивляет. Девка ведь — что надо.

Опять шум шагов и потом:

— Ладно, пошли! Двое — вперед, пока не доберемся до главной галереи. Стрелять только по ногам. Кто бы ни устроил весь этот переполох, доктор захочет немного поразвлечься.

— Ха-ха-ха..

Приближался топот ног по бетонному полу. Бонд затаил дыхание, пока они шли мимо тягача. Заметят, что дверь в кабину закрыта, или нет? Но они прошли через гараж, вышли в туннель, и шаги постепенно стихли в глубине.

Слегка задев руку девушки, Бонд приложил к губам указательный палец в знак молчания. Он бесшумно приоткрыл дверцу и прислушался. Все тихо. Он выпрыгнул из кабины, обошел тягач и направился к двери, оставшейся полуоткрытой. Не было видно никого. В воздухе стоял запах жареной рыбы, от которого Бонду страшно захотелось есть. В соседнем здании обедали, судя по доносившимся оттуда звукам, в одном из сборных домиков неподалеку кто-то играл на гитаре и мужской голос напевал калипсо. Залаляли и смолкли собаки. Это были доберманы.

Бонд повернулся и побежал в другой конец гаража. Из туннеля не доносилось ни малейшего шума. Он закрыл дверь, повернул ключ и задвинул засов, потом подошел к ружейной пирамиде и взял еще один «Смит энд Вессон» и автоматический карабин «Ремингтон»; проверил оружие, вернулся к тягачу и передал карабин и револьвер девушке. Теперь — дверь. Бонд уперся в нее плечом, чтобы открыть до конца. Гофрированное железо загремело. Бонд бегом вернулся к тягачу, влез в кабину и сел за руль.

— Дверь, Хани! — прошептал он и нагнулся, чтобы повернуть ключ в замке зажигания.

Стрелка указателя уровня топлива стояла на максимуме. Только бы эта штука завелась сразу! Некоторые дизели прогреваются долго. Бонд дал газ.

Шум раздался оглушительный. Слышно было, наверное, в любой точке острова! Бонд снял ногу с акселератора, потом попробовал еще раз. Двигатель чихнул и заглох. Но с третьей попытки все-таки завелся. Теперь — передача. Но какая? Может, эта. Да, порядок. С ручника сними, идиот! Чорт возьми, едва все не рухнуло. И вот они уже выехали на тропинку.

— Погони не видно? — чтобы перекрыть рев дизеля, Бонд был вынужден кричать во все горло.

— Нет. Подожди! Вот один выскочил, за ним еще один! Подают какие-то знаки и кричат. А вот и новые появились, один бежит направо, другой вернулся и взял винтовку. Целится... Стреляет!

— Закрывай все и ложись на пол! — Бонд взглянул на тахометр. Двадцать миль. А ведь тропинка шла под уклон. Из этого двигателя больше не выжать. Из всех сил Бонд удерживал огромные колеса на тропинке. Кабина раскачивалась на амортизаторах. Руль вырывался из рук. Что-то металлическое щелкнуло по кабине. По-

том еще. С какого расстояния они стреляют? Метров сто пятьдесят? Мишень отличная. Но он ничего не мог поделать.

— Посмотри, что там делается, Хани! Только не открывай амбразуру, — прокричал он.

— Этот встал и больше не стреляет. Они все стоят и смотрят. Их там полно. А вот и собаки, они мчатся за нами. Как думаешь, догонят?

— Даже если и догонят, неважно. Сядь сюда, Хани. Держись крепче. Смотри, не ударься головой. — Девушка уселась рядом. Бонд сдержанно улыбнулся ей.

— Черт побери, Хани, мы выкрутились. Когда будем у озера, остановимся, и я расстреляю собак. Если не ошибаюсь, достаточно подстрелить одну и все остальные остановятся и набросятся на нее.

Хани положила руку ему на затылок и так держала все время, пока они ехали по тропинке в грохочущем и подпрыгивающем тракторе. Добравшись до озера, Бонд въехал метров на пятьдесят в воду, развернулся и перевел двигатель на холостой ход. Через щель ему удалось разглядеть стаю, которая на огромной скорости вылетела из-за последнего поворота. Он высунул ствол карабина наружу. Собаки были уже в воде. Бонд несколько раз выстрелил. Один пес судорожно дернулся, потом — второй, третий. Слышен был отрывистый лай, сливающийся с ревом двигателя. Битва началась. Он увидел, что какой-то пес набросился на своего раненого собрата и вцепился ему в горло. Казалось, собаки взбесились. Они яростно барахтались в кровавой пене. Бонд расстрелял всю обойму и бросил карабин.

— Кончено, Хани, — сказал он. Он снова включил передачу, развернулся и поехал через озеро к далекой просеке в мангровых зарослях, туда, где находилось устье реки.

Несколько минут они сжали молча. Потом Бонд положил руку девушке на колено и сказал:

— Теперь все пойдет хорошо, Хани. Когда они обнаружат, что их шеф мертв, то перепугаются до смерти. Кое-кто, наверно, попытается бежать на Кубу самолетом или катером. Они будут думать только о собственной шкуре, а не о нас с тобой. Во всяком случае до темноты мы в море не выйдем. Думаю, сейчас десять. Через час мы должны добраться до побережья. Там отдохнем и восстановим силы. Погода прекрасная; ночью будет луна. Ты как, выдержишь?

Рука Хани сжала его затылок.

— Конечно, Джеймс. А ты? Ты неважно выглядишь. Сплошные ожоги и синяки. А что это за красные пятна на животе?

— Потом объясню. Ничего серьезного. Лучше расскажи, что с тобой было сегодня ночью? Как ты сумела спастись от крабов? Почему затея этого негодяя провалилась? Всю ночь я только и думал, как они тебя по кусочкам пожирают. Господи, какая жуткая картина! Но что случилось на самом деле?

Девушка смеялась. Бонд посмотрел на нее. Светлые волосы растрепаны, в глазах — усталость, но в целом у нее был вид человека, просто возвращающегося домой с затянувшейся вечеринки.

— Этот тип слишком много о себе воображал. Старый идиот. — Казалось, она рассказывает о каком-нибудь занудливом учителе. — На него черные крабы подействовали гораздо сильнее, чем на меня. Я не боюсь прикосновений животных, да эти крабы ни за что не укусят, если ты не двигаешься и на теле нет открытых ран. Но самое главное — они не любят мясо и предпочитают растительную пищу. Если он не наврал, что действительно убил таким способом какую-то негритянку, так либо у нее были кровоточащие раны, либо она умерла просто от страха. Может, он хотел посмотреть, выдержу ли я. Старая свинья! А в обморок за ужином я упала только потому, что поняла, что для тебя он приготовил кое-что похуже.

— Черт побери, можно было бы и догадаться. А я-то вообразил, что они тебя сожрали.

— Вообще, конечно, не очень приятно, когда тебя раздевают и привязывают к вбитым в землю колышкам. Но эти негры не осмелились до меня дотронуться. Только посмеялись и ушли. Лежать было неудобно, но я думала о тебе и о том, как добраться до доктора и прикончить его. Потом я услышала, что крабы подползают, и скоро они появились — быстрые и очень шуршащие. Буквально сотни! Я лежала неподвижно и думала о тебе. Они ползали по мне и рядом. Но я для них была все равно, что камень какой-нибудь. Только вот щекотали они здорово, а один чуть не вырвал мне прядь волос. Знаешь, от них не пахнет, вреда никакого, и я просто ждала, когда рассветет и они уползут в норы. Они были почти что симпатичные, вроде как компанию мне составляли. Постепенно их стало меньше, и в конце

концов все уползли. Тогда я смогла пошевелиться и начала расшатывать колышки. Я выбрала тот, к которому они мне привязали правую руку, и через некоторое время вытащила его из трещины в скале. Дальше все было просто.

Я вернулась к поселку и долго кружила вокруг домов, присматривалась. Потом добралась до гаража, где нашла этот камбинезон. Когда где-то рядом заработал транспортер, я подумала, что это на нем переправляют удобрения сквозь гору. Я была уверена, что тебя уже нет в живых, — продолжала она ровным голосом, — и поэтому решила добраться до транспортера, попасть на другую сторону горы, найти и прикончить доктора. Для этого я даже взяла отвертку. — Она усмехнулась. — Когда мы столкнулись, я хотела всадить ее тебе в живот, только не смогла вытащить из кармана. А по галерее до главного туннеля я прошла через дверь, которую обнаружила в глубине гаража. Вот и все. Я старалась идти как можно осторожнее, как вдруг ты заехал мне головой в живот. — Она засмеялась. — Милый, тебе, надеюсь, было не очень больно. Моя няня всегда меня учила, что мужчин лучше всего бить в пах.

Бонд расхохотался.

— Однако ты прекрасно это усвоила, а? — Он запустил руку в ее густые волосы и притянул к себе. Скользя по щеке, губы девушки прижались к его губам.

Тягач подскочил и накренился набок. Поцелуй пришлось прервать. Они налетели на корни мангровых деревьев у входа в устье реки.

20. ВЫПОЛНЕНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

— Вы в этом совершенно уверены?

Во взгляде губернатора чувствовалось беспокойство и враждебность. Как могло нечто подобное случиться у него прямо под носом, у него — представителя британской власти на ямайской территории? Как на это отреагирует Министерство по делам колоний? Он даже совершенно отчетливо представил себе длинный голубоватый конверт с грифом «Только для сотрудников Министерства», из которого выглядывал лист бумаги, а на листе было напечатано: Государственный секретарь по делам колоний поручил мне выразить вам его недоумение относительно..»

— Да, сэр. Больше, чем уверен. — Губернатор был Бонду несимпатичен. Ему не нравился прием, с которым он столкнулся во время последнего посещения Кинг Хауз, не понравились и мелочные нападки на Стрэнгуэйза и его секретаршу. Еще менее приятно было вспоминать об этом теперь, когда он знал, что трупы обоих покоятся на дне Мона Резервуар.

— Гм... Будет лучше не информировать прессу. Вы меня понимаете, не так ли? Свой отчет Государственному секретарю я отправлю с ближайшей почтой. Уверен, что могу всецело положиться на ваше...

— Извините, сэр. — Командующим силами Обороны стран Карибского бассейна был молодой, лет тридцати двух, офицер современной формации. Достаточно прочное служебное положение позволяло ему вести себя независимо в среде самых высокопоставленных чиновников колониального губернаторства. — По моему мнению, тот факт, что майор Бонд не передаст имеющуюся у него информацию никому, кроме руководства своего Отдела, мы можем считать само собой разумеющимся. И если позволите сэр, я бы предложил в обязательном порядке предпринять необходимые для выяснения ситуации на Крэб Кэй шаги, не дожидаясь санкции Лондона. Могу предоставить в ваше распоряжение взвод, готовый выступить сегодня же вечером. «Нарвик» пришел вчера. Если приемы и коктейли, предусмотренные программой визита, могут быть перенесены на сорок восемь часов позже...

Командующий прервал свою полную сарказма ноту и замолчал.

— Я согласен с командующим, сэр. — Тон начальника полиции был весьма резким. Быстро проведенная операция могла бы избавить его от многих хлопот, только действовать надо было действительно быстро. — Мне со своей стороны придется немедленно принять меры в отношении замешанных в этом деле ямайских граждан. Я буду вынужден направить водолазов для работ в Мона Резервуар. Если это дело следует раскрыть, то мы не можем себе позволить ждать, что скажет Лондон. Как сообщил мистер... майор Бонд, большая часть этих черных гангстеров сейчас уже на Кубе. Я должен буду связаться с моим коллегой в Гаване, для того чтобы их взяли, прежде чем мерзавцы уйдут в подполье. Думаю, что действовать придется немедленно.

В прохладном полутемном зале, где проходило совещание, наступила тишина. На потолке, прямо над массивным столом красного дерева, мелькнул солнечный зайчик. Бонд понял, что он проник через жалюзи, отразившись от поверхности воды в фонтане или бассейне в саду, раскинувшемся там, за высокими окнами.

Король Георг с одной стены и королева с другой — снисходительно и умиротворенно смотрели на стол.

— Что вы думаете об этом, господин Секретарь? — со сдерживаемым возбуждением спросил губернатор.

Бонд прислушался к первым словам, понял, что Плейдел-Смит согласен, и дальше слушать не стал. Мысли его унеслись в мир теннисных кортов, садовых бассейнов с нимфами, в мир королей и королев. Он думал о Лондоне, о людях, которые фотографируются на Трафальгарской площади, а голуби садятся им на плечи, о деревьях вдоль окружных дорог — скоро они будут все в цвету — о мае, о своей замечательной экономке в квартире за Кингз Роуд — она уже встала и готовит чай (было одиннадцать по местному времени, то есть около шести по лондонскому), о первых поездках метро, от которых дрожал пол в его прохладной и погруженной в полумрак комнате. О, прекрасный климат Англии: мягкий ветерок, ласковое дуновение тепла, мгновения прохлады. «Единственная страна, где вы можете совершить прогулку в любой день года». Кажется, это Честерфилд.

А потом Бонд подумал о Крэб Кэй: о начинавшемся сезоне гнусных горячих ветров, запахе метана на болотах, где росли мангровые деревья, зубчатых коралловых утесах, серых и мертвых, в расщелины которых стремительно забивались, ковыляя на своих кривых конечностях, черные крабы с красными и черными глазами, стоило лишь тени от облака или птицы упасть на землю. Там, внизу, в колонии коричневых, белых и розовых птиц, мелкие пернатые ловили рыбу, дрались или вили гнезда, а на то место, где добывали помет, слетались после утреннего завтрака поморники и отдавали свою порцию дани хозяину, которому она уже никогда не понадобится. Но где же был этот хозяин? Люди с «Бланш», наверно, уже откопали его. Осмотрев тело и убедившись, что признаков жизни нет, они его куда-нибудь унесли. Может быть, пока капитан запрашивал у Антверпена инструкции, они стряхнули с трупа желтую пыль и обрядили в кимоно. А душа доктора «NO»?

Куда отправилась она? И чья это душа — негодяя или алчного безумца?

Бонд подумал о навечно сгинувшей в болоте бесформенной обгоревшей массе, которая когда-то была Куоррелом. Он помнил его ловкое тело, его серые невинные глаза, его простоту, суеверность и его преданность и любовь, которые он питал к нему, Бонду. Он помнил теплоту, иначе и не скажешь, этого человека. Безусловно, его душа не могла оказаться рядом с душой доктора «НО». Что бы ни происходило с телом, души праведников и грешников попадали в разные места. Интересно, куда попадет в свое время душа самого Бонда?

Услышав свое имя, Бонд очнулся от размышлений.

— ...удалось выжить, что совершенно невероятно. Думаю, господа, что нам следует выразить признательность майору Бонду и Службе, которую он представляет, и уделить его рекомендациям то внимание, которого они заслуживают. Мне представляется, что его усилиями стоящая перед нами задача на три четверти решена. Закончить дело — это самое меньшее, что мы можем сделать.

Губернатор что-то пробурчал. Потом бросил взгляд на Бонда. Кажется, этот тип погружен в свои мысли... Но с людьми из Секретной службы ни в чем нельзя быть уверенным. Опасные ребята, если с ними свяжешься, вечно задаются и всюду суют свой нос. Да и у их шефа столько ходов в Уайт Холле. С ними лучше держаться уважительно. Конечно, экспедиция «Нарвика» — дело рискованное. Утечка информации неизбежна. Вся мировая пресса набросится на это. Но тут губернатор вдруг отчетливо представил себе заголовки: «Решительный ответ губернатора... Вмешиваются высшие власти... Военный флот выполняет свой долг!». В конечном счете это, наверное, лучший выход из положения. Возможно, он даже мог бы лично присутствовать при отплытии корабля. Ну, конечно, черт возьми, он позавтракает с Каргиллом из «Глинер», даст ему несколько полезных советов, и все будет представлено в самом выгодном свете. Безусловно, ставить надо было только на это.

Губернатор слегка приподнял ладони и уронил их на стол, словно хотел сказать «сдаюсь». Он обвел зал взглядом с видом человека, вынужденного делать хорошую мину при плохой игре.

— Я уступаю, господа. Итак... — Он говорил тоном

старого дядюшки, обращающегося к детям со словами «ну, хорошо, но только на этот раз...». — Итак, я согласен с вашим решением. Господин Секретарь, прошу установить связь с командиром «Нарвика» и ввести его в курс дела, разумеется, строго конфиденциально. Господин командующий, поручаю вам военные аспекты операции. Вы, господин суперинтендант, знаете, что вам надлежит делать. — Губернатор встал и величественно кивнул Бонду. — Мне осталось только выразить самую искреннюю признательность майору... э-э... Бонду за все, что он сделал. Я не премину сообщить Государственному секретарю о помощи, которую вы нам здесь оказали.

Ослепительный солнечный свет бил в глаза, отражаясь от посыпанной белоснежным гравием дорожки. В машине была жара, как в турецкой бане. Бонд вздрогнул, коснувшись руля обожженными руками. Плейдел-Смит заглянул внутрь.

— Вы знаете ямайское словечко гаце?

— Нет.

— *Harse*, старина, это просторечное выражение, означающее примерно «Э, да брось ты!» Мне кажется, что в данной ситуации вам бы следовало его употребить. Ну, да ладно, — Плейдел-Смит сделал жест, который, по-видимому, означал, что он приносит извинения за своего шефа. — Могу я быть вам в чем-нибудь полезен? Вы действительно решили вернуться в Бо Дезер? Мне в больнице сказали, что вам надо бы еще у них остаться по меньшей мере на неделю.

— Спасибо, — коротко ответил Бонд. — Но мне просто необходимо съездить посмотреть, как себя чувствует эта девушка. Вы не могли бы сообщить в больницу, что я завтра вернусь? А шифровку моему шефу вы отправили?

— С грифом «чрезвычайно срочно».

— Хорошо. — Бонд включил зажигание. — Тогда, думаю все. Вы спросите про девушку в Ямайском Институте, правда? Она действительно здорово разбирается в естественных науках. Причем, все выучено не по книгам. Если у них найдется подходящее место... Мне бы хотелось, чтобы она как-то устроилась. Я сам провожу ее в Нью-Йорк на операцию, а недели через две она могла бы приступить к работе. Помимо всего прочего, — Бонд почувствовал легкую неловкость, — это действительно чудесная девушка. Когда она вернется...

вы и ваша жена... Понимаете, надо, чтобы о ней кто-нибудь позаботился хоть немного.

Плейдел-Смит улыбнулся.

— Не беспокойтесь, я сам займусь этим. В таких делах Бетти просто молодец. Она возьмет девушку под крыло. Что-нибудь еще? Хотя мы с вами увидимся через несколько дней. В такую жару в больнице хуже, чем в пекле. Может быть, вы погостите несколько дней у нас, прежде чем вернуться... то есть отправиться в Нью-Йорк. Мы были бы рады принять вас... вас обоих.

— Спасибо. Спасибо и за все остальное. — Бонд включил передачу и выехал на дорогу, шедшую вдоль роскошных тропических зарослей. Он ехал быстро, так что на поворотах гравий с визгом вылетал из-под колес. Ему хотелось поскорее оставить за спиной Кинг Хауз, теннис, королей и королев. И любезного Плейдел-Смита тоже. Он был признателен этому человеку, но сейчас хотел только одного — добраться до Бо Дезер, уехать подальше от этого упорядоченного мирка. Он миновал пропускной пункт у шлагбаума перед выездом на главную дорогу и дал газ.

Пробираясь по извилистой дороге на северное побережье в своем крошечном автомобиле, Бонд вспоминал события прошедшей ночи.

Плавание при свете звезд прошло без происшествий. Их никто не преследовал. Девушка практически одна следила за курсом. Бонд не протестовал. В полном изнеможении он вытянулся на дне лодки. Раза два он просыпался, слушал, как журчит вода вдоль борта и смотрел на тонкий профиль девушки, словно высеченный на фоне звездного неба. А потом мягкий рокот волн снова погружал его в сон и в кошмары, которые преследовали его после событий на Крэб Кэй. Но это было неважно. Он думал, что никогда больше ни один кошмар его не потревожит. После всего того, что случилось предыдущей ночью, его уже ничто не могло испугать.

Он проснулся, когда лодка наткнулась на подводный камень. Они пересекли рифы перед входом в Порт Морган. Луна стояла высоко, и море за линией рифов было похоже на серебряное зеркало. Девушка по-прежнему не спускала парус. По диагонали через бухту они подошли к небольшому пляжу, и нос лодки у Бонда под головой мягко вошел в песок. Хани пришлось помочь ему выйти из лодки и добраться до дома по мягкой траве лужайки. Пока девушка разрезала и стаскивала

с него одежду, перед тем как отвести его в ванную, Бонд крепко держался за Хани, вполголоса ругаясь. Она не произнесла ни слова, когда увидела его израненное тело. В ванной она включила душ и вымыла Бонда с ног до головы. Потом осторожно вытерла. На полотенцах сразу же проступили пятна крови. Бонд увидел, что она берет бутылку Мильтона. Со стоном он вцепился в раковину и стал ждать. Она подошла и поцеловала его в губы.

— Держись, милый, — тихо сказала она, — можешь кричать. Я знаю, что будет очень больно. — Пока она поливала его этим жутким антисептиком, Бонд плакал и слезы оставляли влажные следы на его щеках.

Потом, когда над бухтой вставала заря, они прекрасно позавтракали перед тяжелейшим переездом на машине в Кингстон, где «скорая помощь» отвезла их на белоснежные больничные койки. Плейдел-Смита заранее предупредили, и никто не задавал вопросов. Энергичный врач-негр по всем правилам заполнил карточку. Интересно, что он там написал? Вероятно, «множественные ожоги и ушибы». Бонд пообещал вернуться в больницу на следующий день и вместе с Плейдел-Смитом отправился в Кинг Хауз на совещание. Через Министерство по делам колоний он отправил М. короткое шифрованное сообщение, которое заканчивалось так: «...сожалею необходимости просить продлить отпуск связи болезнью тчк высылаю медицинское свидетельство тчк прошу информировать оружейника неэффективности смит энд vessona против огнеметов».

Сейчас он раскаивался в своих словах. М. это не понравится. Дешевая ирония, бессмысленная трата шифровального материала. О, черт! Бонд резко вывернул руль, чтобы не столкнуться с автобусом. Он ведь только хотел дать М. понять, что речь идет не просто о лишних днях отдыха в тропиках. В письменном отчете он принесет шефу извинения.

В спальне Бонда царили полумрак и прохлада. Рядом с кроватью уже стояло блюдо с сэндвичами и термос с кофе. На подушке лежала записка. Крупным детским почерком Хани писала: «Сегодня вечером у меня. Не могу бросить зверушек, они очень волнуются. И тебя бросить не могу. Ты еще должен выполнить одно обещание. Зайду в семь. Твоя Х.».

Вечером Хани появилась на лужайке, где Бонд допивал свой третий Бурбон со льдом. На ней были хлоп-

ковая юбка в черную и белую полоску и облегающая розовая блузка. Золотистые волосы пахли дешевым шампунем. Выглядела она неправдоподобно красивой и свежей. Взяв Бонда за руку, она повела его сначала по дорожке, а потом — по хорошо утопанной тропинке через заросли сахарного тростника... Они долго шли через джунгли, полные таинственных ароматов и шорохов, пока не вышли на прелестную лужайку, окруженную развалинами толстых крепостных стен. Две ступеньки вели вниз, к массивной двери, из-за которой слабо пробивался свет.

У двери Хани взглянула на него и сказала:

— Не бойся. Пойдем.

Бонд не смог бы объяснить, что он ожидал увидеть. Он смутно представлял себе земляной пол и сырые стены. Что-нибудь из мебели, кровать, покрытую тряпьем, и резкий запах, как в зверинце. И поэтому он долго заранее настраивался, чтобы случайно не обидеть девушку.

Каково же было его удивление, когда он очутился как бы внутри огромной коробки из-под сигар. Пол и потолок были отделаны прекрасно отполированными кедровыми досками, от которых исходил тонкий аромат, на стенах висели бамбуковые циновки. Свет давала великолепная серебряная люстра на дюжину свечей, подвешенная в центре потолка. Почти под самой крышей — три квадратных окна, через которые было видно темно-синее небо и звезды. Великолепная мебель начала девятнадцатого века. Посреди комнаты — накрытый на двоих стол, уставленный старинным хрусталем и изысканными серебряными приборами.

— Какая чудесная комната, Хани! — воскликнул Бонд. — По твоим рассказам я представлял себе что-то вроде зверинца.

Она засмеялась с довольным видом.

— Я вытащила на свет божий серебро и другие вещи — все, что у меня есть. Весь день чистоту наводила. А правда, здорово? Знаешь, обычно на стенах у меня клетки. Люблю, когда птицы рядом. С ними веселее. Но сейчас, когда здесь ты... — Она замолчала, потом сказала: — Спальня там. — Она показала ему другую дверь. — Очень маленькая, но обоим места хватит. А теперь — к столу. Извини, но горячего не будет. Только омар и фрукты.

Бонд подошел к ней. Он обнял девушку и крепко поцеловал в губы. Потом, не разжимая объятий, посмотрел прямо в ее лучистые голубые глаза.

— Хани, ты замечательная девушка. Самая замечательная из всех, кого я знаю. Надеюсь, жизнь не сможет тебя сильно изменить. Ты, правда, хочешь сделать эту операцию? Твое лицо нравится мне таким, какое оно сейчас. Это ведь частица тебя и всего того, что было.

Она нахмурилась и отстранилась от него.

— Не будь таким серьезным. Не надо об этом. Сегодняшний вечер я дарю тебе. Пожалуйста, расскажи мне о любви. Только о любви. Обещаешь? А пока сядь сюда.

Бонд с улыбкой подчинился.

— Обещаю.

— Вот майонез. Сама делала! А здесь — хлеб, масло. — Она села напротив Бонда и начала есть, внимательно наблюдая за ним. Когда ей показалось, что Бонд уже сыт, она сказала:

— А теперь можешь начинать про любовь. Расскажи мне все. Все, что знаешь.

Бонд посмотрел ей в лицо. Сквозь золотистый загар проступила легкая краска. При свечах глаза девушки нежно блестели, но в них все-таки оставалось то властное выражение, которое он заметил, когда впервые увидел ее на берегу и она решила, что он хотел украсть ее ракушки. Пухлые алые губы слегка приоткрылись от нетерпеливого желания. С ним Хани комплексов не испытывала. Два зверя, охваченные страстью. Все предельно естественно. Никакого стыда. Она могла задать ему любой вопрос и вправе была ожидать ответа. Как будто близость между ними существовала уже давно.

— Видишь ли... — тут Бонд понял, что совершенно не хочет больше есть. Он почувствовал, как при мысли о девушке у него пересыхает во рту. — Хани, либо я буду есть, либо рассказывать про любовь. Одновременно я это делать не могу.

— Завтра ты едешь в Кингстон. У тебя будет достаточно времени, чтобы поесть. Расскажи про любовь.

Глаза Бонда превратились в две узкие голубые щели. Он придвинулся к девушке, опустил на колено, взял ее руку в свои и внимательно посмотрел на ладонь. Холм Венеры у нее был развит великолепно. Бонд прижался губами к маленькой теплой ладони и нежно кус-

нул ее. Он почувствовал, как другой рукой она ласково треплет его за волосы. Он укусил сильнее. Ладонь прижалась к его губам. Дыхание девушки стало прерывистым. Он укусил еще сильнее. Она тихо вскрикнула и с силой оттянула его голову назад.

— Что ты делаешь? — Глаза ее широко открылись и горели мрачным огнем, лицо побледнело. Она посмотрела на губы Бонда. И медленно привлекла его к себе. Их губы встретились и слились. От ее тела пахло свежим сеном и сладким перцем. Бок о бок они вошли в спальню. Лунный свет заливал постель. На ней лежал спальный мешок с расстегнутой молнией.

Хани отпустила наконец руку Бонда и забралась в мешок. Потом посмотрела на него.

— Мешок я купила сегодня, — сказала она деловито. — Он двуспальный. Кстати, не из дешевых. Скидывай все и залезай внутрь. Ты помнишь, что взял на себя определенные обязательства?

— Но...

— А слово надо держать!

СОДЕРЖАНИЕ

1. «Прием, вас слышу»	3
2. Выбор оружия	9
3. Короткий отпуск	18
4. Добро пожаловать, 007!	25
5. Цифры и факты	35
6. Курок взведен	42
7. Ночной переход	50
8. Прекрасная Венера	57
9. Круг сужается	64
10. Следы дракона	71
11. На вражеской территории	78
12. «ОНО»	88
13. Позолоченная тюрьма	96
14. Доктор «НО»	106
15. Сосуд Пандоры	115
16. Горизонты агонии	125
17. Долгое испытание	135
18. Место казни	145
19. Последнее усилие	151
20. Выполнение обязательств	163

Ян Флеминг
ДОКТОР «НО»

Зав. редакцией *Н. И. Байков*
Редактор *А. Г. Маркус*
Художник *Т. П. Панченко*
Технический редактор *З. Д. Горькова*
Корректор *Н. Э. Ясудович*

Сдано в набор 07.02.90.

Подписано в печать 12.03.90.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага мелопанная.

Гарнитура литературная.

Печать высокая. Усл. печ. л. 9,24.

Уч.-изд. л. 9,97. Тираж 200 000 экз.

Заказ № 241. Цена 3 руб.

Издательство «Прометей» МГПИ
им. В. И. Ленина. 119048, Москва,
ул. Усачева, 64

1-я типография Профиздата, 109044, Москва,
Крутицкий вал, 18,

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

**В 1990—1991 гг.
в серии «Кентавр»
будут изданы:**

Романы и повести классика современного детектива Д. Чейза «Это — дело мужчин», «Под давлением силы», «Ухо к земле», «Уж лучше быть...», «Грифы в ожидании», «Конец банды».

Роман мастера психологического детектива любимого писателя Агаты Кристи Д. Дивайна «Тайны отца».

Повесть автора всемирно известного романа «Пушки острова Наварон» Э. Макбэйна «Убийство оплачено, действуйте!»

Роман короля детективов 30-х годов Д. Уоллеса «Преступление летучего отряда».

Повесть суперпопулярного на Западе М. Спилейна «Сладкий запах смерти».

Произведения известнейших мастеров западного детектива В. Бэлларда «Семь сестер» и Д. Джозефа «Три чужака».

Покупайте и коллекционируйте книги серии «Кентавр», знакомящие Вас с лучшими образцами зарубежного детектива!

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Издательство «Прометей»

МГПИ им. В. И. Ленина

**предлагает вашему вниманию книги,
выпускаемые издательством в 1990 году:**

Т. Зуева. Волшебная сказка.

В. Зими́на. Под тенью черного орла

Л. Микешина. Ценностные предпосылки в структуре научного познания

И. Волкова. Новый период истории России в трудах С. М. Соловьева.

А. Горский. Древнерусская дружина

А. Иванов. Высшая школа России конца XIX—начала XX века

В. Комин. Анархизм в России

Л. Пушкарев. Духовный мир русского крестьянина по пословицам XVII—XVIII веков

И. Прыжов. Декабристы на Петровском заводе

В. Черный. В памяти России (о борьбе русского народа против монгольского ига и Куликовской битве)

А. Колганова. Во след чужому гению (о произведениях литературы, созданных как переделки или продолжения прославленных творений классики)

В. Шестаков. Современная утопия и утопический роман

А. Василенко. Загадки истории русской промышленности (о малоизвестных страницах истории русской промышленности и кустарных промыслов)

Т. Савченко. Сергей Есенин и его окружение

И. Шайтанов. Мыслящая муза (о поэтическом открытии природы поэтами А. Поуп, Э. Юнг и русских поэтах от М. Ломоносова до Н. Карамзина)

Альманах «Лазурь» (повести О. Форш «Сумасшедший корабль», А. Корнеева «После юбилея. О Николае Грече», дневник М. Башкирцевой и ее переписка с Ги де Мопассаном, Э. Гонкуром, сказки А. Ремизова).

Зарубежная литература XVII—XVIII веков. (Англия, Франция, Германия, Италия). Под ред. В. Пуришева.

Книги можно приобрести в издательстве «Прометей» (пр. Вернадского, 88, киоск учебного корпуса) либо заказать, прислав открытку по адресу: 119048, Москва, ул. Усачева, 64, издательство «Прометей», отдел реализации).

Заказанные книги высылаются наложенным платежом после их выхода в свет.

Телефон для справок: 245-58-48. Отдел реализации.

